

*АНТОЛОГИЯ
ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ*

Э. Ф. Побегайло

**ИЗБРАННЫЕ
ТРУДЫ**

Антология юридической науки

Эдуард Побегайло
Избранные труды

«Юридический центр»

2008

ББК 67.408

Побегайло Э. Ф.

Избранные труды / Э. Ф. Побегайло — «Юридический центр»,
2008 — (Антология юридической науки)

В настоящий сборник вошли работы разных лет одного из видных представителей отечественной науки уголовного права Э. Ф. Побегайло. Это труды, посвященные уголовной политике государства, проблемам криминологии, в основном – связанным с насильственной преступностью, теоретическим вопросам уголовного права, принципам уголовного судопроизводства. Все они, независимо от времени написания, обладают огромной актуальностью. Книга предназначена для преподавателей, аспирантов, студентов, практических и научных работников, а также для всех интересующихся вопросами уголовного права.

ББК 67.408

© Побегайло Э. Ф., 2008
© Юридический центр, 2008

Содержание

Раздел I	6
Симптомы кризиса современной российской уголовной политики[1]	6
§ 1. Криминологическая реальность и уголовная политика	6
§ 2. Истинно ли уголовное судопроизводство, где не требуется установления истины?	11
§ 3. Мораторий по воспроизводству убийц	15
§ 4. Криминализация общества через декриминализацию преступлений	18
Проблемы уголовной политики в сфере обеспечения безопасности жизни граждан (законотворческий аспект)	28
Проблема смертной казни в условиях современной криминологической обстановки в России[94]	37
Раздел II	43
Тенденции современной преступности и совершенствование уголовно-правовой борьбы с нею[106]	43
Введение	43
§ 1. Основные тенденции современной преступности	44
§ 2. Проблемы совершенствования уголовно-правовой борьбы с преступностью в условиях осуществления правовой реформы	60
Личность убийц	73
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Эдуард Побегайло

Избранные труды

© Э. Ф. Побегайло, 2008

© Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2008

* * *

Раздел I Уголовная политика

Симптомы кризиса современной российской уголовной политики¹

*Юридическая наука начинается там, где она говорит
законодателю: «нет».*

(М. Д. Шаргородский. 1963)

Кризис – это тяжелое переходное состояние какого-либо процесса, социального института (например, духовный, политический, финансовый кризис)²; это состояние, когда существующие средства (механизмы) достижения целей становятся неадекватными и в результате возникают непредсказуемые ситуации и проблемы, для преодоления которых нужны новые модели мышления и действия³. В данном случае речь идет о кризисе политики Российского государства в области борьбы с преступностью (современной российской уголовной политики).

Кризис этот начался давно. Но апогея он, по нашему мнению, достиг в начале XXI столетия.

Прежде чем обосновывать это положение, скажем несколько слов о нашем подходе к понятию «уголовная политика», поскольку на данный счет в специальной литературе имеются различные точки зрения.

§ 1. Криминологическая реальность и уголовная политика

Слово «политика» (politikē) в переводе с греческого означает «искусство управления государством». Политика выражает функции государства по руководству той или иной сферой общественной жизни. *Уголовная политика* как одно из направлений социальной политики – это *государственная политика в области борьбы с преступностью*. Речь идет о направлении деятельности государства в этой специфической сфере, определении форм, задач, содержания деятельности государства и его органов по борьбе с преступностью и тесно связанными с нею другими формами антиобщественного поведения. Уголовная политика представляет собой *стратегию и тактику этой борьбы*. Стратегия и тактика предполагают ответы на два вечных вопроса: что делать и как делать? На первый вопрос ответ дает стратегия, на второй – тактика.

В последнее время применительно к деятельности по борьбе с преступностью употребляется множество терминов: «борьба», «война», «контроль», «противодействие», «предупреждение», «управленческое воздействие» и др. Надо сказать, что по своему смыслу термины эти далеко не равнозначны. За каждым из них стоит разное содержание. Более широко употребляется термин «борьба с преступностью». Например, ООН проводит конгрессы по борьбе с преступлениями и обращению с правонарушителями. Употребление именно этого термина представляется нам предпочтительным. Борьба с преступностью означает *активную, насту-*

---

¹ В кн.: Алексеев А. И., Овчинский В. С., Побегайло Э. Ф. Российская уголовная политика: преодоление кризиса. М., 2006. С. 13–59.

² См.: Современный словарь иностранных слов. М., 1993. С. 319.

³ См.: Социологический энциклопедический словарь. М., 1998. С. 149.

пательную деятельность путем воздействия на процессы детерминации, обусловливания этого антисоциального явления и применения к лицам, нарушающим уголовный закон, соответствующих мер государственного принуждения. Поскольку такая деятельность осуществляется на основе уголовного законодательства, политика в указанной сфере именуется «уголовной».

В качестве составных частей (отраслей, подсистем, направлений) *единой* политики в сфере борьбы с преступностью специалисты в ряде случаев выделяют *уголовно-правовую, уголовно-процессуальную, уголовно-исполнительную (пенитенциарную), криминологическую (профилактическую), административно-правовую* разновидности такой политики. Однако в реальной жизни борьба с преступностью *осуществляется комплексно* с использованием возможностей каждой из названных политик.

Адекватна ли в настоящее время государственная политика борьбы с преступностью состоянию и тенденциям последней? Не покрывя душой, на этот вопрос можно ответить только отрицательно. Тенденции современной российской преступности, как будет показано ниже, настолько неблагоприятны, что вполне правомерно можно и нужно говорить о том, что преступность создает угрозу национальной безопасности и что сама Россия постепенно превращается в криминальное государство. В то же время с полным правом можно утверждать, что реформирование уголовного и уголовно-процессуального законодательства в сторону либерализации, наблюдающееся особенно в последнее время, а также повсеместная либерализация правоприменительной практики без дифференцированного подхода к различным категориям преступлений и преступников не соответствуют криминологическим реалиям. Изменения в законодательстве криминального цикла недостаточно научно обоснованы.

В свое время концепция реформы российского уголовного законодательства предполагала приведение его в соответствие с криминологической реальностью⁴. Иными словами, изменения в уголовном законодательстве и в других отраслях права криминального цикла должны были быть криминологически обоснованы, при этом предполагался тщательный учет выявленных и прогнозируемых тенденций преступности, ее структуры, новых ее видов, контингента преступников и т. п. Уголовная политика любого государства должна основываться на четком понимании того, каких изменений в структуре и динамике преступности можно будет добиться, совершенствуя соответствующие нормы и институты. Иначе нельзя исключить возможность принятия законодателем решений, которые могут осложнить криминологическую обстановку в стране, вызвать рост рецидивной преступности и отрицательно повлиять на состояние общественного порядка.

Существенную помощь в этом плане могла бы оказать квалифицированная криминологическая экспертиза тех или иных законодательных новелл. Надо сказать, что в отношении проекта УК РФ 1996 г. попытка проведения такой экспертизы по распоряжению Генерального прокурора РФ была предпринята Российской криминологической ассоциацией. Заключение экспертов-криминологов, содержащее серьезные критические замечания по представленному проекту, поступило в Государственную Думу. Но неоправданная поспешность, выразившаяся в том, что Кодекс почему-то обязательно надо было принять к президентским выборам (1996 г.), привела к тому, что результаты экспертизы разработчиками УК РФ фактически учтены не были. Положение, правда, частично нивелировалось тем, что в группу разработчиков тогда еще входил ряд известных криминологов (С. В. Бородин, В. Н. Кудрявцев, Н. Ф. Кузнецова, Г. М. Миньковский, В. Д. Филимонов и др.).

В июне 1996 г. Президент России подписал принятый Государственной Думой и одобренный Советом Федерации новый Уголовный кодекс Российской Федерации.

⁴ См.: Концепция уголовного законодательства Российской Федерации // Государство и право. 1992. № 8. С. 39–46.

Однако с самого начала (по существу, с момента его принятия) правоохранительные органы были обеспокоены целым рядом содержащихся в нем пробелов, неудачных (а иногда и ошибочных) решений. Они поставили перед правоприменительной практикой весьма серьезные, порой трудноразрешимые проблемы. Показательно, что еще до вступления Кодекса в силу, в октябре 1996 г., межведомственная комиссия правоохранительных органов выступила с предложением о необходимости внесения существенных поправок во вновь принятый УК РФ.

Как отмечалось в письме, направленном Президенту РФ в тот период руководителями правоохранительных органов, «сохранение имеющихся существенных изъянов может не только оказать негативное влияние на формирование правоприменительной практики, но, главное, отрицательно сказаться на эффективности борьбы с преступностью». Несмотря на значительную работу, проделанную межведомственной комиссией, ее предложения тогда не получили поддержки со стороны руководства страны.

Между тем многие отмеченные «тупики» были заложены в УК РФ 1996 г. изначально. Кодекс был построен на неолиберальной концепции абсолютного приоритета прав личности, потерпевшей в российских условиях полное банкротство. Под предлогом деполитизации и деидеологизации устоявшихся положений из УК РФ были исключены многие важные и оправдавшие себя институты и нормы. В результате все негативные прогнозы реализовались в российской действительности.

Криминологическая ситуация в России с каждым годом становится все более неблагоприятной. Идет тотальная криминализация общества. В начале XXI в. ежегодно в стране регистрируется столько преступлений, сколько в прошлом (в частности, в 60-е гг.) – за целое пятилетие. Число зарегистрированных преступлений с 582,9 тыс. в 1966 г. увеличилось до 3,5 млн в 2005 г., т. е. в 6 раз. За годы реформ (1991–2005 гг.) в России зарегистрировано более 41 млн преступлений, выявлено свыше 20 млн лиц, их совершивших. Коэффициент преступности (по фактам регистрации) в расчете на 100 тыс. человек вырос с 407 преступлений в 1961–1965 гг. до 2427 преступлений в 2005 г., т. е. в 4,4 раза.

Число зарегистрированных преступлений – это лишь надводная часть айсберга. Это «виртуальная», «отчетно-бумажная» преступность.

По экспертным оценкам (В. В. Лунеев, Б. Я. Гаврилов, Л. В. Кондратюк, К. К. Горяинов, В. С. Овчинский и др.), с учетом колоссальной латентности (гиперлатентности) преступности ее реальный массив превышает регистрируемый в 4–6 раз. Именно фактическая преступность (а не только та, что фиксируется в статистических отчетах) существенным образом отравляет жизнь законопослушных граждан, причиняет обществу колоссальный ущерб.

В массиве регистрируемой преступности значительную часть составляют тяжкие и особо тяжкие преступления. Число лиц, осужденных за эти преступления, постоянно растет.

По данным Федеральной службы исполнения наказаний, в последние годы произошли серьезные изменения в криминогенном составе контингента УИС. В местах лишения свободы и за их пределами возрастает активность криминальных лидеров, пытающихся распространять воровские традиции, организовывать и координировать противоправные действия осужденных.

Численность лиц в местах лишения свободы за год выросла на 60 тыс. человек. При этом количество осужденных за тяжкие и особо тяжкие преступления достигло 70 %. В середине 90-х гг. эта категория составляла 30–35 %. Каждый четвертый отбывает наказание за убийство и умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, каждый пятый – за разбой или грабеж. Более четверти осужденных приговорены к длительным срокам лишения свободы. 46 % осужденных отбывают наказание второй раз и более, что говорит об устойчивой криминальной мотивации и нежелании вести законопослушный образ жизни. Наметилась тенденция к омоложению состава осужденных. Около одной трети лиц, отбывающих наказание, не старше 25 лет.

Увеличивается количество лиц с повышенной возбудимостью и агрессивностью, с психическими отклонениями. Сегодня в местах лишения свободы содержится более 400 тыс. человек, склонных к различным формам деструктивного поведения – агрессии, конфликтам, членовредительству, суициду⁵.

Повышаются организованность, профессионализм, вооруженность, техническая оснащенность преступности, она приобретает все более дерзкие, изощренные формы. Каждый третий участник преступлений был ранее судим. Каждое пятое зарегистрированное преступление совершается группой лиц. Растет число преступлений, совершаемых организованными группами и преступными сообществами (с 26 тыс. в 2002 г. до 28,6 тыс. в 2005 г.).

На Координационном совещании руководителей федеральных правоохранительных органов в мае 2006 г. отмечено, что «размеры организованной преступности в России приобретают характер национальной угрозы». Организованная преступность «поразила практически все сферы – политическую, экономическую, социальную»⁶.

Потрясают воображение масштабы террористической деятельности врагов России, скорбный мартиролог невинных жертв. Преступность все больше проникает во власть, глобализируется и интеллектуализируется. А обществу, попавшему в криминальный капкан, все труднее из него выбраться.

Поскольку прежняя система социальной профилактики правонарушений к началу 90-х гг. была бездумно разрушена, а новая еще не создана, центр тяжести в борьбе с преступностью фактически перенесен в область правоохранительной и правоприменительной деятельности. Это, конечно, не главное направление. «Лучшая уголовная политика, – как говорил в начале XX в. Ф. Лист, – это политика социальная»⁷. Но надо считаться с реалиями. Политика – это искусство возможного. В условиях первоначального накопления капитала, «дикого» рынка, отсутствия необходимого ресурсного обеспечения, а порой и политической воли социальная политика (что бы по этому поводу ни говорилось!) отодвигается на второй план.

Здесь возникает крайне важный вопрос: должна ли уголовная политика в подобных условиях быть либеральной?⁸ Казалось бы, проведение правовой реформы под знаменами буржуазного либерализма – дело естественное и сомнений не вызывающее. Но не все так просто.

Еще Г. Гегель обращал внимание на то обстоятельство, что «если положение самого общества шатко, тогда закону приходится посредством наказания устанавливать пример»⁹, имея в виду, что суровость наказания находится в определенном соотношении с состоянием общества в данную эпоху. Нынешнее состояние российского общества, к сожалению, все еще «шатко». Оно, несмотря на некоторые подвижки, продолжает пребывать в условиях глубокого экономического, социально-политического и духовного кризиса, обострения множества противоречий, имеющих существенное криминогенное значение.

Трудно не согласиться с мнением видного социолога В. И. Добренкова, который отмечает: «Результаты этих разрушительных, губительных, бесчеловечных либеральных реформ очевидны: современное российское общество переживает глубочайший системный кризис, потрясающий основы его существования, жизнь каждого из граждан. Либеральные реформы, вызванные бездумным и безоглядным следованием западным рецептам общественного развития, маниакальным желанием переделать Россию на западный манер, не просто оказались не оправдавшими себя, но – гораздо хуже того – убийственными для всей страны. Либерализм привел российское общество к гибели. Человеческие, материальные и духовные потери,

---

⁵ См.: *Калинин Ю. И.* Доклад на заседании коллегии Минюста России 17 марта 2006 г. // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2006. № 2.

⁶ Российская газета. 2006. 16 мая.

⁷ *Лист Ф.* Учебник уголовного права. Общая часть / Пер. с нем. М., 1903. С. 76.

⁸ См.: *Алексеев А. И.* Должна ли уголовная политика быть либеральной? С. 259–267.

⁹ *Гегель Г.* Философия права. М., 1990.

которые понесла Россия за эти годы, неисчислимы. Они сопоставимы с тем уроном, который понесла наша страна в результате Великой Отечественной войны»¹⁰.

Рост преступности в России происходил на фоне безудержной «либерализации» и «гуманизации» уголовного законодательства и правоприменительной практики, когда даже само понятие «борьба с преступностью» применительно к деятельности уголовной юстиции было объявлено «вульгарной идеей», несовместимой со шкалой либеральных ценностей¹¹. В результате мы имеем то, что имеем.

Помимо игнорирования криминологических реалий, о которых уже шла речь, среди «тупиков» современной российской уголовной политики следует назвать: отсутствие социальной обусловленности и научной обоснованности некоторых уголовных законов, особенно изменений в уголовном законодательстве, нестабильность последнего, рассогласование с процессуальным законодательством (форма стала преобладать над содержанием), выхолащивание предупредительной функции уголовного законодательства вкупе с развалом системы государственной и общественной профилактики преступлений.

Особое внимание хотелось бы обратить на нестабильность уголовного законодательства, выражающуюся в многочисленных его изменениях и дополнениях. По данным Комитета по безопасности Госдумы, в УК РФ за период 1996–2005 гг. было внесено более 500 поправок. И этот процесс продолжается. Уголовный кодекс РФ утратил свойство системности. А ведь правоприменительная деятельность тем эффективнее, чем более постоянными являются нормы уголовного закона. Обратимся для сравнения к криминологической ситуации в США, где в период 90-х гг. в уголовной политике наблюдалась тенденция ужесточения наказаний. Разумеется, последствия такой политики (особенно в долгосрочном плане!) носят неоднозначный характер. Но нельзя не видеть, что за последнее десятилетие XX в. кривая криминальных проявлений в США резко пошла вниз. За 10 лет регистрация преступности в целом сократилась почти на 30 %. Число регистрируемых убийств, краж и разбойных нападений в стране снизилось на 40 % и более. С 1993 по 2003 г. число фиксируемых убийств сократилось с 24,5 тыс. до 15,5 тыс. Если в 1991 г. на 100 тыс. человек приходилось почти 10 убийств, то в 2000 г. их было зафиксировано всего 5,5¹².

В США давно уже поняли, что «либеральный» подход к решению острых социальных проблем (а именно к таким относится проблема борьбы с преступностью) далеко не всегда «самый лучший, самый эффективный, в наибольшей степени отвечающий общественным интересам»¹³.

Либеральная идеология, приверженность к которой демонстрируют наши реформаторы, – это философия индивидуализма. Она исходит из признания ценностного приоритета отдельной личности по отношению к коллективу и государству¹⁴.

Идея всемерной защиты прав и свобод человека и гражданина – действительно великая идея, эти права и свободы – высшая ценность. Но правам и свободам корреспондируют соответствующие обязанности и ответственность за их нарушение. В Декларации о правах и достоинстве человека Всемирного русского народного собора (4–6 апреля 2006 г.) указывается: «Права и свободы неразрывно связаны с обязанностями и ответственностью человека. Личность, реализуя свои интересы, призвана соотносить их с интересами ближнего, семьи, местной

¹⁰ Добренское В. И. Россия на краю бездны... // Нас убивают: Документы, статьи, письма. М., 2004. С. 623–624.

¹¹ См.: Концепция судебной реформы в Российской Федерации. М., 1992. С. 19.

¹² См.: Организованная преступность, терроризм и коррупция: Криминологический ежеквартальный альманах. Вып. 2. М., 2003. С. 157–158; Гордеев Г. Криминал: зигзаги статистики // Тайны XX века. 2004. № 8. С. 2; Квашиш В. Е. По дорогам США: заметки криминолога // Криминологический журнал. 2005. № 2 (8). С. 6.

¹³ Кризис идей классического либерализма обнаружился уже в конце XIX – начале XX в. // Права человека: Учебник для вузов / Под ред. Е. А. Лукашевой. М., 1999. С. 199.

¹⁴ См.: Нудненко Л. А. Теория демократии. М., 2001. С. 42.

общины, народа, всего человечества». Из ст. 29 Всеобщей декларации прав человека 1948 г. также вытекает, что при осуществлении своих прав и свобод каждый человек должен признавать и уважать права и свободы других граждан, соблюдать требования морали, общественного порядка и общего благосостояния.

Вот почему, когда борьба с преступностью, посягающей на основные права российских граждан, общественные и государственные интересы, объявляется «вульгарной» идеей, это не может не вызывать неприятия.

§ 2. Истинно ли уголовное судопроизводство, где не требуется установления истины?

В Концепции судебной реформы Российской Федерации 1991 г. целью деятельности уголовной юстиции была объявлена не борьба с преступностью, а защита общества от преступлений путем реализации уголовного закона, а также защита прав и законных интересов граждан, попавших в сферу юстиции (обвиняемых, потерпевших, гражданских истцов, гражданских ответчиков)¹⁵.

В соответствии с такой, по сути дела, пораженческой концепцией, причем не допускающей никаких противоположных мнений, никакого плюрализма, в новом УПК РФ «перекос» сделан в пользу защиты прав, свобод и законных интересов обвиняемых.

Преданы анафеме традиции отечественного уголовного судопроизводства, в частности УПК РСФСР. Ведь основная задача любого уголовного судопроизводства – это раскрытие преступлений и изобличение лиц, виновных в их совершении, а также установление истины по делу и принятие на этой основе правильного и справедливого решения. «В установлении истины – одна из гарантий того, что наказан будет виновный, а невиновный избежит незаслуженного наказания»¹⁶. Но истина должна быть достигнута не любой ценой, а лишь соразмерными средствами, не ущемляющими без необходимости права личности¹⁷. Отсюда и значимость правоохранительной функции – соблюдения прав личности при осуществлении уголовного судопроизводства.

К величайшему сожалению, объективная истина в уголовном процессе и ориентация правоприменительной практики на ее установление оказались не востребуемыми. В УПК РФ она вообще не упомянута. Некоторые его разработчики вообще считают поиск истины в правосудии химерой¹⁸. Но ведь только при условии установления истины по уголовному делу может быть опровергнута презумпция невиновности обвиняемого (подсудимого). Истина, обнаружение которой является предметом усилий следствия и суда, состоит в полном и точном соответствии действительности выводов следствия и суда об обстоятельствах рассматриваемого уголовного дела, о виновности или невиновности привлеченных к уголовной ответственности лиц¹⁹.

Ревизия этого положения, реставрация давно уже развенчанной позиции, согласно которой юридическое познание носит вероятностный характер, – дело весьма небезобидное.

Если объективную истину заменяет вероятность совершения преступления обвиняемым, то это не что иное, как просто подозрение. Как же это соотносится с позицией разработчиков

¹⁵ См.: Концепция судебной реформы в Российской Федерации. С. 19.

¹⁶ Мотовиловкер Я. О. Некоторые вопросы теории советского уголовного процесса в свете нового уголовно-процессуального законодательства. Кемерово, 1962. С. 6.

¹⁷ См.: Орлов Ю. К. Принцип состязательности в уголовном процессе: значение и пределы действия // Российская юстиция. 2004. № 2. С. 52.

¹⁸ Именно так заявила одна из руководителей группы разработчиков УПК Е. Б. Мизулина в прямом эфире «Пресс-клуба» (12 июня 2002 г.): «Поиск истины в правосудии – химера».

¹⁹ См.: Строгович М. С. Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе. М., 1955.

УПК РФ о необходимости всемерной защиты прав, свобод и законных интересов обвиняемых? О какой научной обоснованности закона здесь можно говорить?

Установление истины по делу означает, что совершенное преступление раскрыто и преступник изобличен. Эта истина означает также, что невиновный человек, на которого необоснованно было возведено обвинение в совершении преступления, оправдан, его доброе имя восстановлено.

Англо-американская доктрина уголовного судопроизводства, некритически воспринятая разработчиками проекта УПК РФ, вообще снимает вопрос о возможности установления истины в ходе производства по уголовным делам²⁰. По мнению сторонников этой доктрины, достижение объективной истины в уголовном процессе исключено. Может быть установлена лишь так называемая юридическая (процессуальная) истина, основанием которой является не постижение объективной реальности, а «определение победителя в судебном споре»²¹. «Цели юриста состоят в выигрыше борьбы, а не в оказании помощи суду в установлении фактов»²². Исходя из этого, очевидно, и судья может принимать решение вопреки фактам.

Как справедливо отмечает Б. Т. Безлепкин, «уголовный процесс – это не только состязание сторон. Он, прежде всего, применяемое на основе принципа публичности оружие государства в его противостоянии с преступностью, причем в своем роде – оружие единственное. Только применяя его, правоохранительные органы государства раскрывают преступления, т. е. посредством доказывания по специальным, тщательно выверенным колоссальным опытом человечества правилам устанавливают наличие события преступления или его отсутствие, фактические обстоятельства готовящегося совершаемого или уже совершенного преступления отвечают на вопрос, кто его виновно совершил, и лишь на этой основе создают предпосылки для решения тех задач, которые сформулированы в ст. 6 УПК»²³. Только при таких условиях права потерпевшего получают надлежащую защиту, а невиновное лицо не подвергнется незаконному и необоснованному обвинению и осуждению. Ограничение назначения уголовного судопроизводства лишь решением задач, сформулированных в ст. 6 УПК РФ (несмотря на их бесспорную важность!), означает извращение истинного содержания публичных интересов в рассматриваемой сфере.

Такой подход явно противоречит традициям отечественного уголовного судопроизводства, да и государств континентальной Европы. Еще Устав уголовного судопроизводства в дореволюционной России (ст. 613) предписывал судье, председательствовавшему при разбирательстве уголовного дела, направлять «ход дела к тому порядку, который способствует раскрытию истины». Термин «установление истины» содержался и в ст. 89, 243 УПК РСФСР 1960 г. Установление истины в уголовном процессе – это его движущее начало, основополагающий принцип. Именно в истине – квинтэссенция правосудия.

Отрицая данный принцип, разработчики проекта УПК РФ, по сути дела, солидаризировались с давно развенчанной позицией известного идеолога и практика массовых сталинских репрессий А. Я. Вышинского, который в 1937 г. писал, что условия судебной деятельности ставят судью перед необходимостью решать вопрос с точки зрения установления максимальной вероятности тех или иных фактов, подлежащих оценке²⁴.

---

²⁰ См., например: *Махов В. Н., Пешков М. А.* Юристы США о целях уголовного процесса США // *Право и политика.* 2001. № 5. С. 66.

²¹ Там же.

²² *Cases and Comments on Criminal Procedure / Ed. by J. V. Haddat.* 4th ed. N.Y., 1977. P. 24. *Пит. по: Право и политика.* 2001. № 5. С. 67.

²³ *Безлепкин Б. Т.* Уголовный процесс России: Учебник. М., 2004. С. 84.

²⁴ См.: *Вышинский А. Я.* Проблемы оценки доказательств в советском процессе // *Проблемы уголовной политики.* Кн. IV. М., 1937. С. 20.

Главный аргумент, выдвигаемый противниками установления истины как цели уголовного судопроизводства, состоит в том, что в данном случае оправдание подсудимого за недоказанностью в совершении преступления якобы будет рассматриваться как брак в работе суда. Поэтому, мол, в России, в отличие от других цивилизованных стран, так ничтожно мала доля оправдательных приговоров²⁵. Все это более чем странно. Получается, что требование всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела (ст. 20 УПК РСФСР), на котором зиждется истина в уголовном судопроизводстве, ведет к вынесению несправедливых приговоров, к нарушениям законности. Здесь все поставлено с ног на голову.

Подвергаются критике непреложные постулаты, выстраданные на протяжении всей драматической истории отечественного судопроизводства. Например, такое утверждение корифея процессуальной науки М. С. Строговича: «Если истина по уголовному делу не найдена, если преступление не раскрыто и преступник не изобличен... – это значит, что следствие и суд не справились со своей задачей»²⁶. По мнению названных критиков, такое требование ведет к серьезным негативным последствиям в сфере правоохранительной деятельности (нарушения в регистрации и учете преступлений, фальсификация показателей, их раскрываемости и др.), не способствует независимости суда и состязательности процесса²⁷. По их мнению, вместо категории «истинность» в уголовно-процессуальной науке целесообразнее использовать категории «достоверность», «вероятность» («высоковероятная», «маловероятная») и проч.²⁸ Все это, конечно, не способствует укреплению авторитета и эффективности правосудия. В этой связи весьма своевременным и научно обоснованным было бы на законодательном уровне воспроизвести формулировку задач уголовного судопроизводства, содержащуюся в ч. 1 ст. 2 УПК РСФСР, а именно: «Быстрое и полное раскрытие преступлений, обеспечение правильного применения закона с тем, чтобы каждый совершивший преступление был подвергнут справедливому наказанию и ни один невиновный не был привлечен к уголовной ответственности и осужден». Хотелось бы знать, чем опорочила себя эта формулировка, как на доктринальном, так и на правоприменительном уровне?

Влияние англо-американской системы уголовного судопроизводства на разработчиков УПК РФ весьма ощутимо. Обратимся, например, к гл. 40 «Особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением». В таких случаях суд может вынести обвинительный приговор без проведения судебного разбирательства (причем это касается преступлений, наказание за которые не превышает 10 лет лишения свободы, т. е. в их число включаются и тяжкие криминальные деяния), а назначаемое наказание не может превышать две трети максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за совершенное преступление. Исследование и оценка доказательств здесь фактически не проводятся. Таким образом, вновь возрождена давно уже отброшенная концепция трактовки признания вины как «царицы доказательств», за что так ратовал в свое время прокурор СССР А. Я. Вышинский (он также заимствовал ее из англо-американского процесса)²⁹. Возрождена практика производства по уголовным делам, принятая в средневековой Европе, в рамках которой внимание, прежде всего, уделялось не рассмотрению сути дела, а признанию, полученному от обвиняемого. Мы вынуждаем обвиняемого во избежание еще более нежелательных последствий признавать свою вину. Неужели непонятно, какое здесь широкое поле для злоупотреблений?

²⁵ См., например: *Овсянников В. В., Овсянников И. В.* Истина перестала быть критерием, и это хорошо // Закон. 2004. № 4.

²⁶ *Строгович М. С.* Курс советского уголовного процесса. Т. 1. М., 1968. С. 329.

²⁷ См.: *Овсянников В. С., Овсянников И. В.* Цели сторон как субъектов доказывания в состязательном уголовном судопроизводстве // Закон. 2004. № 11. С. 92, 93.

²⁸ Там же. С. 94.

²⁹ См.: *Вышинский А. Я.* Теория судебных доказательств в советском праве. М., 1950. С. 264.

Последовательно осуществленная в УПК РФ подмена коллегиального судебного производства единоличным означает не что иное, как замену демократического правосудия формально судебным, а по существу – административным процессом³⁰.

Можно ли с таким «ущербным» УПК эффективно противостоять растущей преступности? Отрицательный ответ на этот вопрос очевиден. Новый УПК РФ отошел от главной линии борьбы с преступностью, в особенности от ее предупреждения. Курс на выхолащивание предупредительной функции уголовного судопроизводства получил в нем законодательное закрепление³¹. Теперь предупреждение преступлений среди задач уголовного судопроизводства не названо, а принятие мер по устранению обстоятельств, способствовавших совершению преступлений, сформулировано как право, а не обязанность органов дознания, предварительного следствия и суда. Из уголовного процесса устранены подлинно демократические институты участия в судопроизводстве населения в лице народных заседателей, товарищеских судов, наблюдательных комиссий, общественных обвинителей и общественных защитников, представителей общественных организаций и трудовых коллективов, общественного поручительства. Все это не может не сказаться самым негативным образом на эффективности борьбы с преступностью.

Странной в данной ситуации выглядит попытка разработчиков УПК РФ представить его как идеологию и философию уголовного правосудия³². Хороша «идеология», в соответствии с которой считается неприличным говорить об истине в уголовном судопроизводстве! Истина – не химера, химерой является представление о невозможности поиска истины в правосудии³³.

Весьма спорной кажется в этой связи и позиция профессора П. А. Лупинской (с ней солидарны многие), согласно которой «уголовное судопроизводство недопустимо рассматривать как средство борьбы с преступностью, так как это неминуемо (почему?! – *Авт.*) приводит к ограничению прав лиц, подозреваемых или обвиняемых в преступлении, ужесточению форм судопроизводства, а также ужесточению назначаемых судом наказаний. Уголовное судопроизводство, рассматриваемое как средство борьбы с преступностью, неизменно влечет за собой усиление его репрессивного характера за счет ограничения прав личности в сфере уголовного судопроизводства»³⁴.

Лупинская, безусловно, права, когда в обоснование высказанной точки зрения указывает, что «преступность – социальное явление, имеющее различные причины и множество порождающих ее объективных и субъективных факторов, а при производстве по уголовному делу речь идет о конкретном преступлении и лице, его совершившем»³⁵. Разумеется, нельзя смешивать преступность как социальное явление и конкретные факты индивидуального криминального поведения. Однако отсюда вовсе не вытекает, что уголовное судопроизводство не предназначено для борьбы с преступностью.

Да, оно не влияет на объективные первопричины преступности как социального явления. Однако реализация уголовной ответственности – это особая форма воздействия на криминогенные факторы личностного характера: дефекты нравственного и правового сознания конкретных индивидов (лиц, совершивших преступления; иных лиц с антисоциальной и асоциальной направленностью), мотивационную сферу их личности. Если при этом достигается цель исправления осужденного и предотвращается рецидив (специальная превенция), налицо

³⁰ См.: Михайлов В. А. Проблема конституционности УПК Российской Федерации // Вестник криминологии. Вып. 4 (8). М., 2003. С. 8–10.

³¹ См.: Алексеев А. И. Должна ли уголовная политика быть либеральной? С. 263.

³² См.: Российская юстиция. 2002. № 5. С. 11.

³³ См.: Ивенский А. И., Тихонов А. К., Громов Н. А. Истина и проблема ее достижения в уголовном процессе // Право и политика. 2004. № 10. С. 79.

³⁴ Лупинская П. А. Уголовно-процессуальное право. 2-е изд. М., 2005. С. 18.

³⁵ Там же. С. 17–18.

прямое влияние практики реализации уголовной ответственности на уровень преступности. Общая превенция удерживает определенную неустойчивую группу лиц (пусть даже небольшую!) от совершения преступлений и тем самым также играет позитивную роль.

Не переоценивая антикриминогенного значения названных факторов, следует отметить, что влияние реализации уголовной ответственности на преступность этим не ограничивается. Через сознание конкретных индивидов уголовно-правовые, процессуальные и уголовно-исполнительные средства оказывают воздействие и на групповое сознание (отдельных формальных и неформальных групп). Воздействуя на индивидуальное и групповое сознание, указанные средства влияют на общественное сознание в целом, дефекты которого, как известно, являются непосредственными причинами негативных отклонений в развитии общества, в том числе криминального поведения.

Более того, в отдельные исторические периоды можно даже констатировать «чувствительность» уровня преступности к интенсивности реализации целенаправленных (специальных) средств борьбы с нею, включая и названные средства уголовно-правового воздействия³⁶.

Применительно к уголовному судопроизводству это свидетельствует о его важной воспитательно-профилактической роли. «Раскрытием каждого преступления и неотвратимым привлечением к законной и справедливой ответственности каждого, кто его совершил, – по мнению Б. Т. Безлепкина, – преследуется еще более (в сравнении с указанными в ст. 6 УПК РФ. – *Авт.*) масштабная высшая задача (цель) – предупреждение новых преступлений и воспитание гражданского правосознания в духе уважения к закону, к правоохранительной системе государства и установленному им правопорядку... В условиях ожесточенного противостояния государства и уголовного мира неотвратимость и меткость уголовной репрессии, а следовательно, и именно такое понимание задач (целей) уголовного судопроизводства в каждом конкретном деле приобретают важнейшее общегосударственное значение»³⁷.

Усиление борьбы с преступностью неверно связывать с ужесточением репрессии и нарушениями конституционных прав человека и гражданина. Никто не отрицает необходимости создания системы юридических гарантий против злоупотребления уголовной репрессией, ее избыточности, ущемления прав и законных интересов человека. Линия на гуманизацию правоприменительной деятельности связана с дифференцированным подходом к правонарушителю и в целом является правильной. Но надо учитывать и реальные негативные тенденции современной преступности. В значительной мере они связаны не с привходящими, «внешними», а с «внутренними» моментами: возрастанием общественной опасности совершаемых криминальных деяний и личностных особенностей виновных. А это в ряде случаев обуславливает необходимость усиления жесткости уголовной репрессии. Когда речь идет о тяжких преступлениях, особенно посягающих на безопасность личности, об опасных преступниках, упорно не поддающихся исправлению, тогда должны использоваться строгие, суровые меры уголовной ответственности. Здесь на первый план выдвигаются интересы общественной безопасности.

Ниже рассмотрим проблемы уголовного законодательства и практики его применения.

§ 3. Мораторий по воспроизводству убийц

Прежде всего необходимо констатировать, что в силу рассмотренных выше причин у нас весьма неэффективно «работает» общая и специальная превенция преступлений. Что нужно сделать для того, чтобы она работала более эффективно?

³⁶ См., например: *Мишниковский Г. Л.* О понятии и системе уголовной политики в свете положений Конституции СССР // Конституционно-правовые основы организации и деятельности органов внутренних дел: Труды Академии МВД СССР. М., 1982. С. 70–71.

³⁷ *Безлепкин Б. Т.* Уголовный процесс России: Учебник. М., 2004. С. 84.

Для этого необходимо, во-первых, обеспечить максимально возможную в данных условиях неотвратимость ответственности за содеянное; во-вторых, там, где это диктуется интересами общественной безопасности, более решительно прибегать к лишению или ограничению преступника физической возможности совершать новые преступления (в первую очередь это касается лиц, совершающих тяжкие насильственные преступления). Устрашение наказанием как средство уголовно-правовой превенции не потеряло еще значения, хотя, конечно, это не главное средство специальной и общей превенции. Главное в сфере уголовно-правовой борьбы с преступностью (речь идет именно об этой сфере, коль действительная социальная профилактика пока не очень реальна) – это такое воздействие на общественное сознание, в особенности на сознание неустойчивых в криминогенном отношении граждан, которое убеждало бы в «невыгодности» занятия преступной деятельностью. Речь идет об использовании метода превентивного сдерживания потенциальных правонарушителей. Эффект общего и специального предупреждения обеспечивается прежде всего реальной практикой осуществления принципа неотвратимости ответственности за совершенные преступления, назначения и исполнения уголовного наказания, а затем уже санкциями уголовного закона (но они должны быть такими, чтобы формировать убеждение в невыгодности занятия криминальной деятельностью). Риск совершения преступления должен превышать возможную выгоду.

Все это, конечно, далеко не панацея, поскольку поведение людей в обществе невозможно регулировать только посредством принципа целесообразности. Еще древние величайшей загадкой человеческого поведения считали то обстоятельство, что человек, зная, как не надо поступать, поступает именно так, как не надо. Однако полностью отрицать устрашающую, сдерживающую роль уголовного наказания, эффективность его предупредительного воздействия было бы неправильно. Его реальные возможности в борьбе с преступностью необходимо использовать.

Как же обстоит дело с использованием этих возможностей в современной России?

К сожалению, с каждым годом эти возможности сужаются. Так, в условиях, когда обеспокоенность общества безопасностью своих граждан достигла пика, когда не менее 90 % россиян, как показывают социологические исследования, являются сторонниками сохранения смертной казни за особо тяжкие преступления, связанные с умышленным посягательством на жизнь человека (что, кстати, предусматривается ч. 2 ст. 20 Конституции РФ), в России действует мораторий на ее назначение и исполнение. А ведь речь идет о наиболее опасных преступниках – убийцах, совершивших тяжчайшие злодеяния против законов Божьих и человеческих, субъектах с ярко выраженной антиобщественной криминальной насильственной направленностью, зачастую неоднократно ранее судимых за тяжкие преступления, на счету которых порой серии убийств (на совести некоторых из них десятки жертв).

Как можно, например, сохранять жизнь такому садисту и душегубу, как С. Ряховский, который обвинялся в совершении 19 убийств и 6 покушений на убийство? Приведем один только фрагмент из материалов его уголовного дела: «Учинив акт мужеложства, Ряховский, продолжая лишать мальчика жизни и понимая, что причиняет ему особые страдания и физические мучения, ввел потерпевшему в задний проход заостренным концом лыжную палку, вследствие чего у него (пострадавшего) последовательно возникли повреждения прямой кишки, мочевого пузыря, брыжейки тонкой кишки, желудка, диафрагмы, левого легкого и пристенной плевры слева. Смерть подростка последовала на месте происшествия от острой кровопотери...» И таких злодеяний у Ряховского – более 20 (если считать и покушения на убийства)³⁸. Однако расстрела он избежал, поскольку к моменту исполнения приговора в стране был введен мораторий на смертную казнь.

³⁸ Архив Московского областного суда. Дело № 18/101157-93.

А сколько таких ряховских было после, сколько их сейчас! Жесткость уголовной репрессии по отношению к таким монстрам представляется вполне оправданной. Библейская заповедь «не убий» из религиозного догмата должна превратиться в реальный запрет; страх нарушить эту заповедь должен войти в «генетическую память» поколений. И здесь исключительность ответственности за совершение криминальных посягательств на жизнь человека совершенно необходима³⁹. Показательно, что во многих странах, в которых применяется смертная казнь, коэффициент убийств в расчете на 100 тыс. населения ниже, чем в странах, где она отменена.

Временный запрет на данный вид наказания вызывает серьезные сомнения с точки зрения его конституционности (ч. 2 ст. 3 и ст. 20 Конституции РФ). Думается, что для окончательного решения этого вопроса необходимо вынести его на всенародный референдум⁴⁰.

Такова, кстати, по существу и позиция Русской православной церкви. На Юбилейном Соборе 2000 г. Русская православная церковь отказалась осудить смертную казнь, сославшись на то, что смертная казнь признавалась в Ветхом Завете и указаний на необходимость ее отмены нет ни в Новом Завете, ни в Предании и историческом наследии Православной церкви. «Сам же вопрос об отмене или неприменении ее должен решаться обществом с учетом состояния преступности, правоохранительной и судебной систем, а наипаче соображений охраны жизни благонамеренных членов общества»⁴¹. Что касается обязательств перед Советом Европы (в апреле 1997 г. Россия подписала Протокол № 6 к Конвенции о защите прав человека, предусматривающий отмену смертной казни; он до сих пор не ратифицирован Государственной Думой и его предписания носят рекомендательный характер), то при решении вопроса об их выполнении нельзя не учитывать, что по сопоставимым данным в России от убийств погибает в 20 раз больше мужчин и в 12 раз больше женщин, чем в странах Западной Европы⁴². Навязывание Советом Европы неприемлемых для России политических решений в данной области – это политика двойных стандартов, псевдодемократический диктат. Как справедливо отмечает О. Н. Ведерникова, «доктрина приоритета национальных интересов предполагает имплементацию только таких положений международного уголовного права, которые согласуются с принципами российской правовой системы, учитывают особенности правосознания российских граждан и объективно направлены на повышение эффективности борьбы с преступностью в нашей стране»⁴³.

В условиях слабости нравственных и правовых норм, хрупкости демократических институтов и традиций, отсутствия правовой государственности отказ от применения к особо злостным преступникам – убийцам и террористам – смертной казни, на наш взгляд, необоснован. Его вполне можно расценивать как одну из форм проявления международно-правового популизма, как стремление продемонстрировать лояльность российской власти к цивилизованному и благополучному Западу⁴⁴. Но такой «гуманизм» уже стоит и будет еще стоять жизни многим гражданам России. К тому же фактическая отмена смертной казни уже привела к активиза-

³⁹ Подробнее см.: Побегайло Э. Ф. Проблема смертной казни в свете криминологической ситуации в России // Криминология: вчера, сегодня, завтра. Труды Санкт-Петербургского криминологического клуба. 2002. № 314. С. 54–61. См. также: Нас убивают: Документы, статьи, письма. М., 2004.

⁴⁰ Результаты такого референдума нетрудно предугадать. По последним данным ВЦИОМа, 84 % опрошенных считают, что в России надо отказаться не от смертной казни, а от мораториев на нее (см.: Очная ставка. 2006. № 4. С. 2). Удивляет упорство, с которым власть не хочет считаться с общественным мнением.

⁴¹ Версия. 2000. № 33. С. 20.

⁴² См.: Бородин С. В. Преступления против жизни. СПб., 2003. С. 428.

⁴³ Ведерникова О. Н. Российское уголовное законодательство в системе национального и международного правопорядка: Тезисы доклада на теоретическом семинаре по актуальным проблемам уголовного права в Российской правовой академии Минюста России. 2006. 12 мая. С. 4.

⁴⁴ См.: Малько А. В., Жильцов С. Д. Смертная казнь в России. М., 2003. С. 6, 209.

ции ее нелегальных форм, имеющих внесудебный характер, – актов кровной мести, самосудов, заказных убийств и т. п.

Прав А. И. Солженицын, полагая, что «бывают времена, когда для спасения общества – государства смертная казнь нужна. А в России сейчас вопрос стоит именно так»⁴⁵.

§ 4. Криминализация общества через декриминализацию преступлений

Эффективность уголовно-правовой превенции в значительной степени подорвана и некоторыми положениями, содержащимися в федеральных законах от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ и от 21 июля 2004 г. № 73-ФЗ, которыми внесены изменения в УК РФ.

Федеральным законом от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ, в частности, из Уголовного кодекса исключена ст. 16, регламентировавшая институт неоднократности преступлений и связанные с ним правовые последствия. Соответствующие изменения в связи с этим внесены и в ст. 17, содержащую определение понятия совокупности преступлений.

Надо сказать, что предложенная в УК РФ 1996 г. трактовка понятий «неоднократность» и «совокупность преступлений» вызвала определенные трудности в правоприменительной практике. Создалась парадоксальная ситуация, когда за совершение менее опасных разнородных преступлений могло быть назначено по совокупности более строгое наказание (путем полного или частичного их сложения), чем за более опасные, образующие неоднократность⁴⁶.

Однако полный отказ от понятия неоднократности – не решение проблемы. Он явно противоречит задачам борьбы с профессиональной преступностью. Дело в том, что криминальный профессионализм, прежде всего, проявляется в систематическом совершении не разнородных, а преимущественно тождественных и однородных преступлений, образующих неоднократность. «Изяв неоднократность из Уголовного кодекса РФ, законодатель фактически проигнорировал серьезные теоретические разработки проблемы множественности преступлений, убедительно доказывающие, что повторение преступлений – типичный вариант криминальной активности, вызывающий серьезное возрастание общественной опасности деяния и нуждающийся в специальной криминализации»⁴⁷. Нарушены вековые традиции законодательства, поскольку российский законодатель всегда реагировал должным образом (путем усиления репрессии) на такие проявления повторности преступлений, как неоднократность и систематичность. Подавляющее большинство уголовных кодексов зарубежных стран содержат нормы, регламентирующие институт неоднократности (повторности) преступлений.

Выход из создавшегося положения был возможен. Часть 3 ст. 16 УК РФ можно было бы изложить в следующей редакции: «В случаях, когда неоднократность преступлений предусмотрена в статьях Особенной части настоящего Кодекса в качестве обстоятельства, влекущего за собой более строгое наказание, каждое из образующих неоднократность преступлений квалифицируется самостоятельно. Все эти деяния одновременно образуют также совокупность преступлений (статья 17 настоящего Кодекса)». Соответствующие изменения в этой связи следовало также внести в ст. 17 и 69 УК РФ о совокупности преступлений и назначении наказания при ее наличии⁴⁸.

⁴⁵ Цит. по: Нас убивают: Документы, статьи, письма. М., 2004. С. 486.

⁴⁶ См., например: Практический комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под общ. ред. Х. Д. Алиперова, Э. Ф. Побегайло. М., 2001. С. 6.

⁴⁷ Галиакбаров Р. Р., Соболев В. В. Уголовный кодекс РФ: поправки с пробелами // Уголовное право. 2004. № 2. С. 15.

⁴⁸ Правда, в специальной литературе последнего времени высказывалось мнение о том, что «одни и те же действия виновного не могут оцениваться как совершенные по совокупности и неоднократности одновременно, поскольку это разные уголовно-правовые институты и смешение их недопустимо» (Попов А. Н. Убийства приотягчающих обстоятельствах. СПб., 2003. С. 109). Однако, во-первых, никто их и не смешивает, а, во-вторых, то, что это якобы нарушает требования принципа справед-

Следует согласиться с мнением А. Н. Игнатова о том, что исключение института неоднократности из УК РФ приведет к резкому смягчению наказания за систематическое совершение преступлений, не являющихся тяжкими, но достаточно распространенных, системообразующих, таких как кражи, мошенничество⁴⁹. А ведь именно лица, совершающие подобные преступления, составляют «элиту» уголовного мира, выступая, как правило, «профессиональными» преступниками, носителями криминальной идеологии и субкультуры⁵⁰.

Федеральным законом от 21 июля 2004 г. № 73-ФЗ в предусмотренное ст. 17 УК РФ понятие совокупности преступлений внесено еще одно существенное и, как нам представляется, весьма спорное с точки зрения системного подхода к реформированию Уголовного кодекса добавление. Совокупность теперь отсутствует в случаях, когда совершение двух или более преступлений предусмотрено статьями Особенной части УК РФ в качестве обстоятельства, влекущего более строгое наказание. Таковы, например, случаи квалифицированных убийств, сопряженных с похищением человека либо захватом заложника (п. «в» ч. 2 ст. 105), с разбоем, вымогательством или бандитизмом (п. «з» ч. 2 ст. 105), с изнасилованием или насильственными действиями сексуального характера (п. «к» ч. 2 ст. 105). Таков и целый ряд деяний, одним из квалифицирующих признаков составов которых является «причинение по неосторожности смерти потерпевшему либо тяжкого вреда его здоровью» (в УК РФ их около 50).

Рассматриваемое нововведение было бы обоснованным, если бы речь шла только об учтенной законодателем в качестве единого составного преступления идеальной совокупности криминальных деяний, что в данном случае имеет место применительно к посягательствам, совершение которых связано с причинением по неосторожности смерти потерпевшему или тяжкого вреда его здоровью (таковы деяния, предусмотренные ч. 3 ст. 123, ч. 2 ст. 124, п. «в» ч. 3 ст. 126, ч. 3 ст. 127 УК РФ, и многие другие). Однако такой подход представляется совершенно необоснованным в плане юридической оценки названных выше семи видов квалифицированного убийства. В случаях убийств, «сопряженных с иным преступлением», налицо типичная совокупность (как правило, реальная) самостоятельных криминальных деяний. Квалификация содеянного только по п. «в», «з», «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ не охватывает содеянного полностью; она может быть адекватной только при применении по совокупности, соответственно: п. «в» ч. 2 ст. 105 и ст. 126; п. «в» ч. 2 ст. 105 и ст. 206; п. «з» ч. 2 ст. 105 и ст. 162; п. «з» ч. 2 ст. 105 и ст. 163; п. «з» ч. 2 ст. 105 и ст. 209; п. «к» ч. 2 ст. 105 и ст. 131; п. «к» ч. 2 ст. 105 и ст. 132 УК РФ. На таких позициях уже более 40 лет стоит и Пленум Верховного Суда в своих руководящих разъяснениях по конкретным категориям уголовных дел⁵¹. Признать содеянное в данных случаях единым составным преступлением невозможно. Видовые и непосредственные объекты рассматриваемых криминальных деяний (убийства, с одной стороны, и похищения человека, захвата заложника, разбоя, вымогательства, бандитизма, изнасилования, насильственных действий сексуального характера – с другой) разные; они не находятся в положении подчиненности по отношению друг к другу, ни один

ливости, нуждается в более весомой аргументации. Ряд авторитетных ученых (С. В. Бородин, В. Н. Кудрявцев, А. А. Пионтковский и др.) считают возможной одновременную квалификацию по совокупности и неоднократности преступлений (см., например: *Бородин С. В.* Преступления против жизни. СПб., 2003. С. 209–213). Речь ведь идет о совершении нескольких преступлений, а юридическая оценка дается только за последнее преступление, образующее неоднократность. О какой справедливости здесь можно говорить? Преступник должен отвечать за все содеянное.

⁴⁹ См.: *Игнатов А. Н.* Некоторые аспекты реформирования уголовного законодательства // Журнал российского права. 2003. № 9. С. 25.

⁵⁰ См.: *Корецкий Д. А.* Идеологические проблемы борьбы с преступностью // Законность. 2004. № 5. С. 3.

⁵¹ См. постановления Пленума Верховного Суда РФ: от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)»; от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое»; от 4 мая 1990 г. № 3 «О судебной практике по делам о вымогательстве»; от 17 января 1997 г. № 1 «О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм»; от 15 июня 2004 г. № 11 «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 131 и 132 Уголовного кодекса Российской Федерации».

из них не является частью другого. Деяния эти существенно отличаются друг от друга и по признакам объективной стороны. Виновный в таких случаях, как правило, одновременно (хотя разрыв во времени может быть минимальным) совершает несколько самостоятельных актов преступного поведения. Различны здесь и наступившие преступные последствия. Таким образом, квалифицированные составы убийства, предусмотренного п. «в», «з», «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ, не охватывают даже наиболее существенных фактических обстоятельств всего содеянного. В большинстве случаев можно говорить также о различиях в направленности умысла виновного, разных мотивах и целях самого убийства и сопряженных с ним иных преступных деяний. К тому же потерпевшим от убийства может быть и лицо, которому причинена смерть в связи с похищением другого человека или захватом иного лица в качестве заложника. То же самое относится к убийствам, сопряженным с разбоем, вымогательством, изнасилованием и насильственными действиями сексуального характера, совершенными против иных лиц.

Во всех этих случаях мы имеем дело не с учтенной законодателем в качестве единого преступления идеальной совокупностью, а с реальной совокупностью криминальных деяний, отличающихся друг от друга по существенным юридическим признакам.

Разработчики изменений УК РФ, внесенных Федеральным законом от 21 июля 2004 г. № 73-ФЗ, не учли данные обстоятельства. Внося рассматриваемое дополнение в ст. 17 УК РФ, необходимо было подкорректировать и редакцию п. «в», «з», «к» ч. 2 ст. 105, а именно вообще убрать из этих пунктов указание на «сопряженные с убийством иные преступления». В этом случае остается квалификация по совокупности убийства (как правило, предусмотренного ч. 2 ст. 105 УК РФ) и того преступления, с которым данное убийство сопряжено. Фактически в этих случаях в юридической оценке содеянного ничего не меняется (только чаще будет применяться п. «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ).

В плане дальнейшего совершенствования уголовного законодательства надо либо как можно скорее вносить эти изменения, либо возвращаться к прежней редакции ст. 17 УК РФ (от 8 декабря 2003 г.), что теперь уже вряд ли целесообразно.

Иное решение вопроса (сохранение status quo) может привести к ослаблению уголовно-правовой борьбы с наиболее тяжкими и бесчеловечными разновидностями убийства, обнаруживающими в настоящее время исключительно неблагоприятные тенденции, поскольку суды будут лишены возможности выносить по делам данной категории приговоры к лишению свободы на сроки свыше 20 лет (путем сложения наказаний по совокупности преступлений). Создается парадоксальная ситуация. За совершение так называемого «простого» убийства (ч. 1 ст. 105 УК РФ) и особо квалифицированной кражи (ч. 3 ст. 158 УК РФ) возможно назначение наказания по совокупности до 25 лет лишения свободы, а за совершение квалифицированного убийства, сопряженного, например, с изнасилованием или с вооруженным разбоем (ч. 2 ст. 105 УК РФ), лишение свободы не может превышать 20 лет (если речь идет о лишении свободы «на определенный срок»). Строго говоря, ослабление борьбы с указанными видами убийства уже произошло в силу необходимости применения к отбывающим наказание лицам по уже рассмотренным судами делам данной категории положений об обратной силе уголовного закона (ст. 10 УК РФ), пересмотра в связи с этим множества приговоров. Вот к чему приводит бессистемный подход к изменениям в уголовном законодательстве (непонимание того, как изменения в одной норме могут сказаться на других нормах)! Приходится с сожалением констатировать и это.

Несколько слов о складывающейся судебной практике по вопросу квалификации убийств, совершенных неоднократно. Оттого, что «неоднократность» как вид множественности преступлений исключена из УК РФ, неоднократных убийств меньше совершаться не стало. Было бы ошибочно (а такая тенденция прослеживается!) квалифицировать неоднократные убийства по п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ. Пленум Верховного Суда РФ в своем постановлении от 27 января 1999 г. № 1 в п. 5 недвусмысленно указал, что квалификация содеянного как убий-

ства двух или более лиц возможна, «если действия виновного охватывались единым умыслом и были совершены, как правило, одновременно». В тех случаях, когда убийство было совершено во второй раз и более в разное время и не охватывалось единым преступным намерением виновного, содеянное должно квалифицироваться по совокупности данных криминальных деяний. Наказание при этом будет определяться в соответствии с положениями ст. 69 УК РФ (путем частичного или полного сложения). Оснований для пересмотра такого подхода и такой практики нет.

Создается впечатление, что законодатель в последнее время вообще игнорирует отечественную и международную практику борьбы с преступностью⁵². Так, вопреки всем традициям законотворчества прежняя судимость в случае совершения нового тождественного или однородного преступления перестала быть квалифицирующим обстоятельством. Тем самым значительно ослаблена ответственность за рецидив преступлений.

В свое время мы уже обращали внимание юридической общественности на то, что в УК РФ 1996 г. не получил должной правовой оценки специальный рецидив криминальных деяний («совершение преступления лицом, ранее судимым за данное преступление») как отягчающее ответственность обстоятельство⁵³. Теперь такой подход практически полностью исключен, если не иметь в виду еще оставшиеся положения, содержащиеся в п. «а» ч. 1 ст. 63 УК РФ (но там речь идет вообще о рецидиве как об обстоятельстве, отягчающем наказание в рамках санкции определенной статьи, а не как об обстоятельстве, квалифицирующем деяние).

Конституционный Суд РФ справедливо полагает, что имеющаяся у лица непогашенная или неснятая судимость порождает особые, складывающиеся на основе уголовно-правового регулирования публично-правовые отношения его с государством, которые при совершении этим лицом новых преступлений служат основанием для оценки его личности и совершенных им преступлений как обладающих повышенной общественной опасностью и потому предполагают применение к нему более строгих мер уголовной ответственности⁵⁴. По мнению Конституционного Суда РФ, такой подход оправдан необходимостью обеспечения содержащихся в ст. 55 Конституции РФ целей защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов граждан. К сожалению, законодатель проигнорировал это решение Конституционного Суда РФ.

Далеко не бесспорной с точки зрения криминологической обоснованности представляется проведенная Федеральным законом от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ реконструкция нормы о рецидиве преступлений (ст. 18 УК РФ). Речь идет о введенных ограничениях при признании рецидива опасным и особо опасным.

Ранее Федеральным законом от 9 марта 2001 г. № 25-ФЗ было проведено в жизнь еще одно весьма спорное в свете криминологических реалий решение о том, что осужденные за особо тяжкие преступления (в их числе убийцы, насильники, разбойники, бандиты, террористы) могут претендовать на условно-досрочное освобождение по отбытии не трех четвертей срока наказания (как это раньше предусматривала ст. 79 УК РФ), а по отбытии двух третей такого срока. Указанную категорию преступников вообще надо лишить права на условно-досрочное освобождение, исходя из исключительной тяжести содеянного и высокой вероятности рецидива с их стороны. Принятое же законодательное решение, несомненно, существенно осложняет и без того неблагоприятную криминологическую обстановку в стране.

С начала XXI в. весьма неблагоприятны тенденции рецидивной преступности. Ежегодно в России осуждается 320–380 тыс. рецидивистов. Уголовная статистика фиксирует рост

⁵² См.: Голлик Ю. В. и др. Самый гуманный УК в мире // Известия. 2004. 6 марта.

⁵³ См., например: Побегайло Э. Ф. Новый Уголовный кодекс России: концепция, проблемы совершенствования // Прокурорская и следственная практика. 1997. № 2. С. 30; Он же. Новый этап в развитии российского уголовного законодательства // Юридический мир. 1997. № 1. С. 36–38.

⁵⁴ См. постановление Конституционного Суда РФ от 19 марта 2003 г. № 3-П.

как абсолютного числа, так и интенсивности преступлений, совершаемых рецидивистами. Только за 2005 г. в сравнении с 2004 г. число рецидивистов среди выявленных преступников возросло на 18,2 %. Растет специальный рецидив, что указывает на интенсивную профессионализацию преступной деятельности. Повышается удельный вес многократного, пенитенциарного, постпенитенциарного, опасного и особо опасного рецидива. Обращает на себя внимание рост рецидивной преступности лиц, находящихся под следствием и судом.

В сложившейся ситуации значительная либерализация репрессивной функции уголовной политики в данной сфере представляется неуместной. Она противоречит интересам общественной безопасности.

До сих пор не решены актуальные вопросы уголовно-правовой борьбы с организованной преступностью. Непродуманным оказалось содержащееся в ч. 4 ст. 35 УК РФ определение признаков преступного сообщества (преступной организации). Трудно по содержащимся там параметрам отграничить преступное сообщество от организованной группы, речь о которой идет в ч. 3 ст. 35 УК РФ. Полагаем, что в понятие «преступное сообщество» следует включить такие признаки, как «управляемость» и «цель длительного занятия преступной деятельностью».

Не предусмотрел законодатель в Особенной части УК РФ и специальной нормы, устанавливающей ответственность за создание и руководство организованной группой, а также участие в ней. В результате положения ч. 5 ст. 35 УК РФ частично «повисают в воздухе». Целесообразно поэтому включить в УК РФ норму об ответственности создателей, руководителей и участников организованных преступных групп (примерно такого содержания, как ст. 210 УК РФ).

Не способствует борьбе с организованной и профессиональной преступностью отсутствие в нормах Особенной части УК РФ такого квалифицирующего признака, как «совершение преступления в виде промысла».

«Ахиллесова пята» Уголовного кодекса России – это проблема санкций; вопрос о санкциях норм Особенной части проработан откровенно слабо. Система санкций в УК РФ нередко противоречит, как нам представляется, интересам охраны личности и общественной безопасности. Недопустимо, например, за умышленное преступление против личности предусматривать наказание в виде штрафа (например, за умышленное причинение легкого вреда здоровью, побои, заражение венерической болезнью, понуждение к действиям сексуального характера, развратные действия – соответственно, ст. 115, 116, 121, 133, 135 УК РФ). В общественном сознании подобные санкции однозначно ассоциируются с возможностью «откупиться» от ответственности за содеянное.

Совершенно нелогично и необъяснимо, например, предпринятое Федеральным законом от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ снижение санкции в виде лишения свободы за такое опаснейшее криминальное деяние, как групповой и вооруженный разбой (ч. 2 ст. 162 УК РФ), перевод этого деяния из категории особо тяжких преступлений в категорию просто тяжких⁵⁵. Если раньше разбой, совершенный группой лиц по предварительному сговору, а равно с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия, наказывался лишением свободы на срок от 7 до 12 лет с конфискацией имущества, то в настоящее время он наказывается лишением свободы на срок от 5 до 10 лет, а конфискация как дополнительное наказание заменена штрафом (правда, на довольно большую сумму).

---

⁵⁵ Абсолютно непонятна позиция разработчиков Федерального закона, которые в рамках ст. 162 УК РФ так и не пришли к однозначному выводу, с каким же составом – формальным или материальным – они имеют дело. В ч. 3 ст. 162 УК РФ говорится о разбое в крупном размере (значит, состав трактуется как материальный), в п. «б» ч. 4 той же статьи речь уже идет о разбое, совершенном в целях завладения имуществом в особо крупном размере (состав – формальный). Что это: техническая ошибка или профессиональная некомпетентность? Хотелось бы, чтобы это был просто технический недосмотр. Но также обстоит дело и с составом вымогательства (сравни: п. «г» ч. 2 и п. «б» ч. 3 ст. 163 УК РФ).

Может быть, число разбоев пошло у нас на убыль, а личность разбойника, несмотря на преступный сговор с другими лицами или применение при нападении оружия, потеряла определенную толику общественной опасности и стала более поддающейся исправлению? Нет, конечно.

В последние 15 лет отмечается фактически постоянный рост (временами беспрецедентный!) регистрации разбойных нападений. При этом наблюдается тенденция к ужесточению насилия при совершении разбоев. Растет число разбойных нападений с применением огнестрельного оружия. Так какие же были основания снижать санкцию за данный квалифицированный вид разбоя, нередко граничащий с бандитизмом? О криминологической обоснованности принятого законодателем решения не может быть и речи.

Весьма отрицательно юридической общественностью было воспринято изъятие из УК РФ такого вида наказания, как конфискация имущества (Федеральный закон от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ). В условиях, когда корыстная мотивация преступной деятельности выходит на первый план, когда растет объем криминального бизнеса, а уровень теневой экономики составляет, по некоторым экспертным оценкам, около половины валового внутреннего продукта, такой шаг действительно не поддается логическому объяснению.

Конфискация имущества – традиционная, общепринятая мера воздействия, известная уголовному законодательству большинства стран. Ее предусматривает ряд международных конвенций, ратифицированных Россией. Речь, в частности, идет о конвенциях ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ 1990 г., о борьбе с финансированием терроризма 1999 г., против транснациональной организованной преступности 2000 г., против коррупции 2003 г. и конвенциях Совета Европы об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности 1990 г., об уголовной ответственности за коррупцию 1999 г. В этих конвенциях детально регулируются вопросы конфискации имущества или его эквивалента у преступников.

Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 153-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона „О ратификации Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма“ и Федерального закона „О противодействии терроризму“» восстановил институт конфискации в УК РФ. Правда, сделано это несколько странно. Конфискация теперь не является дополнительным видом наказания, а относится к *иным* мерам уголовно-правового характера (разд. VI гл. 15¹ ст. 104¹, 104² и 104³ УК РФ).

Думается, что такой довольно спорный подход все же лучше, чем полное отсутствие института конфискации в уголовном законодательстве.

Система санкций Уголовного кодекса тесно связана с проблемой категоризации (классификации) преступлений. И здесь с точки зрения криминологической обоснованности не все благополучно.

Так, на наш взгляд, сомнительным является решение вопроса о категоризации неосторожных преступлений, признание их только деяниями либо небольшой, либо средней тяжести (Федеральный закон от 9 марта 2001 г. № 5-ФЗ). Тенденции неосторожной преступности крайне неблагоприятны, тяжесть ее последствий постоянно растет. От одних только дорожно-транспортных происшествий в последнее время в России ежегодно погибает более 30 тыс. человек и свыше 200 тыс. получают ранения.

Иллюзий и оснований для оптимистических прогнозов в этом отношении быть не может. Бывает так, что одно неосторожное преступление влечет за собой гибель десятков, а то и сотен людей. Как же можно считать его преступлением средней тяжести? Выход, по нашему мнению, состоял в том, чтобы провести отдельную классификацию (категоризацию) умышленных и неосторожных преступлений, а среди последних выделить в отдельную категорию деяния, повлекшие по неосторожности тяжкие последствия.

Однако законодатель пошел другим путем. Он, в частности, отступил от требований концепции уголовной политики о всемерной охране здоровья человека, декриминализовав причинение вреда здоровью средней тяжести по неосторожности (Федеральный закон от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ). В статьях о преступлениях против общественной безопасности, связанных с нарушением соответствующих правил техники безопасности на производстве, о преступлениях против безопасности движения и эксплуатации транспорта и некоторых других неосторожное причинение вреда здоровью средней тяжести также декриминализовано. Все это не согласуется с криминологическими реалиями.

Вряд ли оправдано смягчение наказания по ст. 109 УК РФ за причинение смерти по неосторожности и отнесение этого деяния к категории преступлений небольшой тяжести (ч. 1 ст. 109). Во многих странах санкции за причинение смерти по неосторожности значительно строже.

Важную профилактическую роль играют нормы Особенной части УК с так называемой двойной превенцией⁵⁶. Это нормы об уголовной ответственности за деяния, создающие условия и непосредственную обстановку для совершения других, более тяжких преступлений. Речь идет именно о двойной превенции, двойном профилактическом действии таких норм – против деяний, для борьбы с которыми они непосредственно предназначены, и против тяжких преступлений, для которых создается благоприятная почва, если указанные деяния не вызовут адекватной реакции.

В их числе выделяются нормы, предусматривающие ответственность за хулиганство, угрозу убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, истязание, незаконный оборот оружия, боевых припасов или взрывчатых веществ, вовлечение несовершеннолетних в совершение преступления или иное антиобщественное поведение и некоторые другие. Эффективность профилактического воздействия данных норм связана главным образом с обеспечением своевременности ответственности за деяния, создающие условия для совершения других, более опасных преступлений.

Однако после вступления в силу Федерального закона от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ говорить о какой-то эффективности действия этих норм не приходится. Законодатель фактически декриминализовал «простое» и «злостное» хулиганство, предусматривавшееся ст. 213 УК РФ (соответственно, ч. 1 и 2). Хулиганством теперь признается только «грубое нарушение общественного порядка, выражающее явное неуважение к обществу, совершенное с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия». При этом законодатель в редакции ст. 213 УК РФ почему-то исключил и упоминание о насилии как способе грубого нарушения общественного порядка.

Не является выходом из положения включение в качестве квалифицирующих признаков хулиганских мотивов в нормы об умышленном причинении легкого вреда здоровью и побоях (соответственно, ч. 2 ст. 115 и ч. 2 ст. 116 УК РФ). Хулиганство – это преступление против общественного порядка, публичное криминальное деяние. Преступления же, предусмотренные ст. 115 и 116 УК РФ, относятся к делам частного обвинения, рассматриваемым мировым судьей по жалобе потерпевшего. Но потерпевшие и от более тяжких преступлений не обращаются в правоохранительные органы. Они, как и свидетели, небезосновательно боятся мести со стороны обвиняемых и их окружения. В результате злостные хулиганы остаются безнаказанными.

Попытка законодателя ограничить хулиганство только наиболее опасными действиями, а остальные оставить за рамками уголовного закона ничего, кроме вреда, не принесет. Как справедливо отмечают Л. А. Андреева и Г. В. Овчинникова, «если учесть распространен-

⁵⁶ См.: Побегайло Э. Ф., Ревин В. П. Уголовно-правовые средства предупреждения тяжких преступлений против личности. М., 1988.

ность и разнообразие хулиганских действий в современной жизни, в том числе совершаемых подростками, и фактическое отсутствие других действенных мер воздействия на них, то возникает простор для вседозволенности, разнузданного поведения. Нормальная общественная жизнь, спокойствие законопослушных граждан все более становятся не защищенными государством»⁵⁷.

Разработчики законопроектов последнего времени, как уже отмечалось, весьма далеки от системного восприятия «реформируемого» ими Уголовного кодекса. Именно этим, например, объясняется несурезица с понятием субъекта преступления, предусмотренным ст. 213 УК РФ в новой редакции (от 8 декабря 2003 г.). Декриминализовав фактически ч. 1 и 2 данной нормы, существовавшие в прежней редакции, законодатель поначалу не отреагировал на необходимость внесения изменений в ст. 20 УК РФ о возрасте уголовной ответственности. В ней так и осталось указание на то, что лица, достигшие ко времени совершения преступления 14-летнего возраста, подлежат уголовной ответственности по ч. 2 и 3 ст. 213 УК РФ, в то время как в новой редакции указанной статьи вообще не оказалось ч. 3. Позже Федеральным законом от 21 июля 2004 г. указание на ч. 3 ст. 213 из ст. 20 УК РФ было убрано, осталась только ч. 2.

Но и такую трактовку возраста наступления уголовной ответственности за хулиганство криминологически обоснованной признать нельзя. Это чисто механистический подход к решению вопроса. Дело в том, что ранее уголовная ответственность за хулиганство, совершенное с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия (ч. 3 ст. 206 УК РСФСР 1960 г., ч. 3 ст. 213 УК РФ 1996 г. в ред. от 7 июля 2003 г.), наступала с 14 лет. Оттого, что эта норма превратилась в основной состав хулиганства, степень общественной опасности предусмотренных ею действий не снизилась. Оставлять безнаказанными случаи, когда, например, 15-летний подросток, обидевшись на человека, сделавшего ему справедливое замечание, открывает из охотничьего ружья стрельбу по окнам его квартиры, означает создавать условия для совершения этим подростком и его сверстниками еще более тяжких преступлений. Эти и другие изменения в УК РФ в сторону «гуманизации» ответственности несовершеннолетних (без дифференцированного личностного подхода к степени их криминальной зараженности) убеждают молодых хулиганов в полнейшей безнаказанности. И это при том, что преступность несовершеннолетних в настоящее время обнаруживает весьма неблагоприятные тенденции. Жестокость подростков порой не знает границ. Дети все чаще становятся убийцами.

В свое время Г. М. Миньковский говорил о недопустимости трактовки требования гуманизации уголовной политики как требования максимального (во что бы то ни стало) смягчения участи несовершеннолетнего при любых условиях, отмечая необходимость учета комплекса задач общей превенции, обеспечения реальной безопасности населения и реального исправления преступника⁵⁸. Его позиция особенно актуальна в настоящее время.

Криминологами давно на статистическом уровне подмечена закономерность: ослабление борьбы с хулиганством ведет к росту тяжких насильственных преступлений⁵⁹. Интервал во времени здесь небольшой (год-полтора). Хотелось бы ошибиться на этот раз в прогнозе, но вот данные уголовной статистики: число зарегистрированных преступлений на улицах, площадях, в парках и скверах по сравнению с 2003-м в 2004 г. возросло на 11,1 %; в 2005 г. – на 47,4 %. За указанные периоды времени соответственно возросла регистрация грабежей – на 29,4; 48,3 %; разбойных нападений – на 23,2; 31,4 %. Существенный рост продемонстрировало и само хулиганство в его нынешнем значительно «урезанном» виде: в 2005 г. – на 47,9 %.

⁵⁷ Андреева Л. А., Овчинникова Г. В. Ответственность за хулиганство // Законность. 2004. № 5. С. 7.

⁵⁸ См.: Миньковский Г. М. Избранные труды. Т. 1. М., 2004. С. 237.

⁵⁹ См., например: Овчинский С. С. Актуальные проблемы борьбы с тяжкими преступлениями против личности. М., 1911; Лозбяков В. П., Овчинский С. С. Административно-правовые меры предупреждения преступности. М., 1978; Криминология: Учебник/ Под ред. Н. Ф. Кузнецовой, В. В. Лунеева. 2-е изд. М., 2004. С. 322–325.

К сожалению, на неблагоприятный прогноз «работает» и отмена уголовной ответственности за незаконное ношение газового, холодного, метательного оружия, а также исключение из предметов преступления, предусмотренного ст. 222 УК РФ в ред. от 8 декабря 2003 г., гладкоствольного оружия, т. е. дробовых ружей. Как отмечает Д. А. Корецкий, дробовые ружья – это опасное средство поражения живой мишени, они составляют до 20 % вооружения изученных им бандформирований, используются почти в 40 % вооруженных преступлений, а еще в 10 % применяются изготовленные из них обрезы. Дробовики занимают после снайперских винтовок второе место по эффективности при совершении заказных убийств⁶⁰.

Таков далеко не полный перечень замечаний относительно некоторых аспектов современной российской уголовной политики на законодательном уровне.

К чему такая политика приводит на практике, показывают два следующих примера.

В июне 2004 г. вечером в лесном массиве возле пос. Мурино (Всеволожский р-н Ленинградской обл.) некий Д. подкараулил 13-летнюю школьницу и, угрожая ей ножом, пытался ее изнасиловать. Девочка начала сопротивляться, тогда подонок несколько раз ударил ее ножом в грудь и лицо. В тяжелом состоянии она была доставлена в больницу.

Кто же такой этот Д.? Оказалось, что он был дважды судим, в 1997 и 2000 гг., причем в последний раз за разбойное нападение. В первый раз он был осужден к условной мере наказания, во второй – от отбытия наказания был освобожден по амнистии.

Фактическая безнаказанность за содеянное «развязывает руки» Д. Вскоре он привлекается к ответственности уже за убийство офицера налоговой полиции, совершенное в составе группы из трех человек в пос. Медвежий Стан (в том же районе). Спустя год после совершения убийства, в мае 2004 г., Всеволожский городской суд оправдывает всех обвиняемых в этом преступлении, несмотря на наличие серьезной доказательственной базы. Спустя месяц после вынесения оправдательного приговора рецидивист Д. нападает на ребенка и жестоко калечит его⁶¹.

Другой пример. С Сергиевского полигона в Пограничном р-не Приморского края во время ночных учебных стрельб дезертировал солдат Н. С собой он взял автомат и большое количество патронов. Почти сразу после побега он наткнулся на милицейский патруль и расстрелял его в упор. Погибли три сотрудника милиции. Убийцу искали довольно долго, но в конце концов он оказался за решеткой.

В ходе расследования дела выяснилось, что Н. дезертировал уже второй раз. Во время первого дезертирства он вернулся домой и прожил там почти год. Более того, был привлечен к уголовной ответственности за похищение человека, но суд ограничился назначением ему условного наказания. И опасного преступника снова призвали в армию, допустили к оружию. Это и привело к трагедии⁶².

Это лишь два примера из судебной практики. А сколько их по всей многострадальной России! Именно так нередко оборачивается пресловутая «либерализация» уголовной политики. Прав М. М. Бабаев, когда пишет, что «уголовная политика России во многом вытеснила из сферы своих практических забот и интересов жертву преступления, сконцентрировав все усилия и устремления на правонарушителя»⁶³.

Думается, что настала пора вообще переосмыслить некоторые аспекты доктрины о правах и свободах человека и гражданина. Надо перейти от доктрины индивидуализма и установления гарантий для отдельного индивида к доктрине общественной безопасности и обеспечения прав большинства населения, без чего невозможно гарантировать права каждого

⁶⁰ См.: Корецкий Д. А. Идеологические проблемы борьбы с преступностью // Законность. 2004. № 5. С. 4.

⁶¹ См.: Час пик (Санкт-Петербург). 2004. 23–26 июня.

⁶² См.: Криминальная хроника. 2004. № 20. С. 13.

⁶³ Бабаев М. М., Рахманова Е. Н. Права человека и криминологическая безопасность. М., 2003. С. 41.

отдельного человека⁶⁴. Только такой подход, реализованный на законодательном уровне и повсеместно внедренный в правоохранительную практику, позволит добиться позитивных сдвигов в сфере борьбы с преступностью.

В этой связи вполне правомерна постановка вопроса о необходимости принятия новых, адекватных именно такому подходу к доктрине прав и свобод человека и гражданина и, разумеется, сложившейся криминологической ситуации УК и УПК РФ⁶⁵. Но этому должно предшествовать принятие на федеральном уровне основополагающего документа об Основах государственной политики борьбы с преступностью.

По нашему мнению, все законодательство, связанное с борьбой с преступностью и представляющее единую систему (УК, УПК, УИК, да и КоАП РФ), должно быть подвергнуто комплексной криминологической и уголовно-политической экспертизе (с учетом опыта его практического применения и оценки эффективности). Результаты экспертизы должны быть учтены при принятии законодателем Основ государственной политики борьбы с преступностью. В конце 1990-х гг. проект таких Основ (в целом, на наш взгляд, удачный) был подготовлен силами сотрудников НИИ Генеральной прокуратуры РФ⁶⁶, но так и «застрял» в коридорах ГПУ Администрации Президента РФ. Между тем принятие Основ политики борьбы с преступностью крайне необходимо. Российскому обществу нужна единая концепция, единая стратегия борьбы с преступностью.

Сейчас ее, к сожалению, нет. К каким отрицательным последствиям приводит отсутствие такой концепции, мы попытались показать в данной главе, анализируя, в частности, идеологию нового УПК РФ и изменения в уголовном законодательстве.

---

⁶⁴ См.: Манифест юриста-антиглобалиста / Сост. О. Н. Ведерникова. Тезис 3-й.

⁶⁵ См., например: Гаухман Л. Д. Новый УК РФ: бланкетность, декларативность, казуистичность // Уголовное право в XXI веке. Материалы Международной научной конференции на юридическом факультете МГУ. М., 2002. С. 57–61; Корейский Д. А. Идеологические проблемы борьбы с преступностью // Законность. 2004. № 5. С. 6. Применительно к УПК таковы, по сути дела, позиции В. И. Зажицкого (*Зажицкий В. И.* Указ. соч. С. 28–35), В. А. Михайлова (*Михайлов В. А.* Указ. соч. С. 4–15), А. Д. Войкова (*Бойков А. Д.* Государственная политика борьбы с преступностью и ее отражение в праве и правосудии. С. 196–202) и многих других авторов.

⁶⁶ См.: Основы государственной политики борьбы с преступностью в России. Теоретическая модель. М., 1997.

Проблемы уголовной политики в сфере обеспечения безопасности жизни граждан (законотворческий аспект)

Жизнь человека – важнейшее, от Бога данное ему благо. Она относится к непреходящим общечеловеческим ценностям. Утрата жизни необратима и невозполнима. «Не убий» – такова первая заповедь Закона Божьего. Всеобщая декларация прав человека (ст. 3), Конституция Российской Федерации (ст. 20), провозгласив, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью, гарантируют право каждого человека на жизнь. Охрана жизни от преступных посягательств является важнейшей задачей уголовного законодательства.

К сожалению, от этих законодательных деклараций до реальной действительности – дистанция огромного размера. Мало провозгласить права человека, надо обеспечить их реализацию. Нужно добиться такого положения, чтобы люди не гибли в массовых масштабах, как это имеет место в России.

Преступления против жизни в России уже давно обнаруживают неблагоприятные тенденции. Они наносят огромный, непоправимый ущерб обществу. Одних только убийств в последнее время регистрируется более 30 тыс. в год. По коэффициенту убийств в расчете на 100 тыс. населения Россия занимает одно из ведущих мест в мире, вдвое опережая по этому показателю США. На протяжении ряда последних лет от убийств и других преступлений, повлекших смерть людей, Россия теряет ежегодно 75 тыс. человек. Неуважение к человеческой личности пронизывает российское общество.

Нельзя не учитывать и качественных (структурных) изменений тяжелой насильственной преступности. Их анализ свидетельствует о повышении степени общественной опасности рассматриваемых преступлений, возрастании тяжести причиняемых ими последствий. На фоне бытового, ситуативного характера современной насильственной преступности увеличивается доля организованных, заранее подготовленных преступлений, вооруженных, отличающихся особой дерзостью, изощренностью, жестокостью. Убийства все чаще содержат элементы цинизма, глумления над жертвой, садизма.

Все это обуславливает настоятельную необходимость усиления борьбы с преступлениями против жизни, включая совершенствование общесоциальной и специально-криминологической профилактики, а также повышения эффективности применения уголовно-правовых мер.

Одним из важных направлений государственной политики в сфере борьбы с преступностью является совершенствование действующего уголовного законодательства, внесение в него в необходимых случаях криминологически обоснованных изменений и дополнений. Некоторым ее аспектам, связанным с обеспечением безопасности жизни граждан, и посвящена настоящая статья.

Недавно принятый Уголовный кодекс РФ 1996 г. внес немало нового и полезного в дело уголовно-правовой охраны безопасности личности. Проведена дальнейшая дифференциация ответственности в зависимости от тяжести содеянного и от «личностных» признаков, характеризующих виновных и потерпевших. Криминологически обоснованно повышены санкции за убийство⁶⁷. Однако, на наш взгляд, в этом плане сделано далеко не все.

---

⁶⁷ Профессор С. И. Дементьев считает, что автор настоящей статьи не прав, когда полагает, что в новом УК РФ санкции за убийство повышены (см.: *Дементьев С. И., Дьяченко Р. А., Трахов А. И.* Уголовное наказание: содержание, виды, назначение и исполнение. Краснодар, 2000. С. 112). При этом он ссылается на то, что судебная практика идет по пути смягчения наказания за убийство и что при этом нередко применяется условно-досрочное освобождение. Но законодательное определение сроков лишения свободы в УК и жестокость правоприменительной практики – вещи разные, их нельзя отождествлять. В самом же УК РФ сроки лишения свободы за убийство действительно повышены.

В ходе подготовки нового УК вносилось предложение о выделении такой категории уголовно наказуемых деяний, как «**преступления исключительной тяжести**». Оно было реализовано при решении вопроса о категоризации преступлений в проекте УК РФ, подготовленном группой разработчиков при ГППУ Администрации Президента РФ и Министерства юстиции РФ. Однако в ходе дальнейшей работы над Кодексом это предложение было отвергнуто. Думается, что тем самым законодатель не довел до конца воплощение провозглашенной им концептуальной идеи о приоритете охраны жизни по сравнению с другими социальными ценностями. Под преступлениями исключительной тяжести предлагалось понимать умышленные криминальные деяния, за совершение которых УК предусматривает наказание в виде пожизненного лишения свободы или смертной казни. Все они связаны с умышленным посягательством на жизнь человека (ч. 2 ст. 105, ст. 277, 295, 317, 357 УК РФ). Законодательная регламентация ответственности за данные преступления также должна носить, на наш взгляд, исключительный характер.

Уголовная ответственность за убийство, в порядке исключения, могла бы наступать с 12–13-летнего возраста. Ответственность в таком возрасте за тяжкое убийство возможна, например, по законодательству Франции, Англии, Ирландии, Узбекистана, некоторых штатов США и др.⁶⁸ Материалы специальных исследований, проведенных юристами, психологами, педагогами и представителями других наук, позволяют утверждать, что по достижении подростком 12–13-летнего возраста он реально в состоянии осознанно и взвешенно оценивать свое поведение и поступки, избирательно действовать в криминогенной ситуации⁶⁹. Нельзя не учитывать и того, что последнее десятилетие XX в. ознаменовалось интенсивным ростом посягательств на человеческую жизнь, совершаемых малолетними и нередко сопровождающихся проявлением чудовищной жестокости. Это и приводит к выводу о необходимости изменения нижних возрастных границ уголовной ответственности за преступления исключительной тяжести.

Верхний предел санкции за убийство при отягчающих обстоятельствах (ч. 2 ст. 105 УК), а также за преступления, предусмотренные ст. 277, 295, 317, 357 УК, необходимо повысить до 25 лет лишения свободы с сохранением альтернативных наказаний в виде пожизненного лишения свободы или смертной казни. Верхний предел санкции за убийство без отягчающих обстоятельств следует повысить до 20 лет лишения свободы. В самом деле, весьма сомнительным является положение, когда такое особо тяжкое преступление, как убийство (ч. 1 ст. 105 УК), наказывается с учетом верхнего предела санкции наравне с особо квалифицированными видами разбоя (ч. 3 ст. 162), вымогательства (ч. 3 ст. 163), изготовления или сбыта поддельных денег или ценных бумаг (ч. 3 ст. 186), квалифицированным видом хищения предметов, имеющих особую ценность (ч. 2 ст. 164). При этом минимальный предел санкции за убийство без отягчающих обстоятельств ниже, чем за указанные корыстно-насильственные и корыстные преступления. Это противоречит концептуальной идее уголовно-правовой реформы о необходимости обеспечения приоритетной защиты безопасности личности от преступных посягательств.

Режим отбывания наказания для осужденных за преступления исключительной тяжести должен быть особым и в тех случаях, когда лишение свободы назначено на определенный срок (а не только пожизненно), что потребует внесения соответствующих изменений в ст. 58 УК. Целесообразно также установить, что наказание, назначаемое по совокупности этих преступлений (в случае специального рецидива), может превышать 25 лет, а по совокупности приговоров – 30 лет лишения свободы (соответствующие изменения следует внести в ст. 56 УК). По делам данной категории представляется необходимым вообще отменить условно-досроч-

⁶⁸ См.: Уголовное законодательство зарубежных стран. Сборник законодательных материалов / Под ред. И. Д. Козочкина. М., 1998.

⁶⁹ См., например: Павлов В. Г. Субъект преступления и уголовная ответственность. СПб., 2000. С. 30–35.

ное освобождение. Судимость за эти преступления должна сниматься только судом, а не автоматически погашаться по истечении восьми лет после отбытия наказания, как это происходит сейчас (ст. 86 УК).

Жесткость уголовной репрессии представляется здесь вполне оправданной. Библейская заповедь «Не убий» из религиозного догмата должна превратиться в табу; страх нарушить эту заповедь должен войти в «генетическую память» поколений. Исключительность ответственности за совершение криминальных посягательств на жизнь человека совершенно необходима.

В этой связи представляется криминологически обоснованным, политически и морально оправданным положительное решение вопроса о целесообразности сохранения в российском уголовном законодательстве и правоприменительной практике такой исключительной меры наказания, как смертная казнь.

Полемика вокруг проблемы смертной казни, ведущаяся в России с давних времен и резко обострившаяся с конца 80-х годов минувшего столетия, в последние годы вылилась в настоящее политическое противоборство⁷⁰.

Уголовный кодекс РФ исходит из необходимости сохранения возможности назначения смертной казни за особо тяжкие преступления, связанные с умышленным посягательством на жизнь человека (ст. 20 Конституции РФ). Однако перспективы дальнейшего применения этой меры социальной защиты достаточно неопределенны. В апреле 1997 г. Россия подписала в связи с вступлением в Совет Европы Протокол № 6 к Европейской конвенции о защите прав человека, предусматривающий отмену смертной казни. Он должен был быть ратифицирован в течение трех лет Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации, но до сих пор этого не произошло. Проекты законов о моратории на приведение в исполнение приговоров к смертной казни, вносившиеся в Государственную Думу, были ею отвергнуты.

Тем не менее такой мораторий, введенный Указом Президента РФ, фактически существует; с августа 1996 г. в России не был казнен ни один человек⁷¹. Другой по сути дела мораторий на применение смертной казни введен Конституционным Судом РФ. В своем постановлении от 2 февраля 1999 г. он постановил, что суды РФ не вправе приговаривать обвиняемого к этой исключительной мере наказания до тех пор, пока всем гражданам России не будет обеспечено гарантированное Конституцией РФ право на рассмотрение их дел с участием присяжных заседателей⁷². В настоящее время суды присяжных функционируют лишь в 9 из 89 регионов страны. Таким образом, в данный момент в России действуют два моратория: 1) на назначение и 2) на исполнение смертной казни.

Конечно, мнение о том, что с помощью смертной казни можно добиться серьезных успехов в борьбе с преступностью, является наивным. Еще нигде, никогда и никому не удавалось преодолеть ее посредством физического уничтожения преступников. Другое дело – устрашающее, превентивное воздействие этой меры общественной безопасности на лиц, склонных к совершению преступлений (пусть даже на сравнительно небольшой контингент, по экспертным оценкам – 14–18 %).

Как справедливо отмечает А. С. Михлин, «чем больше „запущен“ субъект в социально-нравственном отношении... тем сложнее воздействовать на него угрозой наказания. Таких лиц если и может что-либо удержать от совершения преступления, то только угроза сурового наказания»⁷³. Как правило, убийства при отягчающих обстоятельствах в большинстве своем совершаются именно такими лицами. По отношению к ним более или менее эффективными в плане превентивного воздействия являются наказания, содержащие максимум кары.

---

⁷⁰ См.: *Климчук Е. А.* Проблема смертной казни в обычае и уголовном праве России: сравнительный исторический анализ. М., 2000. С. 4; *Милоков С. Ф.* Российское уголовное законодательство: опыт критического анализа. СПб., 2000. С. 156.

⁷¹ См.: *Деметьев С. И. и др.* Уголовное наказание: содержание, виды, назначение и исполнение. Краснодар, 2000. С. 220.

⁷² СЗ РФ. 1999. № 6. Ст. 867.

⁷³ *Михлин А. С.* Высшая мера наказания: история, современность, будущее. М., 2000. С. 152.

Смертная казнь как раз и содержит такой максимальный карательный заряд. Страх смерти – серьезный барьер для преступника, хотя и далеко не всегда.

Сторонники полной отмены смертной казни обосновывают свою позицию рассуждениями о неотъемлемых правах человека, об абсолютной ценности человеческой жизни, о гуманизме. Ценности эти действительно непреходящие. Но в то же время было бы неправильным представлять противников отмены смертной казни такими ретроgrадами, людьми жестокими и нецивилизованными. Еще в 1867 г. профессор А. Ф. Кистяковский писал по этому поводу: «Почти все приверженцы смертной казни защищают ее не в принципе, а ради временной ее необходимости и полезности, ради того, что общество еще не доросло до отмены»⁷⁴. Думается, что и в настоящее время российское общество до такой отмены еще не доросло. Результаты анализа криминологической ситуации в России лишний раз убеждают в этом.

Сторонники полной отмены смертной казни нередко ссылаются на данные зарубежной и отечественной статистики, которая не подтверждает того факта, что с введением этой меры наказания сокращаются соответствующие преступления. Мнение это представляется излишне категоричным.

Во-первых, никто ведь не подсчитывал, насколько могло бы возрасти число данных преступлений, не будь за их совершение установлена смертная казнь.

Во-вторых, во многих странах, в которых применяется смертная казнь, коэффициент убийств в расчете на 100 тыс. населения ниже, чем в странах, где она отменена.

В-третьих, не все в этом отношении однозначно и в нашей стране. В 1947 г. Президиум Верховного Совета СССР принял Указ «Об отмене смертной казни». Это отрицательно сказалось на состоянии преступности. В целом по стране резко возросло количество убийств, особенно неблагоприятная ситуация сложилась в исправительных учреждениях. Число убийств в местах лишения свободы возросло в десятки раз. До 1954 г., когда была восстановлена смертная казнь за убийство при отягчающих обстоятельствах (Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об усилении уголовной ответственности за умышленное убийство» от 30 апреля 1954 г.), в ИТЛ свирепствовал бандитизм, убийства стали обычным явлением. Результаты Указа не замедлили сказаться, число убийств, особенно в ИТЛ, резко сократилось (примерно в три раза). Аналогичное общепреентивное значение имел и принятый в 1962 г. Закон об уголовной ответственности за действия, дезорганизирующие работу исправительно-трудовых учреждений. Закон предусматривал возможность применения смертной казни за совершение этих преступлений при отягчающих обстоятельствах (при посягательствах на жизнь сотрудников ИТУ и осужденных, вставших на путь исправления). В результате данные преступления резко пошли на убыль. Подобные примеры можно продолжить.

Какой же контингент лиц до недавнего времени (до решения Конституционного Суда Российской Федерации от 2 февраля 1999 г.) приговаривался к смертной казни? Что представляют собой такие лица? Это – убийцы. Их доля среди всех осужденных за убийство незначительна. Это наиболее опасные преступники, с явно выраженной антиобщественной насильственной ориентацией, неоднократно ранее судимые за тяжкие преступления, совершившие несколько убийств (свыше половины из них убили двух или более лиц, а были среди них и такие, на совести которых десятки жертв).

Полагаем, что к исключительным случаям, при которых пока целесообразно было бы сохранение смертной казни, относятся совершение закоренелыми преступниками таких злодеяний, как убийство нескольких лиц, убийство, совершенное общеопасным способом, из корыстных побуждений, по найму, убийство, сопряженное с разбоем, вымогательством или бандитизмом, а также с изнасилованием и насильственными действиями сексуального характера, из хулиганских побуждений, совершенное группой лиц или неоднократно.

⁷⁴ Кистяковский А. Исследование о смертной казни. Киев, 1867. С. 280–281.

При рассмотрении вопроса о смертной казни нельзя игнорировать и общественное мнение – важный барометр для принятия политических решений.

В условиях российского криминального беспредела правовое сознание общества становится все более нетерпимым к тяжким, бесчеловечным преступлениям.

На рубеже 90-х годов был проведен опрос граждан Краснодарского края и Республики Адыгея по поводу отмены смертной казни. Было опрошено 7511 человек. Только восемь из них высказались за отмену этого наказания⁷⁵. Сходные результаты были получены и в других регионах. Опросы показывают, что 90 % россиян – за сохранение смертной казни. Даже многие из приговоренных к высшей мере наказания придерживаются такого мнения. Отец Павел, священник, с помощью тюремного телефона провел опрос среди «смертников», 75 % из них высказались за сохранение этого наказания⁷⁶.

Не считаться с реальным состоянием общественного правосознания нельзя. В нем прочно укоренилось представление о справедливости и целесообразности смертной казни за преступления, связанные с умышленным лишением человека самого ценного блага – жизни.

Что же касается обязательств перед Советом Европы, то при решении вопроса об их выполнении нельзя не учитывать, что в России от убийств погибает в 20 раз больше мужчин и в 12 раз больше женщин, чем в странах Западной Европы⁷⁷. Как здесь не вспомнить слова князя Бисмарка о том, что противники смертной казни больше щадят преступника, чем его жертву! А ведь жизнь потерпевших не менее ценна! Однако это не останавливает убийцу.

Еще на рубеже XX столетия Б. Н. Чичерин писал: «Чем выше ценится человеческая жизнь, тем выше должно быть и наказание за ее отнятие. Если мы скажем, что жизнь есть такое благо, которое не имеет цены, то отнятие такого блага у другого влечет за собой отнятие того же блага у преступника. Это – закон, который он сам себе положил. Поэтому с точки зрения правосудия смертная казнь составляет чистое требование правды. И государство имеет полное право его прилагать... Есть такие ужасные преступления, за которые единственным достойным наказанием может быть отнятие жизни»⁷⁸.

Что же касается пожизненного лишения свободы, то, как показывают проведенные исследования, это наказание в условиях современной России не может быть эффективно использовано как альтернатива смертной казни. По расчетам В. Н. Андреевой, если за убийство при отягчающих обстоятельствах вместо смертной казни будет применяться только пожизненное лишение свободы, то в России придется строить ежегодно по одной колонии особого режима (в настоящее время таких колоний три)⁷⁹. Автор исходит из того, что пожизненное лишение свободы будет применяться к 5–10 % лиц, совершивших убийство. В этом случае колонии ежегодно будут пополняться 500–800 осужденными к этому наказанию. Согласно же Минимальным стандартным правилам обращения с заключенными, число последних в тюрьме не должно превышать 500 человек. Экономика России, по-видимому, не готова к подобным затратам. Создание только одного места для заключенного стоит 16 тыс. долларов⁸⁰.

Разумеется, аргументы по поводу того, что замена смертной казни пожизненным лишением свободы экономически невыгодна обществу, что налогоплательщики (в том числе и родственники погибших) вряд ли будут согласны содержать в течение многих десятилетий серийных убийц, террористов и маньяков⁸¹, звучат несколько цинично. Там, где идет речь

⁷⁵ См.: Андреева В. Н. Смертная казнь и пожизненное лишение свободы как ее альтернатива: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2000. С. 14.

⁷⁶ Новая газета. 1998. 30 ноября.

⁷⁷ См.: Бородин С. В. Преступления против жизни. М., 1999. С. 353.

⁷⁸ Чичерин Б. Н. Философия права // Избранные труды. СПб., 1998. С. 106, 107.

⁷⁹ См.: Андреева В. Н. Указ. соч. С. 12.

⁸⁰ Коммерсант. 1998. № 22. С. 45.

⁸¹ См., напр.: Афонин А. И. Смертная казнь: проблемы наказания и исполнения по российскому законодательству: Дис.

о сохранении человеческой жизни, нет места прагматизму, экономическим расчетам. По этому поводу выдающийся русский религиозный философ В.С. Соловьев с сарказмом писал: «Если это средство (казнь. – Э. П.) выгодно относительно десяти или двадцати преступников, то оно тем более выгодно относительно десяти тысяч, и что всего выгоднее для общества вешать всех преступников и всех людей, которые ему в тягость»⁸². Другое дело, следует ли с позиций интересов общественной безопасности вообще сохранять жизнь нравственным уродам, недюдам-маньякам, террористам, серийным убийцам. Эти субъекты не поддаются исправлению, они обречены убивать. Полноценными людьми они не станут никогда (даже если через 25 лет после приговора будут освобождены условно-досрочно).

Пожизненное лишение свободы – негуманно как по отношению к самому заключенному, так и к обществу в целом. Это – крайне тяжелое и мучительное наказание. И пока еще не доказано, что является более строгим: смертная казнь или пожизненное лишение свободы. Не случайно некоторые приговоренные к смертной казни лица посылали ходатайства в Комиссию по помилованию при Президенте РФ с просьбой не заменять им смертную казнь пожизненным лишением свободы. Пожизненное лишение свободы, по мнению значительной части опрошенных граждан, – это жизнь без смысла и надежды, смертная казнь в расщепку⁸³.

Возвращаясь к проблеме дифференциации ответственности за убийство, следует обобщить и некоторые частные предложения *de lege ferenda*, связанные с введением в число отягчающих данное деяние таких обстоятельств, как злостная предумышленность при совершении этого преступления; убийство отца и матери; совершение убийства по садистским мотивам; ритуальное убийство (жертвоприношение) и др.⁸⁴

Уголовное законодательство многих зарубежных стран придает большое значение делению умысла на заранее обдуманный и внезапно возникший. С наличием предумышленной преступной деятельности оно обычно связывает повышенную уголовную ответственность. Доминирующей характеристикой тяжкого убийства в англосаксонском уголовном праве является наличие заранее обдуманного злого умысла⁸⁵.

Например, в Великобритании согласно ст. 1 Закона об убийстве 1957 г. квалификация данного преступления как тяжкого определяется единственным обстоятельством: наличием у виновного такого умысла. Этого достаточно для квалификации убийства как *murder*. Во Франции (ст. 221-3 УК) совершение убийства с заранее обдуманным умыслом (*premeditation*) превращает простое убийство (*meurtre*) в предумышленное, квалифицированное (*assassinat*). Оно наказывается пожизненным заключением. Аналогичный подход мы наблюдаем и при оценке убийства как тяжкого первой степени в федеральном уголовном законодательстве США: таковым является противоправное умерщвление человека с заранее обдуманным умыслом (ст. 1111 титула 18 Свода законов США). Нелишне заметить, что наказание за тяжкое убийство первой степени – смертная казнь или пожизненное тюремное заключение.

Деление умысла на заранее обдуманный и внезапный предусматривало и российское Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. (в редакции 1885 г. – ст. 4). Статья 1454 Уложения говорила об убийстве «с обдуманным заранее намерением или умыслом»; в ст. 1455 речь шла об убийстве «без обдуманного заранее намерения» (ч. 1) и об убийстве «в запальчивости или раздражении» (ч. 2). И только Уголовное уложение 1903 г. отказалось от деления умысла на заранее обдуманный и внезапный.

... канд. юрид. наук. СПб., 1999. С. 92, 149.

⁸² Цит. по кн.: Смертная казнь: за и против. М., 1989. С. 173.

⁸³ См.: Семенова Н. Д. Диспозиции и санкции, связанные с насильем над личностью. Краснодар, 2000. С. 51.

⁸⁴ См., например: Побегайло Э. Ф. Право человека на жизнь: современные реалии и вопросы правовой охраны // Пятьдесят лет Всеобщей декларации прав человека: проблемы и реальности реформируемой России. Материалы научно-практической конференции. М., 1999. С. 23.

⁸⁵ См.: Никифоров А. С. Ответственность за убийство в современном уголовном праве. М., 2000. С. 39.

О мотивах такого отказа хорошо сказал профессор И. Я. Фойницкий: «Мера внутренней виновности и опасность деяния и деятеля для общества в несравненно большей степени определяются иными различиями, встречающимися в убийстве, напр., свойством побуждений и мотивов. А., проходя по мосту и видя сидящего на перилах ребенка, из одной жестокости, чтобы полюбоваться предсмертными судорогами, но по внезапному умыслу, сталкивает его в воду. Муж, оскорбленный в своей супружеской чести, решает отомстить похитителю своего семейного счастья, подготавливает оружие и по заранее обдуманному плану убивает его. В первом случае, несомненно, убийство, хотя и по внезапному умыслу усиленное, несравненное тяжелее, чем во втором»⁸⁶.

Таким образом, убийство с заранее обдуманным намерением не всегда свидетельствует о большей степени общественной опасности субъекта. Лицо, легко решающее совершить преступление, может быть признано более общественно опасным по сравнению с тем, кто осуществляет его после долгих внутренних, порой мучительных колебаний, борьбы мотивов.

Современное российское уголовное законодательство не знает деления умысла на заранее обдуманный и внезапно возникший, не придает предумышленности значения обстоятельства, отягчающего ответственность за убийство. Думается, однако, что такое деление все-таки не лишено практического смысла. Проявившееся и длительное время существовавшее намерение совершить преступление в ряде случаев свидетельствует о большей общественной опасности лица, совершившего предумышленное преступление, по сравнению с лицом, совершившим аналогичное преступление по внезапно возникшему умыслу. В последнее время о повышении степени общественной опасности тяжких насильственных преступлений в определенной степени свидетельствует и резкое увеличение доли именно предумышленных криминальных деяний.

Однако оценка предумышленности должна быть дифференцированной. В тех случаях, когда она свидетельствует о низменности мотивов, особой расчетливости, хладнокровии, изощренности субъекта, совершающего преступление, о стойкости его антиобщественной направленности, естественно, повышается опасность и самого криминального деяния, и личности виновного. Заранее обдуманное, спланированное и подготовленное преступление имеет больше шансов быть успешно реализованным. Тяжесть наступивших при этом последствий может быть более значительной.

Вот почему заслуживает обсуждения вопрос о возможности включения в качестве отягчающего убийство и умышленное причинение тяжкого вреда здоровью обстоятельства их совершение предумышленно по низменным мотивам (помимо корыстных и хулиганских побуждений, стремления скрыть другое преступление или облегчить его совершение, мотивов национальной, расовой, религиозной ненависти и вражды, предусмотренных ч. 2 ст. 105 УК, это – карьеристские мотивы, зависть, не спровоцированная аморальным или противоправным поведением потерпевшего мести, злоба, малодушие, трусость и пр.). Правда, четко и операционально сформулировать соответствующий пункт в ч. 2 ст. 105 УК будет нелегко.

Российское Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. и Уголовное уложение 1903 г. наиболее тяжкими преступлениями против жизни признавали убийство отца и матери, которое наказывалось лишением всех прав состояния и пожизненной (бессрочной) каторгой. Это соответствовало сложившемуся в христианской России пониманию общечеловеческих ценностей. «Почитай отца твоего и мать твою, как повелел тебе Господь, Бог твой...», – говорится в Библии. Такое почитание характерно для менталитета подавляющего большинства народов самых разных конфессий. В соответствии со ст. 200 УК Японии тот, кто совершил убийство человека, состоящего в родстве по прямой восходящей линии

---

⁸⁶ Фойницкий И. Я. Курс уголовного права. Часть Особенная (Посягательства личные и имущественные). СПб., 1912. С. 29–30.

с ним или его супругом, наказывается смертной казнью или бессрочным лишением свободы с принудительным физическим трудом. По УК Франции (ст. 221-4) к числу квалифицирующих признаков убийства относится причинение смерти родственнику по восходящей линии. В ходе подготовки нового УК РФ и у нас была предпринята попытка включить в перечень отягчающих убийство обстоятельств лишение жизни отца и матери⁸⁷. Однако она не увенчалась успехом. Возобладало мнение, удачно охарактеризованное профессором С. В. Бородиным как остатки «классового», «пролетарского» правосознания⁸⁸, о том, что «родители бывают... разные». Категорический императив относительно признания тягчайшим преступлением убийства родителей был таким образом поколеблен. Чудовищность подобных деяний, глубочайшая, как правило, аморальность виновных, неблагоприятные тенденции этих преступлений обуславливают необходимость возвращения законодателя к рассмотрению данного вопроса.

В ходе работы над проектом УК РФ вносилось предложение об отнесении к отягчающим убийство обстоятельствам совершение его по мотивам садизма. Предложение это было отвергнуто. О садизме как об обстоятельстве, отягчающем наказание, в УК РФ говорится только в п. «и» ч. 1 ст. 63. Думается, что законодателю с учетом крайне неблагоприятных тенденций насильственных преступлений, совершаемых из садистских побуждений, целесообразно было бы вернуться к рассмотрению вопроса об отнесении рассматриваемого мотива к обстоятельствам, квалифицирующим убийство (ч. 2 ст. 105 УК), умышленное причинение тяжкого и средней тяжести вреда здоровью (ч. 2 ст. 111, ч. 2 ст. 112 УК), истязание (ч. 2 ст. 117 УК), а также изнасилование (ч. 2 ст. 131) и насильственные действия сексуального характера (ч. 2 ст. 132 УК).

Садизм – это форма извращенного полового влечения, при которой достижение сексуального удовлетворения наступает в процессе причинения другому человеку физических и (или) моральных страданий⁸⁹. Для садиста основное значение при половом вождении имеет сам факт насилия над жертвой, которое приобретает противоестественные, уродливые формы в виде причинения сильных болевых ощущений, мучений, телесных повреждений и даже смерти⁹⁰. Подобные действия нередко выступают как суррогат полового сношения. Садист испытывает сладострастие и оргазм при одном виде страданий и агонии жертвы.

Таким образом, садистские убийства (да и другие насильственные преступления, совершенные по мотивам садизма) не всегда сопряжены с изнасилованием или иными насильственными действиями сексуального характера (п. «к» ч. 2 ст. 105 УК). В этой связи предпочтительной представляется позиция УК ФРГ, в соответствии со ст. 211 которого тяжким признается убийство, совершенное на почве полового извращения или для удовлетворения полового влечения. Под эту формулировку подпадает и садистское убийство без вступления в половое сношение либо когда такое сношение поначалу носило добровольный характер.

В последнее время внимание научной общественности привлекает и криминальная деятельность тоталитарных сект (сатанистов, кружков «теософской ориентации» и др.), члены которых иногда совершают кровавые ритуальные жертвоприношения. По оценкам специалистов, в России на сегодняшний день действует порядка 100 сатанистских сект, представляю-

⁸⁷ См.: Преступление и наказание: Комментарий к проекту Уголовного кодекса России / Под ред. Н. Ф. Кузнецовой и А. В. Наумова. М., 1993. С. 105, 107–108.

⁸⁸ Бородин С. В. Преступления против жизни. М., 1999. С. 30–31. Автор уже давно последовательно и убедительно отстаивает рассматриваемое предложение.

⁸⁹ См., напр.: Крафт-Эбинг Р. Половая психопатия, с обращением особого внимания на извращение полового чувства / Пер. с нем. М., 1996. С. 93–137; Старович З. Судебная сексология / Пер. с польск. М., 1991. С. 68–69.

⁹⁰ См.: Даниэльбек Б. В. Половые извращения и уголовная ответственность. Волгоград, 1972. С. 117–118; Антоныч Ю. М., Каченко А. А., Шостакович Б. В. Криминальная сексология. М., 1999. С. 263.

щих собой постоянный источник угрозы для общества⁹¹. По количеству только зафиксированных ежегодных жертвоприношений (латентность здесь колоссальная!) Россия вышла на третье место в мире⁹².

Приведенные данные свидетельствуют об острой необходимости предусмотреть в ч. 2 ст. 105 УК РФ в качестве квалифицирующего убийство признака совершение его по ритуальным мотивам (жертвоприношение).

Серьезную проблему в правоприменительной деятельности представляет в настоящее время квалификация так называемого неоднократного убийства (п. «н» ч. 2 ст. 105 УК РФ). Речь идет о совершении убийства во второй раз и более при отсутствии единого умысла на совершение данных преступлений и осуществлении их, как правило, в разное время.

В п. 14 постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам об убийстве» от 27 января 1999 г. указывается: «Если виновный в разное время совершил два убийства, за первое из которых он не был судим, содеянное в целом должно квалифицироваться по п. „н“ ч. 2 ст. 105 УК РФ...»⁹³

Такое решение вопроса вытекает из законодательных понятий неоднократности и совокупности преступлений, данных в ст. 16 и 17 УК РФ. В то же время оно приводит к тому, что ранее совершенное убийство или покушение на него остаются без должной юридической оценки, а при назначении наказания «многократный» («серийный») убийца оказывается в более выгодном положении, чем лицо, совершившее одно убийство и еще какое-то нетождественное преступление (например, незаконное хранение огнестрельного оружия). В первом случае верхний предел возможного наказания ограничен рамками санкции ч. 2 ст. 105 УК, выйти за него нельзя, во втором – он может быть превзойден в соответствии с правилами назначения наказания по совокупности преступлений путем сложения (ч. 3 ст. 69 УК). Нелепость сложившейся ситуации очевидна. Она касается не только убийств, но и других преступлений, в качестве квалифицирующих признаков составов которых выступает неоднократность.

Принципиальное решение вопроса нами видится в изменении редакции ст. 16 и 17 УК таким образом, чтобы неоднократность преступлений (если виновный не был осужден за ранее совершенные деяния) не исключала бы и их совокупности (ее образовывали бы не только разнородные, но и тождественные и однородные преступления).

В этой связи ч. 3 ст. 16 УК РФ целесообразно было бы, на наш взгляд, изложить в следующей редакции: «В случаях, когда неоднократность преступлений предусмотрена в статьях Особенной части настоящего Кодекса в качестве обстоятельства, влекущего за собой более строгое наказание, каждое из образующих неоднократность преступлений квалифицируется самостоятельно. Все эти деяния одновременно образуют также совокупность преступлений (ст. 17 настоящего Кодекса)». Соответствующие изменения в этом плане надо также внести в ст. 17 УК о совокупности преступлений.

Применительно к рассматриваемой проблеме другое локальное (и менее принципиальное) ее решение могло бы состоять в восстановлении в УК прежней редакции квалифицирующего рассматриваемое преступление обстоятельства (не «убийство, совершенное неоднократно», а «убийство, совершенное лицом, ранее совершившим убийство (за исключением предусмотренных статьями 106–108 УК)»).

---

⁹¹ См.: Люди погибли. Сатанизм в России: попытка анализа. М., 2000. С. 184–185.

⁹² Мир криминала. 2001. № 1. С. 3.

⁹³ Судебная практика к Уголовному кодексу Российской Федерации/Сост. С. В. Бородин, А. И. Трусова. М., 2001. С. 395.

Проблема смертной казни в условиях современной криминологической обстановки в России⁹⁴

1. Криминологическая ситуация в России в течение последних двенадцати лет исключительно неблагоприятная. Идет тотальная криминализация общества.

Период реформ начался с резкого обострения зарегистрированной преступности. За период с 1990 по 2000 г. ее уровень возрос примерно в три раза. Темпы ее роста в отдельные годы были просто беспрецедентными. Например, в 1992 г. число зарегистрированных преступлений в сравнении с предыдущим годом возросло на 27 %, в то время как по данным ООН годовой прирост преступности составляет 5 %. К началу XXI столетия число зарегистрированных преступлений составило более 3 млн. Однако это лишь надводная часть айсберга. По самым осторожным экспертным оценкам, с учетом латентности реальный массив преступности составляет более 10 млн криминальных деяний в год (называют и более высокие цифры). На динамику развития криминологической ситуации негативное воздействие оказали кризис в финансово-экономической сфере, война в Чечне и связанная с ними социальная напряженность в обществе.

В массиве регистрируемой преступности значительную часть (примерно 60 %) составляют тяжкие и особо тяжкие преступления (в 2001 г. их зарегистрировано почти 1,8 млн).

Усиливается корыстная направленность преступности – каждое второе из зарегистрированных преступлений посягает на собственность. Продолжается рост преступных посягательств в сфере экономики. Весьма беспокоят состояние и тенденции насильственной преступности.

Непосредственно потерпевшими от криминального насилия ежегодно становятся сотни тысяч людей. Только за последние 12 лет, по ориентировочным оценкам, от прямого и косвенного насилия в России погиб 1 млн человек, а более 2 млн получили увечья. Увеличиваются организованность, профессионализм, вооруженность, техническая оснащенность преступности, она приобретает все более дерзкие, изощренные формы. Каждый третий участник преступлений был ранее судим. Каждое пятое зарегистрированное преступление совершается группой лиц. Возросло число преступлений, совершенных организованными группами и преступными сообществами.

2. Применительно к обсуждаемой теме нас интересуют особо тяжкие преступления против жизни, ибо только с их совершением ст. 20 Конституции Российской Федерации связывает возможность назначения смертной казни. Это прежде всего убийства при отягчающих обстоятельствах (96 % приговоров к смертной казни до недавнего времени на практике).

Ситуация в сфере борьбы с убийствами в России весьма неблагоприятная. В последнее время их ежегодно регистрируется примерно 30 тыс. (в 2001 г. – 33,6 тыс.).

Число зарегистрированных убийств в период с 1987 по 2001 г. увеличилось в 3,6 раза, соответственно вырос и их коэффициент на 100 тыс. населения (с 6,3 до 23,2).

По коэффициенту убийств Россия занимает одно из ведущих мест в мире, более чем вдвое опережая по данному показателю США (в 1999 г. коэффициент убийств в США в расчете на 100 тыс. человек населения составил 8,5; в России – 21,1). Надо сказать, что в 50–80-е годы в СССР этот коэффициент был значительно ниже (в 1956 г. – 4,9; 1966 г. – 6,1; 1976 г. – 7,0; 1985 г. – 6,8). Сейчас же по этим показателям мы на втором месте после ЮАР. Убийства стали привычным явлением нашей общественной жизни. Гарантий безопасности нет ни у кого.

⁹⁴ В кн.: Нас убивают: Документы, статьи, письма. М., 2004. С. 507–517.

При оценке данной статистической информации следует иметь в виду, что в настоящее время убийства, бывшие ранее наименее латентными преступлениями, перестали быть таковыми. Статистика отражает их рост на фоне ежегодного роста числа лиц, пропавших без вести, находившихся в розыске и не обнаруженных. С учетом остатка прошлых лет их насчитывается около 100 тыс. человек. Значительное их число, несомненно, было убито.

Крайне острой выглядит также проблема неопознанных трупов, число которых растет из года в год. В России ежегодно подвергаются захоронению тысячи неопознанных трупов, уходя от ответственности убийцы.

Нельзя не учитывать также факты маскировки убийств под самоубийства, несчастные случаи и т. п.

Нельзя не учитывать и *качественных (структурных)* изменений преступлений против жизни. Их анализ свидетельствует о повышении степени общественной опасности названных преступлений, возрастании тяжести причиняемых ими последствий. На фоне бытового, ситуативного в целом характера современной насильственной преступности увеличивается доля организованных, заранее подготовленных преступлений, нередко отличающихся особой дерзостью, изощренностью, жестокостью. Убийства все чаще совершаются с элементами цинизма, глумления над людьми, садизма.

С каждым годом среди лиц, совершающих рассматриваемые преступления, возрастает доля злостных, «привычных» преступников со специфической (агрессивно-насильственной) направленностью. В их противоправном поведении все отчетливее просматриваются признаки криминального профессионализма. В последнее время ежегодно около 600 убийств совершаются по найму. Одна только Новокузнецкая банда совершила 41 заказное убийство.

Правоохранительным органам все чаще приходится сталкиваться с организованными группами и сообществами преступников, осуществляющих тяжкие (нередко исключительно дерзкие и жестокие) посягательства на личность при совершении разбойных нападений, бандитизма, вымогательства. Участились случаи нападений организованных преступных групп на банковские учреждения, обменные пункты и инкассаторов с целью завладения крупными денежными суммами, а также случаи нападения бандитских формирований на объекты транспорта. Нередко они сопровождаются убийствами.

Нельзя не затронуть и проблему так называемых сексуальных убийств. Их число постоянно растет. Нередки случаи совершения подобных деяний преступниками-садистами. Именно сексуальные маньяки совершают серии убийств и изнасилований, в которых число потерпевших исчисляется десятками. Эти кровавые злодеяния поражают своей необычностью, неимоверной жестокостью, неумолимостью и цинизмом, количеством жертв, среди которых немало детей.

Такова криминологическая ситуация в современной России. Думается, что обеспокоенность общества безопасностью своих граждан достигла пика.

3. В этих условиях представляется криминологически обоснованным, политически и морально оправданным положительное решение вопроса о целесообразности сохранения в российском уголовном законодательстве и правоприменительной практике такой исключительной меры наказания, как смертная казнь.

Полемика вокруг проблемы смертной казни, ведущаяся в России с давних времен и резко обострившаяся с конца 80-х годов минувшего столетия, в последние годы вылилась в настоящее политическое противоборство.

Уголовный кодекс РФ исходит из необходимости сохранения возможности назначения смертной казни за особо тяжкие преступления, связанные с умышленным посягательством на жизнь человека (ст. 20 Конституции РФ). Однако перспективы дальнейшего применения этой меры социальной защиты достаточно неопределенны. В апреле 1997 г. Россия подписала в связи с вступлением в Совет Европы Протокол № 6 к Европейской конвенции о защите прав

человека, предусматривающий отмену смертной казни. Он должен был быть ратифицирован в течение трех лет Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации, но до сих пор этого не произошло. Проекты законов о моратории на приведение в исполнение приговоров к смертной казни, внесенные в Государственную Думу, были ею отвергнуты.

Тем не менее такой мораторий, введенный Указом Президента РФ, фактически существует: с августа 1996 г. в России не был казнен ни один человек.

Другой по сути дела мораторий на применение смертной казни введен Конституционным Судом РФ. В своем постановлении от 2 февраля 1999 г. он постановил, что суды РФ не вправе приговаривать обвиняемого к этой исключительной мере наказания до тех пор, пока всем гражданам России не будет обеспечено гарантированное Конституцией РФ право на рассмотрение их дел с участием присяжных заседателей.

В настоящее время суды присяжных функционируют лишь в 9 из 89 регионов страны. Таким образом, в данный момент в России действуют два моратория: 1) на назначение и 2) на исполнение смертной казни. Поскольку любой мораторий носит временный характер, это означает, что проблема смертной казни для России окончательно еще не решена.

Разумеется, мнение о том, что с помощью смертной казни можно добиться серьезных успехов в борьбе с преступностью, наивно. Еще нигде, никогда и никому не удавалось преодолеть ее посредством физического уничтожения преступников. Но другое дело – устрашающее, превентивное воздействие этой меры общественной безопасности на лиц, склонных к совершению преступлений (пусть даже на сравнительно небольшой контингент, по экспертным оценкам – около 20 %).

Как справедливо отмечают исследователи проблемы, «чем больше „запущен“ субъект в социально-нравственном отношении... тем сложнее воздействовать на него угрозой наказания. Таких лиц если и может что-либо удержать от совершения преступления, то только угроза сурового наказания»⁹⁵.

Как правило, убийства при отягчающих обстоятельствах в большинстве своем совершаются именно такими лицами. По отношению к ним более или менее эффективными в плане превентивного воздействия являются наказания, содержащие максимум кары. Смертная казнь и содержит такой максимальный карательный заряд. Страх смерти – серьезный барьер для преступника, хотя и далеко не всегда.

Сторонники полной отмены смертной казни обосновывают свою позицию рассуждениями о неотъемлемых правах человека, об абсолютной ценности человеческой жизни, о гуманизме. Ценности эти действительно непреходящие. Но в то же время было бы неправильным представлять противников отмены смертной казни такими ретроgrадами, людьми жестокими и нецивилизованными. Еще в 1867 г. профессор А. Ф. Кистяковский писал по этому поводу: «Почти все приверженцы смертной казни защищают ее не в принципе, а ради временной ее необходимости и полезности, ради того, что общество еще не доросло до отмены»⁹⁶.

Думается, что и в настоящее время российское общество до такой отмены еще не доросло. Результаты анализа криминологической ситуации в России лишний раз убеждают в этом.

Сторонники полной отмены смертной казни нередко ссылаются на данные зарубежной и нашей статистики, которая не подтверждает того факта, что с введением этой меры наказания сокращаются соответствующие преступления. Мнение это представляется излишне категоричным.

Во-первых, никто ведь не подсчитывал, насколько могло бы возрасти число данных преступлений, не будь за их совершение установлена смертная казнь.

---

⁹⁵ См.: Михлин А. С. Высшая мера наказания: история, современность, будущее. М., 2000. С. 152.

⁹⁶ См.: Кистяковский А. Ф. Исследование о смертной казни. Киев, 1867. С. 280–281.

Во-вторых, во многих странах, в которых применяется смертная казнь, коэффициент убийств в расчете на 100 тыс. населения ниже, чем в странах, где она отменена.

В-третьих, не все в этом отношении однозначно и в нашей стране. В 1947 г. Президиум Верховного Совета СССР принял Указ «Об отмене смертной казни». Это отрицательно сказалось на состоянии преступности. В целом по стране резко возросло количество убийств, особенно неблагоприятная ситуация сложилась в исправительных учреждениях. Число убийств в местах лишения свободы возросло в десятки раз. До 1954 г., когда была восстановлена смертная казнь за убийство при отягчающих обстоятельствах⁹⁷, в ИТЛ свирепствовал бандитизм, убийства стали обычным явлением. Результаты Указа не замедлили сказаться, число убийств, особенно в ИТЛ, резко сократилось (примерно в три раза). Такое же общепреventивное значение имел и принятый в 1962 г. Закон об уголовной ответственности за действия, дезорганизующие работу исправительно-трудовых учреждений. Закон предусматривал возможность применения смертной казни за совершение этих преступлений при отягчающих обстоятельствах (при посягательствах на жизнь сотрудников ИТУ и осужденных, вставших на путь исправления). В результате данные преступления резко пошли на убыль. Подобные примеры можно продолжить.

Какой же контингент лиц до недавнего времени⁹⁸ приговаривался к смертной казни? Что представляют собой такие лица? Это – убийцы. Их доля среди всех осужденных за убийство незначительна. Это – наиболее опасные преступники, с явно выраженной антиобщественной насильственной ориентацией, неоднократно ранее судимые за тяжкие преступления, совершившие несколько убийств (свыше половины из них убили двух или более лиц, были и такие, на совести которых десятки жертв).

Полагаем, что к исключительным случаям, для которых пока целесообразно было бы сохранение смертной казни, относится совершение закоренелыми преступниками таких злодеяний, как убийство нескольких лиц, убийство, совершенное общеопасным способом, из корыстных побуждений, по найму, убийство, сопряженное с разбоем, вымогательством или бандитизмом, также с изнасилованием и насильственными действиями сексуального характера, из хулиганских побуждений, совершенное группой лиц или неоднократно.

Здесь жесткость уголовной репрессии представляется вполне оправданной. Библейская заповедь «Не убий» из религиозного догмата должна превратиться в табу; страх нарушить эту заповедь должен войти в «генетическую память» поколений. И здесь исключительность ответственности за совершение криминальных посягательств на жизнь человека совершенно необходима.

4. При рассмотрении вопроса о смертной казни нельзя игнорировать и общественное мнение – важный барометр для принятия политических решений.

В условиях российского криминального беспредела правовое сознание общества становится все более нетерпимым к тяжким, бесчеловечным преступлениям.

На рубеже 90-х годов был проведен опрос граждан Краснодарского края и Республики Адыгея по поводу отмены смертной казни. Было опрошено 7511 человек. Только восемь из них высказались за отмену этого наказания.

Сходные результаты были получены и в других регионах. Опросы показывают, что 90 % россиян – за сохранение смертной казни. Даже многие из приговоренных к высшей мере наказания придерживаются такого мнения. Отец Павел, священник, с помощью тюремного теле-

⁹⁷ См.: Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об усилении уголовной ответственности за умышленное убийство» от 30 апреля 1954 г.

⁹⁸ См.: Решения Конституционного Суда Российской Федерации от 2 февраля 1999 г.

фона провел опрос среди «смертников»: из них 75 % высказались за сохранение этого наказания⁹⁹.

Не считаться с реальным состоянием общественного правосознания нельзя. В нем прочно укоренилось представление о справедливости и целесообразности смертной казни за преступления, связанные с умышленным лишением человека самого ценного блага – жизни.

Временный запрет на данный вид наказания вызывает серьезные сомнения с точки зрения его конституционности (см. ст. 3 и 20 Конституции РФ). Для окончательного решения этого вопроса необходимо вынести его всенародный референдум.

Что же касается обязательств перед Советом Европы, то при решении вопроса об их выполнении нельзя не учитывать, что в России от убийств погибает в 20 раз больше мужчин и в 12 раз больше женщин, чем в странах Западной Европы¹⁰⁰. Как здесь не вспомнить слова князя Бисмарка о том, что противники смертной казни больше щадят преступника, чем его жертву. А ведь жизнь потерпевших не менее ценна! Однако это не останавливает убийцу.

Еще на рубеже XX столетия Б. Н. Чичерин писал: «Чем выше ценится человеческая жизнь, тем выше должно быть и наказание за ее отнятие. Если мы скажем, что жизнь есть такое благо, которое не имеет цены, то отнятие такого блага у другого влечет за собой отнятие того же блага у преступника. Это – закон, который он сам себе положил. Поэтому с точки зрения правосудия смертная казнь составляет чистое требование правды. И государство имеет полное право его прилагать... Есть такие ужасные преступления, за которые единственным достойным наказанием может быть отнятие жизни»¹⁰¹.

5. Что же касается пожизненного лишения свободы, то, как показывают проведенные исследования, это наказание в условиях современной России не может быть эффективно использовано как альтернатива смертной казни. По расчетам В. Н. Андреевой, если за убийство при отягчающих обстоятельствах вместо смертной казни будет применяться только пожизненное лишение свободы, то в России придется строить ежегодно по одной колонии особого режима (в настоящее время таких колоний шесть)¹⁰².

Автор исходит из того, что пожизненное лишение свободы будет применяться к 5–10 % лиц, совершивших убийство. В этом случае колонии ежегодно будут пополняться 500–800 осужденными к этому наказанию. Согласно же Минимальным стандартным правилам обращения с заключенными, число последних в тюрьме не должно превышать 500 человек. Экономика России, по-видимому, не готова к подобным затратам. Создание только одного места для заключенного стоит 16 тыс. долларов.

Разумеется, рассуждения по поводу того, что замена смертной казни пожизненным лишением свободы экономически невыгодна обществу, что налогоплательщики (в том числе и родственники погибших) вряд ли будут согласны содержать в течение многих десятилетий серийных убийц, террористов и маньяков, звучат несколько цинично. Там, где идет речь о сохранении человеческой жизни, нет места прагматизму, экономическим расчетам. По этому поводу выдающийся русский религиозный философ В. С. Соловьев с сарказмом писал: «Если это средство (казнь. – Э. П.) выгодно относительно десяти или двадцати преступников, то оно тем более выгодно относительно десяти тысяч, и что всего выгоднее для общества вешать всех преступников и всех людей, которые ему в тягость»¹⁰³. Другое дело, следует ли с позиций интересов общественной безопасности вообще сохранять жизнь нравственным уродам, нелюдям-маньякам, террористам, серийным убийцам. Эти изверги не поддаются исправле-

⁹⁹ См.: Новая газета. 1998. 30 ноября.

¹⁰⁰ См.: *Бородин С. В.* Преступления против жизни. М., 1999. С. 353.

¹⁰¹ См.: *Чичерин Б. Н.* Философия права. Избранные труды. СПб., 1998. С. 106, 107.

¹⁰² См.: *Андреева В. Н.* Смертная казнь и пожизненное лишение свободы: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2000. С. 12.

¹⁰³ См.: Цит. по кн.: *Смертная казнь: за и против.* М., 1989. С. 173.

нию, они обречены убивать, и никакая сила, кроме расстрела, их не остановит. Полноценными людьми они не станут никогда (даже если через 25 лет после приговора будут освобождены условно досрочно).

Пожизненное лишение свободы негуманно как по отношению к самому заключенному, так и к обществу в целом. Это крайне тяжелое и мучительное наказание. И пока еще не доказано, что является более жестоким: смертная казнь или пожизненное лишение свободы. Не случайно некоторые приговоренные к смертной казни лица посылали ходатайства в Комиссию по помилованию при Президенте РФ с просьбой не заменять им смертную казнь пожизненным лишением свободы. Пожизненное лишение свободы, по мнению значительной части опрошенных граждан, – это жизнь без смысла и надежды, смертная казнь в рассрочку.

6. Еще Гегель в «Философии права» обратил внимание на то обстоятельство, что «если положение самого общества шатко, тогда закону приходится посредством наказания устанавливать пример», имея в виду, что суровость наказания находится в определенном соотношении с состоянием общества в данную эпоху. Нынешнее состояние России, да и не только России, а всего мира, – «весьма шатко». Насилие на рубеже XX–XXI вв. пронизывает все поры современного общества. Уровень насилия постоянно возрастает, а само оно приобретает крайние, гипертрофированные формы. Это не только российская, но и мировая тенденция. И не таким уж фантастичным выглядит прогноз известного американского ученого доктора Джоэла Норриса о том, что современное общество вообще может погибнуть под лавиной собственной жестокости¹⁰⁴.

В этих условиях необходимы решительные и эффективные меры противодействия криминальному беспределу. В августе 2000 г. Президент РФ В. В. Путин, дав оценку совершенному на Пушкинской площади в Москве террористическому акту, заметил: «Человечество еще не выработало эффективного способа борьбы с терроризмом. Единственным лекарством является адекватный ответ» (Известия. 2000.10 авг). Думается, что под адекватным ответом здесь следует понимать именно физическое уничтожение особо злостных преступников, совершающих такие злодеяния. К сожалению, в дальнейшем Президент изменил свою позицию, неоднократно высказываясь против восстановления смертной казни в России (которая, кстати, на законодательном уровне вовсе и не отменялась).

Думается, что свое веское слово при сложившихся обстоятельствах должно сказать российское общество, российский народ, являющийся «носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации» (ст. 3 Конституции РФ).

В условиях слабости нравственных и правовых норм, хрупкости демократических институтов и традиций, отсутствия правовой государственности отказ от применения к особо злостным преступникам – убийцам и террористам смертной казни, на наш взгляд, выглядит необоснованным. Его вполне можно расценивать как одну из форм проявления международно-правового популизма, как стремление продемонстрировать лояльность российской власти к цивилизованному и благополучному Западу¹⁰⁵. Но такой «гуманизм» уже стоит и будет еще стоять жизни многим гражданам России. К тому же законодательная отмена смертной казни приведет к активизации ее нелегальных форм, носящих внесудебный характер, – актов кровной мести, самосудов, заказных убийств и т. п.

Эра милосердия в России еще не наступила.

Таковы мои небесспорные суждения по данной проблеме.

¹⁰⁴ См.: Норрис Д. Серийные убийцы/Пер. сангл. М., 1998. С. 318.

¹⁰⁵ См.: Малько А. В., Жильцов С. В. Смертная казнь в России. М., 2003. С. 6, 209.

Раздел II Криминология

Тенденции современной преступности и совершенствование уголовно-правовой борьбы с нею¹⁰⁶

Введение

В условиях революционной перестройки, коренных социально-экономических и политических преобразований в стране, демократизации и гуманизации всей общественной жизни особое значение приобретают вопросы укрепления социалистической законности и правопорядка, обеспечения надежных гарантий защиты конституционных прав и свобод граждан, а также выполнения ими обязанностей по отношению к обществу и государству. Направляя усилия на решение указанных вопросов, партия подчеркнула, что «неизменной задачей остается использование всей силы советских законов в борьбе с преступностью и другими правонарушениями, чтобы люди в любом населенном пункте чувствовали заботу государства об их покое и неприкосновенности, были уверены, что ни один правонарушитель не уйдет от заслуженного наказания»¹⁰⁷.

Существенное повышение эффективности борьбы с преступностью в современных условиях является одним из необходимых условий нормального функционирования социалистического правового государства, о значении создания которого говорится в решениях XIX Всесоюзной конференции КПСС, а также Съезда народных депутатов¹⁰⁸.

Серьезные критические замечания в связи с недостатками в работе органов внутренних дел, прокуратуры, юстиции, суда высказаны в постановлениях ЦК КПСС от 20 ноября 1986 г. «О дальнейшем укреплении социалистической законности и правопорядка, усилении охраны прав и законных интересов граждан» и от 2 апреля 1988 г. «О состоянии борьбы с преступностью в стране и дополнительных мерах по предупреждению правонарушений», в постановлении Верховного Совета СССР от 4 августа 1989 г. «О решительном усилении борьбы с преступностью»¹⁰⁹.

Выступая с заключительным словом на первой сессии Верховного Совета СССР, М. С. Горбачев, в частности, отметил: «Скажу и о другой сфере, в которой, надо честно признать, нам пока не удалось добиться желательных сдвигов. Это – борьба с преступностью. Все мы испытываем законное чувство тревоги и возмущения тем, что она приняла в последнее время угрожающие размеры»¹¹⁰. Таким образом, работа в данном направлении рассматривается партией как одна из важных, неотъемлемых сторон осуществляемой перестройки.

Не случайно вопросы борьбы с преступностью, особенно с ее наиболее опасными организованными формами, впервые за всю историю Советской власти стали предметом специального обсуждения высшего законодательного форума – Съезда народных депутатов СССР

---

¹⁰⁶ Тенденции современной преступности и совершенствование уголовно-правовой борьбы с нею. М., 1990.

¹⁰⁷ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986. С. 61.

¹⁰⁸ См., например: Материалы XIX Всесоюзной конференции Коммунистической партии Советского Союза. М., 1988. С. 62–64, 145–148.

¹⁰⁹ См.: Правда. 1986. 30 нояб.; 1988. 13 апр.; 1989. 6 авг.

¹¹⁰ Правда. 1989. 5 авг.

(декабрь 1989 г.). В постановлении Съезда по данному вопросу, в частности, говорится, что «организованная преступность, по существу, бросила вызов советскому обществу. Дальше с этим мириться нельзя»¹¹¹.

Для успешной борьбы с преступностью требуется глубокое знание ее состояния и основных тенденций. «Вести правильную, научно обоснованную политику (в том числе и политику в области борьбы с преступностью – Э. П.) можно, лишь ясно понимая ключевые тенденции реальной действительности»¹¹². Изучение изменений в динамике и структуре преступности необходимо и для получения надежного прогноза ее состояния.

Настоящая лекция посвящена анализу основных тенденций современной преступности и рассмотрению связанных с ними проблем повышения эффективности уголовно-правовой борьбы с криминальными проявлениями. Особое внимание здесь уделяется вопросам совершенствования уголовного законодательства и правоприменительной деятельности, осуществляемой отдельными службами и подразделениями органов внутренних дел.

§ 1. Основные тенденции современной преступности

Исследование динамики преступности в нашей стране за значительный промежуток времени (10, 15, 20 лет) в целом свидетельствует о неблагоприятных количественных и особенно качественных ее изменениях. Тенденции преступности сложны и противоречивы.

В застойный период практически из года в год происходил значительный рост преступности, в частности ее тяжких видов. Лишь за десятилетие – с 1973 по 1983 г. – количество зарегистрированных преступных проявлений по всем линиям работы органов внутренних дел возросло почти вдвое¹¹³. Неблагоприятные тенденции преступности в этот период в немалой степени «стимулировались» теми предкризисными явлениями, элементами социальной коррозии, о которых говорилось в недавних решениях партии. «Показателем падения социальных нравов, – отмечалось на январском (1987 г.) Пленуме ЦК КПСС, – стали рост пьянства, распространение наркомании, увеличение преступности». Только в 1986 и 1987 гг. впервые за долгое время было отмечено сокращение регистрации общего числа преступлений – соответственно, на 4,6 и 9,5 %, в том числе их тяжких видов – на 15,5 и 14,6 %¹¹⁴. Здесь, несомненно, сказалось антикриминогенное влияние революционной перестройки жизни нашего общества в первые годы ее осуществления.

Однако, как отмечается в постановлении ЦК КПСС от 2 апреля 1988 г., несмотря на обозначившийся начиная с 1985 г. процесс снижения преступности, за последнее время все заметнее стали проступать такие отрицательные тенденции, которые не могут не беспокоить партию и общество. В целом уровень преступности продолжает оставаться высоким. Количественные ее показатели неустойчивы, цикличны, что подтверждается, в частности, значительными изменениями в худшую сторону криминологической обстановки в 1988–1989 гг. В 1988 г. отмечался рост зарегистрированных преступлений на 3,8 % (всего зарегистрировано 1 867 223 преступления).¹¹⁵ Экстремален в этом отношении 1989 г. Общее количество преступлений возросло на 31,8 % (их зарегистрировано 2 461 692), в том числе тяжких – на 42,3 %¹¹⁶. Таким образом, в 1989 г. превышен самый высокий уровень преступности 1985 г.

¹¹¹ Об усилении борьбы с организованной преступностью: Постановление Съезда народных депутатов СССР от 23 декабря 1989 г. // Известия. 1989. 27 дек.

¹¹² Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза: Сб.

¹¹³ Власов А. В. Укреплять законность, правопорядок // Политическое образование. 1988. № 14. С. 18.

¹¹⁴ Политическое образование. 1988. № 14. С. 19.

¹¹⁵ Известия. 1989. 14 февр.

¹¹⁶ См.: Бакатин В. В. О букве закона и дыхании жизни // Правда. 1989. 17 июля; Известия. 1990. 10 янв.

Линия уголовного розыска. (Речь идет о так называемой общеуголовной преступности, доля которой в настоящее время составляет около двух третей.) Число преступлений, регистрируемых по линии уголовного розыска, в застойный период увеличивалось из года в год. Исключением здесь были 1986 и 1987 гг. В то же время рост уровня преступности в 1988–1989 гг. произошел в основном за счет криминальных деяний, регистрируемых по линии названной службы.

По нашему мнению, наиболее существенную антикриминогенную роль вначале сыграли следующие факторы: сложившаяся в первые два года перестройки атмосфера обновления, оздоровления социальной обстановки; твердо проводившаяся в жизнь линия на укрепление государственной и общественной дисциплины; активизация борьбы с пьянством и алкоголизмом после принятия известных решений партии и правительства в мае 1985 г.; значительное улучшение регистрационной дисциплины в органах внутренних дел. Немаловажную роль сыграли и некоторые изменения в демографической ситуации. Речь, в частности, идет о сокращении доли наиболее криминально активного населения (подростков и молодежи) вследствие снижения рождаемости в 60-х – начале 70-х годов. Например, численность представителей возрастной группы 14–17 лет по сравнению с 1976 г. сократилась к 1985 г. почти на 20 %.

Однако уже в 1988 г. произошел рост примерно на 20 % той опасной части криминальной преступности, борьбу с которой ведет уголовный розыск¹¹⁷. Этот рост еще более значителен в 1989 г. Объяснить такое явление, по нашему мнению, можно следующими факторами.

Известно, что причины преступности кроются, прежде всего, в социальной дифференциации, общественном неравенстве шансов удовлетворения потребностей, отсутствии реальных возможностей для самоутверждения. Мощная социальная дифференциация сопутствует ходу перестройки. Например, активизация рыночных товарно-денежных отношений, развитие кооперативной и индивидуально-трудовой деятельности приводят общество (особенно на первых этапах данных процессов) к еще большему, а порой резкому расслоению. Последнее же, по-видимому, способствует распространению криминальных форм самоутверждения.

Революционная перестройка ломает стереотипы в общественном сознании, рушит идолы и мифы. Однако в каждом большом деле есть и негативные стороны, противоречия, издержки. Экономическая реформа в настоящее время буксует, растет инфляция, все отчетливее дают о себе знать кризисные явления. Немало сил органов внутренних дел отвлекается на локализацию межнациональных конфликтов. На волне социально-экономических, национальных противоречий сталкиваются интересы различных групп населения, что в свою очередь отражается на состоянии преступности.

Определенную роль в повышении ее уровня сыграли и некоторые негативные факторы в сфере правоохранительной практики. Так, начиная с 1985 г. резко была ослаблена борьба с менее общественно опасными преступлениями, создающими почву для совершения тяжких криминальных деяний. Сказанное прежде всего относится к хулиганству, латентность которого значительно возросла. Статистические сведения о динамике уголовно наказуемого хулиганства, безусловно, не отражают реальной действительности. Это особенно очевидно на фоне активизации деятельности хулиганствующих молодежных группировок, доходящей иногда до массовых бесчинств с тяжкими последствиями. Безнаказанность хулиганов, приобретшая распространенный характер, бездумный либерализм по отношению к ним привели к тому, что многие подобные криминогенные процессы усилились или вообще вышли из-под контроля.

В последние годы резко снизилась активность борьбы с социальным паразитизмом. В РСФСР, например, в 1984 г. за бродяжничество, попрошайничество, ведение иного парази-

¹¹⁷ См.: Анкета опроса экспертов по проблеме прогнозирования преступности (НИИ проблем управления и кадровой работы; Академия МВД СССР). М., 1989. С. 3.

тического образа жизни было осуждено свыше 51 тыс., а в 1988 г. – всего лишь 973 человека. Таким образом, за пять лет судимость по ст. 209 УК РСФСР сократилась более чем в 50 раз. Между тем в действительности тунеядцев меньше не стало¹¹⁸. Повышенная же криминогенность паразитического образа жизни общеизвестна.

Многие работники правоохранительных органов стали демонстрировать пассивность, растерянность, стремление перестраховаться, боязнь применять законные санкции. За 1986–1988 гг. число задержанных и арестованных уменьшилось почти в два раза (с 749 тыс. до 402 тыс. чел.)¹¹⁹.

Осложнение оперативной обстановки связано и с ослаблением профилактики пьянства. Отмечается рост самогонварения, спекуляции спиртными напитками и их хищений, потребления суррогатов. Более широко распространились наркомания, токсикомания и т. д. В результате за 1988 г. в 66 республиках, краях и областях увеличился уровень «пьяной» преступности¹²⁰.

Ухудшила оперативную обстановку и недавняя амнистия (1987 г.). «Население» исправительно-трудовых колоний сократилось почти в два раза. Как отмечает министр внутренних дел СССР В. В. Бакатин, «из колоний практически „в никуда“ были освобождены люди без гарантированного бытового и трудового устройства»¹²¹. Нуждающийся в специальной профилактике контингент увеличился за 1988 г. на 1,4 млн и составляет сейчас уже 6 млн человек¹²².

Таковы основные факторы, обусловившие, с нашей точки зрения, рост в 1988–1989 гг. общеуголовной преступности.

Известно, что наиболее устойчивую и значительную часть насильственных преступлений составляют умышленные убийства, телесные повреждения, изнасилования, разбои, грабежи и сопряженное с насилием хулиганство. Состояние и динамика этих криминальных деяний преимущественно и характеризуют насильственную преступность в целом. К началу 80-х годов был зафиксирован значительный рост как абсолютных, так и относительных ее показателей. С 1973 по 1983 г. общее количество тяжких насильственных преступлений против личности увеличилось (умышленных убийств, тяжких телесных повреждений, изнасилований – на 58 %; разбоев и грабежей – в два раза)¹²³.

Тенденции к росту насильственных преступлений в течение длительного времени были достаточно устойчивыми. Наиболее интенсивно они проявлялись в сельской местности, городах-новостройках, быстро развивающихся городах, поселках городского типа и исправительно-трудовых учреждениях.

К середине 80-х годов количественный рост тяжких насильственных преступлений был приостановлен. Данные уголовной статистики за 1985–1987 гг. свидетельствуют о существенном снижении показателей их регистрации.¹²⁴ Однако уже в 1988 г. по сравнению с 1987 г. был отмечен рост: умышленных убийств – на 14,1 %; умышленных тяжких телесных повреждений – на 31,6 %; изнасилований – на 5,3 %; разбоев – на 42,8 %; грабежей – на 44,4 %.¹²⁵ Высоки были темпы роста названных преступлений и в 1989 г. (при общем росте в течение этого года всех преступлений против личности на 32,5 % количество умышленных убийств

¹¹⁸ Советская юстиция. 1989. № 10. С. 2.

¹¹⁹ Аргументы и факты. 1989. № 28. С. 7.

¹²⁰ Советская милиция. 1989. № 3. С. 5.

¹²¹ Бакатин В. В. Указ. соч.

¹²² Там же.

¹²³ Политическое образование. 1988. № 14. С. 18. По результатам наших исследований, за период с 1966 по 1980 г. коэффициент зарегистрированных умышленных убийств и изнасилований в расчете на 100 тыс. населения увеличился примерно на 1/3, а умышленных тяжких телесных повреждений – в 2,2 раза. См.: Советское государство и право. 1988. № 9. С. 73.

¹²⁴ Власов А. В. На страже правопорядка//Коммунист. 1988. № 5. С. 50.

¹²⁵ Известия. 1989. 14 февр.

увеличилось на 28,5 %, умышленных тяжких телесных повреждений – на 38,4 %, изнасилований – на 23,9 %, разбойных нападений – на 71,7 %, грабежей – на 66,3 %).¹²⁶ Интерес здесь представляют не только количественные показатели. Проведенными нами исследованиями выявлен ряд неблагоприятных качественных (структурных) изменений насильственной преступности, которые не могут не беспокоить. Прежде всего, повышается степень общественной опасности отдельных категорий насильственных преступлений, возрастает тяжесть их последствий. Конечно, современная насильственная преступность во многом носит бытовой, ситуативный характер. Вместе с тем увеличивается удельный вес организованных, заранее подготовленных преступлений, нередко отличающихся особой дерзостью, изощренностью, жестокостью. Среди лиц, совершающих рассматриваемые деяния, возрастает доля злостных, особо опасных, «привычных» преступников со специфической (агрессивно-насильственной) направленностью поведения. Возрастает доля тяжких преступлений против личности в так называемой маргинальной, т. е. социально неустойчивой среде. Речь идет об известном слое деклассированных и полудеклассированных элементов – туеядцах, бродягах, алкоголиках, наркоманах, социально не адаптировавшихся субъектах с уголовным прошлым, проститутках, сутенерах, сводниках и т. п. В последнее время отмечается повышение криминальной активности подобных лиц. Исследование показало, что в их среде совершается 50 % всех убийств и тяжких телесных повреждений.¹²⁷ Повышается и интенсивность виктимизации представителей данного маргинального слоя. Здесь нередко лишь случай решает, кто станет жертвой, а кто – преступником. Насилие над личностью – своеобразный стереотип общепринятого среди таких субъектов поведения.

Увеличивается удельный вес преступных посягательств на личность, сопровождающихся элементами цинизма, глумления над людьми, садизма. Как отмечается в постановлении ЦК КПСС от 2 апреля 1988 г., особую озабоченность вызывает «совершение в ряде мест жестоких актов насилия».¹²⁸ С полным основанием можно сделать вывод о возрастании степени жестокости современной насильственной преступности. Кроме того, происходит определенное снижение «порога» мотивации при посягательствах на личность: увеличивается количество так называемых безмотивных, неадекватных поводу, внешне бессмысленных преступлений.

Ухудшаются социальные характеристики лиц, совершающих насильственные преступления. В частности, среди них увеличивается доля субъектов, не занятых общественно полезным трудом. Растет среди насильственных преступников удельный вес рецидивистов. Так, по результатам проведенного нами в одном из крупных регионов страны сравнительного криминологического исследования, в начале 60-х годов ранее судим был примерно каждый третий убийца, в середине 80-х годов – почти каждый второй.¹²⁹ Наблюдается также рост специального, многократного и пенитенциарного рецидива преступлений данной категории.

Неблагоприятны и тенденции женской насильственной преступности. До последнего времени она интенсивно увеличивалась, обгоняя рост мужской преступности. Некоторые противоправные посягательства со стороны женщин носят «нетрадиционный», исключительно дерзкий и опасный характер, отличаются жестокостью.

Большую озабоченность вызывают тенденции молодежной насильственной преступности. Именно молодые люди относительно чаще совершают изнасилования, грабежи, разбои, причинение телесных повреждений, хулиганство. Особую опасность представляют социально дефектные неформальные молодежные группировки с агрессивными проявлениями в поведе-

¹²⁶ Аргументы и факты. 1989. № 28. С. 7.

¹²⁷ Подробнее см.: Побегайло Э. Ф. Насильственная преступность: современные тенденции, перспективы борьбы // Советское государство и право. 1988. № 9. С. 72–75.

¹²⁸ Правда. 1988. 13 апр.

¹²⁹ Советское государство и право. 1988. № 9. С. 75.

нии их участников, со склонностью к пьянству, наркомании, токсикомании, хулиганству, разврату.

В последнее время в ряде городов страны разгорается настоящая война между хулиганствующими молодежными группировками, формирующимися по территориальному признаку – улица, квартал, микрорайон. С деятельностью таких группировок (типа печально известных казанских «моталок») в значительной мере связан рост насильственной преступности на улицах и в других общественных местах. Например, в 1988 г. на улицах совершено убийств больше на 35,6 %, тяжких телесных повреждений – на 67 %, изнасилований – на 17,3 %, разбойных нападений – на 48,5 %, грабежей – на 61,2 % и хулиганских проявлений – на 4,4 %.¹³⁰ За 7 месяцев 1989 г. по сравнению с аналогичным периодом предшествующего года уличная преступность, регистрируемая по линии уголовного розыска, возросла на 82,4 %¹³¹. Удельный вес убийств на улице вырос с 14 до 25 %.

Согласно данным Прокуратуры СССР, в 1986–1987 гг. только в Казани совершено групповых нарушений общественного порядка – 181, в том числе групповых драк – 51. В них участвовало свыше 900 человек. В таких эксцессах 6 человек убиты, 73 – госпитализированы с серьезными травмами, 193 – получили телесные повреждения различной степени тяжести. В драках используются ножи, тяжелые металлические шары, обрезки арматуры, кастеты, самодельные взрывные устройства. Лишь за четыре месяца 1988 г. здесь в драках погибли еще шесть молодых людей¹³². Казанский феномен представляет собой экстремальный вариант более общей ситуации. Настоящие сражения в среде подростков и молодежи происходят и на улицах уральских, сибирских, поволжских городов, центра России. Нередко они имеют трагический финал.

Проблема криминального насилия в молодежной среде этим не исчерпывается. Серьезное внимание следует уделять и таким неформальным молодежным объединениям, как, например, «фанаты» спортивных обществ, «рокеры», «панки», «металлисты», группам «каратэ», «конфу», «ушу» и др. Нельзя недооценивать криминальную опасность и националистических проявлений в молодежной среде, о чем, в частности, свидетельствуют недавние события в Азербайджане, Армении, Грузии, Казахстане, Узбекистане, Таджикистане, Молдавии и других местах. Разгул хулиганствующих групп, доходящий нередко до погромов и физических расправ, шантажа, угроз, применения оружия, не может быть терпим.

Значительную тревогу вызывают неуставные отношения в армии («дедовщина»). Военнослужащих срочной службы необходимо оградить от издевательств казарменных хулиганов, обеспечить им гарантии социальной защиты.

Рассматривая тенденции насильственной преступности, следует отметить увеличение доли преступников, имеющих патологические деформации в психике, не исключая вменяемости (дебильность, неврозы, психопатии, сексуальные отклонения и пр.). Во многом это связано с интенсивными процессами алкоголизации и наркотизации населения. По результатам наших исследований, каждый третий-четвертый убийца в настоящее время имеет те или иные психические аномалии.

Обращает на себя внимание увеличение доли насильственных преступлений с корыстной мотивацией.

Правоохранительным органам все чаще приходится сталкиваться с опасными организованными группировками преступников, совершающими тяжкие, нередко исключительно дерзкие и жестокие посягательства на личность в виде разбойных нападений и актов бандитизма. Характерными чертами таких групп являются: сравнительно продолжительное время дей-

¹³⁰ Известия. 1989. 14 февр.

¹³¹ Московский комсомолец. 1989. 16 авг.

¹³² Литературная газета. 1988. 12 окт.

ствия; наличие опытных организаторов из числа рецидивистов, преступников-профессионалов; вооруженность; тщательное планирование криминальных акций; изощренность способов их совершения; повышенная конспиративность, маскировка антиобщественного поведения и пр. Их противоправные действия существенно осложняют оперативную обстановку в отдельных регионах страны. Только за 1986–1987 гг. сотрудники уголовного розыска выявили более 2,5 тыс. подобных групп, совершивших около 20 тыс. тяжких преступлений, в том числе много убийств, грабежей, разбоев¹³³.

Вместе с тем нередки и ситуационные, непредумышленные посягательства на личность. Основу их составляют сравнительно мелкие корыстные мотивы: стремление достать деньги на выпивку, приобрести наркотики, отдельные дефицитные вещи и т. п.

Большинство насильственных преступлений, в том числе до 65 % убийств и тяжких телесных повреждений, совершается в сфере бытовых отношений на почве различных межличностных конфликтов. Однако уже в 1988 г. доля умышленных убийств по бытовым мотивам снизилась до 40 %, а 60 % составили убийства по корыстным и иным мотивам¹³⁴.

Сложную проблему представляют насильственные преступления, совершаемые по сексуальным мотивам. Возрастает, в частности, интенсивность умышленных убийств, сопряженных с изнасилованиями. Эти преступления чрезвычайно опасны; они свидетельствуют об особой эгоцентрической направленности личности виновных, их предельной развращенности, крайней жестокости. Нередки случаи совершения таких деяний преступниками-садистами.

В 70-е годы правоохранные органы и общественность ослабили борьбу с хулиганством. Результатом здесь, в частности, явилось резкое снижение показателей его регистрации. Однако, как показали специальные исследования, «снижение» произошло лишь «на бумаге», а не в реальной жизни. Криминологами давно подмечена закономерность: ослабление борьбы с хулиганством ведет к росту насильственных преступлений. Это отчетливо прослеживается при анализе соответствующей статистики.

Активизация борьбы с хулиганством в 1983–1984 гг. в немалой степени способствовала сокращению тяжких преступлений против личности в 1985–1986 гг. Резкое же сокращение регистрации уголовно наказуемого хулиганства в 1986–1988 гг. (соответственно, на 14,7; 19,6 и 13 %) наряду с другими факторами способствовало росту тяжких насильственных преступлений в 1988–1989 гг. Здесь проявился своеобразный «криминологический баланс».

Особую опасность представляют хулиганские действия со стороны молодежных группировок с антиобщественной направленностью поведения. Такие проявления с весьма тяжелыми последствиями имели место в Казани, городах Держинске Горьковской области, Ленинске-Кузнецком Кемеровской области, Комсомольске-на-Амуре, Моршанске Тамбовской области и ряде других населенных пунктов. В определенной степени эти опасные деяния стимулировались «хронической» безнаказанностью хулиганов, бездумным либерализмом на местах. Как отметил Генеральный прокурор СССР, «снова стали проявляться признаки старрой болезни. В некоторых аппаратах МВД начинаются манипуляции со статистикой, регистрацией хулиганства... и других преступлений. Установлены неединичные случаи необоснованных отказов в возбуждении дел»¹³⁵.

Анализируя тенденции насильственной преступности, нельзя не сказать о том, что в последнее время широкое распространение получили факты использования преступниками боевого оружия – пистолетов, автоматов, гранат и т. п. Особое беспокойство вызывает резкое увеличение числа бандитских нападений на таксистов, инкассаторов, сбербанки, случаев захвата заложников. В 1988 г. число нападений на сотрудников органов внутренних

¹³³ Труд. 1988. 5 окт.

¹³⁴ Аргументы и факты. 1989. № 28. С. 7.

¹³⁵ Социалистическая законность. 1988. № 11. С. 9.

дел только с целью завладения оружием возросло по сравнению с предыдущим годом вдвое. В схватках с преступниками погибли 263 работника милиции. Только за 9 месяцев 1989 г. убито 146 сотрудников МВД, ранено – 905.

Значительно участились случаи криминального использования отравляющих веществ, ядов, особенно при совершении разбойных нападений.

Если в 1986 г. были зарегистрированы лишь единичные факты подобного рода, то в 1987 г. их было зафиксировано уже 189, а в 1988 г. – почти 600¹³⁶.

Основную массу криминальных деяний, регистрируемых по линии уголовного розыска, составляют корыстные преступления – кражи государственного, общественного, а также личного имущества. В целом их динамика весьма неблагоприятна.

За период с 1976 по 1985 г. показатели регистрации краж государственного и общественного имущества выросли в 1,8 раза. Снижение их числа отмечалось лишь в 1986 и 1987 гг., соответственно, на 22,3 и 10,2 %. Однако уже в 1988 г. количество краж государственного и общественного имущества возросло на 24,9 %¹³⁷, а в 1989 г. – на 66,9 %.

Большой ущерб причиняют не только кражи в крупных и особо крупных размерах, но и мелкие кражи. Они широко распространены в сельском хозяйстве, легкой, пищевой, мясной и молочной промышленности, в строительных организациях. В 1986–1987 гг., например, задержано 1,6 млн воров-несунов.

Наблюдается устойчивая тенденция роста краж личного имущества граждан. За период с 1976 по 1985 г. показатели их регистрации возросли в 2,6 раза (на 163 %). Лишь в 1986 г. они уменьшились на 13,1 %. Затем, в 1987 г., статистикой зафиксировано их небольшое увеличение (на 1,9 %). В 1988–1989 гг. этот рост был уже значительным (на 36,6 и 54,1 %)¹³⁸.

Ежегодно примерно 35–40 % всех краж личного имущества составляют квартирные кражи. Их количество увеличивается; они существенно осложняют оперативную обстановку в стране. Так, в 1988 г. по сравнению с 1987 г. число квартирных краж возросло на 29 %¹³⁹.

Отмечается рост краж, совершаемых организованными преступными группами и ворами-гастролерами, но все же две трети из них совершаются местными жителями. Среди субъектов данных преступлений много рецидивистов. Так, в числе осужденных за кражи личного имущества каждый третий имеет неснятую судимость. Каждый третий не занимался общественно полезным трудом. В рассматриваемой сфере отчетливо прослеживается тенденция профессионализации преступных проявлений. Не случайно 85 % карманных и 60 % квартирных воров, 50 % мошенников были ранее судимы¹⁴⁰.

Острая ситуация сложилась и в сфере борьбы с наркоманией. По состоянию на сентябрь 1989 г. в стране на учете было 60 тыс. больных наркоманией. Что же касается лиц, допускающих немедицинское употребление наркотиков (но еще не ставших наркоманами), то за последнее десятилетие их число увеличилось более чем вдвое и составило свыше 130 тыс. человек.¹⁴¹ Поскольку латентность здесь крайне высока, специалисты вполне обоснованно полагают, что реальное число наркоманов приблизительно в пять раз выше официальной цифры. В большинстве своем (80 %) наркоманы – молодые люди до 30 лет.

Наибольшая распространенность наркомании отмечается в республиках Средней Азии, Закавказья и Северного Кавказа, в Алтайском, Краснодарском, Приморском краях, Амур-

¹³⁶ См.: Советская Россия. 1989. 27 марта; Московский комсомолец. 1989. 16 авг.; Известия. 1989. 10 янв.

¹³⁷ Известия. 1989. 14 февр.

¹³⁸ Известия. 1989. 14 февр.; Правда. 1989. 17 июля.

¹³⁹ Там же.

¹⁴⁰ Литературная газета. 1989. 19 июля.

¹⁴¹ Известия. 1989. 16 окт.; 22 окт.; 1990. 17 февр.

ской, Астраханской, Днепропетровской, Донецкой, Крымской, Куйбышевской, Николаевской, Ростовской, Челябинской областях.

Увеличивается и количество связанных с наркоманией криминальных проявлений. За десять лет (1976–1985 гг.) оно возросло более чем в пять раз. Значительный рост этих криминальных деяний отмечался также в 1986 г. (на 34 %). Зафиксированное статистикой снижение регистрации данных преступлений в 1987–1988 гг.¹⁴², несомненно, отражает спад активности правоохранительных органов в борьбе с ними, уровень реагирования на них.

Особого внимания заслуживает проблема организованной преступности на почве наркомании (наркобизнес). Речь идет о контрабанде и подпольной торговле наркотиками, осуществляемых нелегальными организациями. По экспертным оценкам, нелегальный оборот в системе «наркобизнес» – «теневая экономика» составляет миллиарды рублей¹⁴³.

По линии уголовного розыска регистрируются в своей основной массе преступления несовершеннолетних и молодежи. Следует иметь в виду, что криминальные действия со стороны лиц этой категории составляют почти 40 % всей преступности. По данным МВД СССР, в стране ежегодно фиксируется около 1 млн преступлений, в которых участвует 3–3,5 млн юношей и девушек.

На современном этапе в преступности несовершеннолетних также наблюдаются неблагоприятные тенденции. За 1976–1985 гг. количество зарегистрированных преступлений, совершенных лицами данной категории, возросло примерно на 30 %, а число несовершеннолетних, привлеченных к уголовной ответственности, увеличилось на 18 %. Впоследние годы темпы роста рассматриваемой категории преступлений удвоились: в 1988 г. отмечено ее увеличение на 11 %, в 1989 г. – на 14,9 %.

Из общего числа преступлений несовершеннолетних каждое третье совершается учащимися ПТУ, каждое четвертое – школьниками. Многие правонарушения несовершеннолетних носят дерзкий групповой характер. Особую опасность здесь, как уже отмечалось, представляют социально дефектные неформальные молодежные группировки («дружеские» компании), склонные к антиобщественному поведению. Надо отметить, что из 130 тыс. лиц, потребляющих наркотики, 80 тыс. – молодые люди¹⁴⁴. Почти треть преступлений несовершеннолетних совершается ими в состоянии опьянения.

Именно лицами из молодежной среды относительно часто совершается ряд наиболее опасных и распространенных преступлений. Особое беспокойство вызывают несовершеннолетние правонарушители, вернувшиеся из мест лишения свободы, в том числе и по амнистии, осужденные условно или с отсрочкой исполнения приговора, освобожденные от уголовной ответственности с применением мер воспитательного воздействия.

Очень серьезную проблему представляет собой рецидивная преступность. Аппараты уголовного розыска, как известно, непосредственно отвечают за состояние борьбы с нею. Статистика свидетельствует о том, что каждое четвертое преступление в стране (а по линии уголовного розыска еще больше) совершают рецидивисты; каждый третий осужденный был ранее судим; каждый второй из отбывающих наказание в виде лишения свободы ранее уже содержался в ИТУ. В 1988 г. удельный вес рецидива достиг 37 %.

Тенденции рецидивной преступности неблагоприятны, увеличивается общее количество преступлений, совершаемых лицами, ранее привлекавшимися к уголовной ответственности. Например, в 1984 г. по сравнению с 1974 г. число лиц, совершивших повторные преступления, возросло на 44 %. Повышается и удельный вес рецидивистов среди правонарушителей.

¹⁴² Анкета опроса экспертов по проблеме прогнозирования преступности (НИИ проблем управления и кадровой работы. Академия МВД СССР). С. 21.

¹⁴³ Политическое образование. 1989. № 15. С. 75.

¹⁴⁴ Комсомольская правда. 1989. 1 авг.; Известия. 1990. 20 февр.

В 1987 г. количество преступлений, совершенных рецидивистами, увеличилось на 15,9 %, в 1988 г. – на 10 %.

Значительным остается и многократный рецидив, который не всегда исчерпывается двумя, тремя и даже четырьмя судимостями. Это не случайное явление. Начиная с 60-х годов, в стране было осуждено 35 млн человек¹⁴⁵. В числе преступлений, совершаемых рецидивистами, существенную долю составляют разбои, грабежи, убийства, тяжкие телесные повреждения, изнасилования, хулиганство и особенно кражи.

Нельзя забывать, что рецидивная преступность служит тем связующим звеном, которое поддерживает преемственность преступных нравов и обычаев. В последнее время отмечаются возрождение в отдельных регионах (прежде всего, в ИТУ) воровских «традиций и обычаев», появление разного рода «паханов», «углов» и прочих уголовных «авторитетов», создание возглавляемых рецидивистами преступных группировок, совершающих тяжкие преступления. Криминологическая ситуация в ИТУ в последнее время резко обострилась (захваты заложников, массовые беспорядки и пр.).

Таким образом, можно констатировать, что рецидивисты существенно осложняют оперативную обстановку в стране.

В советской криминологической литературе до недавнего времени господствовал иллюзорный тезис о том, что в СССР нет организованной и профессиональной преступности, поскольку такие ее виды ликвидированы примерно в середине 30-х годов. Действительность наглядно опровергает это утверждение. Так, только в 1986–1988 гг. выявлено 2600 преступных групп, имеющих признаки организованности. В течение прошедшего 1989 г. разоблачено 1600 групп, в том числе бандитских формирований, которыми совершено свыше 9 тыс. опасных преступлений.¹⁴⁶ Вообще приходится констатировать, что профессиональная и организованная преступность у нас существовали всегда, изменялись только их масштаб, формы и конкретные проявления.¹⁴⁷

Несколько слов об используемой здесь терминологии. Организованная преступность трактуется как «форма преступной деятельности, осуществляемая нелегальными организациями».¹⁴⁸ Данное определение не является общепризнанным. По нашему мнению, **организованная преступность** есть обладающая высокой степенью общественной опасности форма социальной патологии, выражающаяся в постоянном и относительно массовом воспроизводстве и функционировании устойчивых преступных сообществ (преступных организаций).

Среди наиболее типичных признаков организованной преступности обычно называются: участие значительного числа лиц; устойчивость криминальных связей между членами групп; наличие специфических норм и правил поведения в среде ее функционеров; специализация преступной деятельности; ее продуманный и заранее спланированный характер; иерархическая структура преступных групп и распределение ролей их участников; систематический преступный бизнес (промысел); межрегиональные связи; повышенная конспиративность; коррумпирование представителей власти и т. д. Этими признаками организованная преступность отличается от обычной групповой, в которой также отмечается наличие достаточно устойчивых организованных объединений.

В настоящей лекции рассматриваются две разновидности организованной преступности: общеуголовная и хозяйственно-экономическая¹⁴⁹. Первая из них связана с криминальным профессионализмом и представляет собой своего рода высшую стадию его развития.

¹⁴⁵ Литературная газета. 1989. 19 июля.

¹⁴⁶ Правда. 1989. 12 авт.; 23 дек.

¹⁴⁷ Достаточно обратиться к «Очеркам преступного мира» Варлама Шаламова (Дон. 1989. № 1) и «Архипелагу ГУЛАГ» Александра Солженицына.

¹⁴⁸ БСЭ. Т. 18. С. 483.

¹⁴⁹ Сращивание организованных групп расхитителей с так называемым уголовным элементом, конечно, имеет место,

Профессиональная преступность есть обладающая высокой степенью общественной опасности форма социальной патологии, выражающаяся в постоянном и относительно массовом воспроизводстве криминальной деятельности, являющейся постоянным занятием и основным источником существования лиц, ее осуществляющих. Бандиты, мошенники (особенно карточные шулера), карманные и квартирные воров, вымогатели-рэкетеры – значительный резерв криминального профессионализма. Основную часть их составляют преступники-профессионалы. Среди грабителей и разбойников профессионалом является каждый третий.

В настоящее время, по подсчетам специалистов, в стране примерно миллион профессиональных преступников. Каждая преступная «профессия» имеет свои подвиды. По данным А. И. Гурова – авторитетного исследователя профессиональной и организованной преступности, у карманных воров, например, различаются семь основных специализаций: «фирмачи» (те, кто крадет под прикрытием); «щипали» (крадут одними пальцами); «технари» (разрезают сумку бритвой); «рыболовы» (крадут с помощью крючков); «хирурги» (крадут с помощью пинцетов); «трясуны» (в основном глухонемые, которые выбивают предметы из рук); «верхушечники» (крадут из хозяйственных сумок).

У карточных шулеров различаются «катранщики» (наиболее маститые, высшая каста); «гусары» (шулера помельче); «покрышки». Финансовую элиту здесь составляют перекупщики долгов и ростовщики. Они содержат охрану – «жуков»¹⁵⁰.

Перечень разновидностей профессиональных преступников (бандитов, разбойников, грабителей, квартирных воров, вымогателей, мошенников и др.) можно продолжить. Показательно, что если в 20-е годы в стране насчитывалось около 90 преступных «квалификаций», то сейчас их – сотни.

Общезголовная организованная преступность все более основательно берет под контроль профессиональную преступность. Одной из форм организованной преступности в уголовном мире является «воровское движение». В нем действует своеобразный «табель о рангах».

Криминальную элиту образуют «воры в законе». Это – каста («масть») профессиональных преступников, подчиняющихся только воровским традициям и обычаям. По данным специального исследования, проведенного С. Я. Лебедевым, «вору в законе» необходимо иметь «заслуги» в уголовной среде, ему нельзя работать, служить в армии, от общественно полезного труда он должен уклоняться любыми способами. Для него характерны: возможность систематически извлекать нетрудовые доходы из противоправных действий; широкие связи в уголовном мире; опыт совершения «престижных» преступлений; способность избегать наказания за причастность к ним. «Вор в законе» может оказать материальную и моральную поддержку преступникам, в уголовной среде о нем нет сведений «компрометирующего характера» (связь с правоохранительными органами, общественными формированиями и т. д.).¹⁵¹ Существует специфический ритуал принятия в круг «воров в законе» – так называемое коронование, или «крещение», на сходке главарей преступного мира. По данным А. И. Гурова, относящимся к 1989 г., в стране выявлено 514 «воров в законе» (240 из них осуждены и находятся в колониях). Особенностью современных «воров в законе» является то, что они в большинстве случаев непосредственно, самостоятельно преступлений не совершают. Они ведут организационную работу среди антиобщественных элементов, консультируют их, разрешают возникающие в блатной среде споры и конфликты. «Вор в законе», конечно, может и сам руководить преступной группой, иметь своих боевиков, но такие факты встречаются редко. Чаще «вор в законе»

но специфика организованной преступности по линиям уголовного розыска и БХСС все же остается.

¹⁵⁰ Литературная газета. 1989. 19 июля.

¹⁵¹ Труд. 1988. 12 дек.

находится на службе у лидера преступной организации в качестве консультанта либо компаньона.

«Воры в законе» стремятся сплотить уголовную среду; они поддерживают контакты с преступными «авторитетами», проживающими за пределами их региона либо находящимися в местах лишения свободы. Иногда они собирают «всесоюзные сходки», на которых решаются отдельные организационные вопросы, осуществляются контролирующие функции (раздел сфер влияния между уголовными группировками, сбор общих денежных фондов для помощи отбывающим наказание преступникам, для подкупа должностных лиц и т. д.)¹⁵².

Воровская идеология пронизывает и иные формы организованной преступности. Специальные исследования, проведенные в последнее время, позволяют констатировать определенное распространение организационных криминальных структур. Рассмотрим их характерные признаки.

1. Достаточно четко в этих структурах прослеживаются иерархия, распределение ролей, коллективное руководство, субординация, соподчиненность по принципу вертикального подчинения. Здесь есть главарь (или группа главарей), держатель кассы, охранники, связники, боевики, разведка, контрразведка. В такой структуре сфера осуществления руководства нередко отделена от сферы непосредственной преступной деятельности. Для ее участников характерно строгое и беспрекословное подчинение лидерам преступной среды.

2. В данной среде действует система неформальных предписаний, основанная на уголовно-воровских традициях и обычаях. Речь идет о своеобразной криминальной субкультуре. Ей свойственны своя шкала предпочтений и система норм, четко очерченные роли, идеалы, символы, свой жаргон, фанатичные носители воровской идеи.

По результатам исследования, проведенного С. Я. Лебедевым, общими для современной уголовной среды традициями и обычаями являются: уклонение от общественно полезного труда; систематическое извлечение из криминальной деятельности нетрудовых доходов; существование за счет совершения преступлений; ведение антиобщественного, паразитического, аморального образа жизни и обеспечение его маскировки; непринятие норм общественной морали и поведения; постоянное повышение преступной квалификации. Сюда же относятся: оказание материальной и физической поддержки другим преступникам; вовлечение в преступную деятельность молодых правонарушителей; пропаганда уголовных традиций и обычаев, воровской «романтики»; учинение всяческих препятствий для нормальной деятельности правоохранительных органов, исключение контактов с их представителями, недопущение проникновения в уголовную среду лиц, подозреваемых в сотрудничестве с милицией; изобличение и наказание последних; строгое соблюдение субординации согласно положению, занимаемому в криминальной иерархии; беспрекословное выполнение коллегиальных решений и требований, выработанных в уголовной среде; участие в азартных играх и иных «тюремных» играх и ритуалах; знание и использование в речи жаргона, иных способов тайного общения; нанесение на тело символических «воровских» татуировок и т. д.¹⁵³

3. У таких преступных организаций есть самостоятельная материальная база. Денежные средства систематически собираются в специально создаваемые объединенные в рамках сообщества кассы («общаки»), насчитывающие, по некоторым данным, сотни тысяч и даже миллионы рублей.¹⁵⁴ Это своеобразные «страховые фонды». Из них снабжаются деньгами, водкой, наркотиками лица, отбывающие наказание в местах лишения свободы, осуществля-

¹⁵² См.: Гуров А. И. От эмоций к фактам: взгляд на проблему организованной преступности // Социалистическая законность. 1988. № 10. С. 35; Советская Россия. 1989. 14 февр.

¹⁵³ Труд. 1988. 12 дек.

¹⁵⁴ См.: Волобуев А. Н. Проблемы совершенствования уголовного законодательства в борьбе с организованной преступностью // Пути совершенствования мер по предупреждению преступности: Материалы Всесоюзной научно-практической конференции. Вып. 2. М., 1988. С. 96.

ется помощь их семьям на воле. Указанные фонды используются для оплаты «отдыха» освободившихся из ИТУ преступников, обеспечения их жильем, одеждой, обстановкой, вплоть до автомобилей. «Общак» частично расходуется и на подкуп должностных лиц государственного аппарата, сотрудников правоохранительных органов.

4. Подобные организации занимаются, как правило, длительной преступной деятельностью, которая специализирована и заранее спланирована. Формы ее разнообразны. Прежде всего, это паразитирование на недостатках в экономике. Именно связь организованной преступности с подпольным бизнесом заставляет видеть в ней нечто похожее на мафию¹⁵⁵.

Дельцы «теневой» экономики, взяточники довольно часто становятся объектами нападения гангстерских групп. Одна из основных статей доходов общеуголовной организованной преступности – рэкет, т. е. крупный шантаж, вымогательство путем угроз и насилия. В последнее время он получил значительное распространение. В 1988 г., например, выявлено 600 преступлений рэкетиров, а в первой половине 1989 г. – уже около 2 тыс., причем 900 совершивших их лиц задержано и арестовано.¹⁵⁶ В среде рэкетиров доминируют профессиональные преступники. Рэкет осуществляется в сфере не только нелегального бизнеса (в отношении разного рода дельцов, «цеховиков», валютчиков, фарцовщиков, шулеров-картежников, проституток и пр.), но и легального (в отношении кооператоров и лиц, занятых индивидуальной трудовой деятельностью). Страх, вызываемый реальной угрозой расправы, заставляет потерпевших выплачивать установленные вымогателями «подати».

Функционеры организованной преступности, естественно, не ограничиваются вымогательством. Отмечается резкое увеличение числа бандитских формирований, организованных групп разбойников, совершающих опаснейшие вооруженные корыстно-насильственные посягательства. За многими из них стоит зловещая тень организованной, гангстерской преступности.

С ней преимущественно связано и такое получившее в последние годы распространение опасное насильственное преступление, как киднеппинг – похищение людей (чаще детей) с целью шантажа, получения выкупа. Эти преступления обнаруживают ярко выраженную тенденцию к росту. Как показали исследования В. А. Климова, к середине 80-х годов (по сравнению с началом 60-х) количество похищений детей увеличилось более чем в десять раз. Тяжесть последствий указанных преступных деяний исключительно велика. В каждом третьем случае похищения ребенка с целью получения выкупа имело место его убийство из-за невыполнения родителями условий преступников.¹⁵⁷ Наиболее часты факты киднеппинга на Кавказе и в Средней Азии. В большинстве случаев его совершают организованные, устойчивые, вооруженные группы преступников-профессионалов, отличающихся особым цинизмом, жестокостью, беспощадностью.

Надо отметить, что с феноменом организованной преступности связано и значительное число квартирных краж. Речь, в частности, идет об организации лидерами преступных структур сбора информации, слежки за гражданами, снабжении взломщиков инструментами и ином техническом обеспечении краж, о целенаправленном вовлечении в преступную деятельность несовершеннолетних, создании рынка сбыта похищенного.

Можно назвать и иные формы криминальной деятельности организованных преступных сообществ: наркобизнес, порнобизнес, предоставление запрещенных законом услуг (проституция, азартные игры), содержание притонов, кражи произведений искусства, контрабанда и т. п. Однако наибольший доход лидерам организованной преступности обеспечивает вложение незаконно добытых денежных средств в «теневую» экономику и в кооперативное дви-

¹⁵⁵ См., например; *Хохряков Г. Ф.* Мафия в СССР: вымыслы, домыслы, факты // *Юность.* 1989. № 3. С. 86.

¹⁵⁶ *Известия.* 1989. 8 февр.; *Советская Россия.* 1989. 12 авг.

¹⁵⁷ *Неделя.* 1988. № 4. С. 12.

жение. С появлением кооперативов они получили возможность легализовать свой капитал, «отмыть» его. Кроме того, функционеры организованной преступности получают от кооператоров дань за оказание таких услуг, как охрана от «гастролеров» – рэкетиров, незаконное приобретение фондируемых материалов, сбыт продукции. «В таком „компаньонстве“, – отмечает А. И. Гуров, – проявляется опасное сращивание кооператоров с преступными группами и внедрение профессиональных уголовников в экономические отношения». ¹⁵⁸

5. Организованные преступные сообщества имеют разное структурное построение. В некоторых из них главарь напрямую связан с членами криминальной группы, но есть организации преступников, состоящие из нескольких сообществ, действующих в разных регионах. Здесь уже речь идет о так называемой сетевой структуре организованной преступности, при которой одно сообщество управляет несколькими. ¹⁵⁹ В масштабе страны между преступными организациями возникают своеобразные межрегиональные связи.

Складываются и гангстерские кланы-«семьи» наподобие итальянских или американских ¹⁶⁰. Среди них выделяются днепропетровская, московская, кавказские, узбекская «мафии». Иногда между ними происходят жестокие стычки из-за сфер влияния. Эти кланы берут под контроль профессиональную преступность.

6. Система взаимодействующих преступных групп такого рода реализует процессы «концентрации и монополизации отдельных видов преступной деятельности» (В. В. Бакатин). Происходит консолидация уголовного элемента.

В целях сплочения криминальной среды, распределения сфер влияния, определения стратегии криминальной деятельности функционеры организованной преступности проводят совместные сборища (сходки, съезды). На них решаются вопросы стимулирования преступности в тех или иных регионах, выбора новых сфер приложения криминальной активности, формирования отношения к сотрудникам правоохранительных органов и т. п. ¹⁶¹ Данные лица налаживают связи со своими зарубежными партнерами, особенно в области наркобизнеса, валютных операций, спекуляции антиквариатом, торговли оружием и таким образом выходят на международную арену.

Действиям функционеров организованной преступности свойственны тщательная маскировка криминальной деятельности, стремление нейтрализовать работу правоохранительных органов. Речь идет о конспиративной организации преступных сообществ «по пятеркам», о приобретении документов прикрытия, удостоверяющих инвалидность, психические заболевания и т. п.

Самыми опасными являются связи уголовного элемента с коррумпированными должностными лицами государственного аппарата. По результатам исследования, проведенного во ВНИИ МВД СССР, каждая пятая организованная преступная группа из числа разоблаченных сотрудниками уголовного розыска оказалась связана с работниками суда, прокуратуры, милиции, получала поддержку со стороны представителей партийных и советских органов. Согласно выводам ВНИИ Прокуратуры СССР, на подкуп должностных лиц преступники тратят две трети награбленного. ¹⁶²

Пристальное внимание функционеры организованной преступности уделяют вопросам повышения рядовыми преступниками своей криминальной «квалификации». В этих целях они проводят своеобразные «семинары» с использованием возможностей видеотехники, изучают опыт итальянской, американской мафий и т. п.

¹⁵⁸ Советская Россия. 1989. 27 марта.

¹⁵⁹ Социалистическая законность. 1988. № 10. С. 34

¹⁶⁰ Московские новости. 1988. № 33. С. 12.

¹⁶¹ Волобуев А. Н. Указ. соч. С. 96–97.

¹⁶² См.: Социалистическая законность. 1988. № 10. С. 34; Литературная газета. 1988. 20 июля.

Все отмеченное выше влечет за собой самые негативные социальные последствия. Уголовная субкультура все больше проникает в молодежную среду. Происходит расширенное воспроизводство профессиональной и организованной преступности. Уголовный террор, шантаж, рэкет, коррупция должностных лиц государственного аппарата, сращивание преступных кругов с правоохранительными органами, в конечном счете ведут к такому опасному явлению, как политизация преступности.¹⁶³

Линия БХСС. (Речь идет о так называемой хозяйственно-корыстной, экономической преступности.) Снижение общественной дисциплины, распространение мещанской, частнособственнической психологии обозначили группы людей с отчетливо выраженными мелкобуржуазными, эгоистическими устремлениями. Увеличилась прослойка лиц, в том числе среди молодежи, для которых цель жизни сводится к достижению материального благополучия, к наживе любыми средствами. Общество захлестнула волна потребительства, произошло резкое расслоение населения по доходам. Криминогенным процессам способствуют также саботаж отдельной части представителей бюрократического аппарата и организованное сопротивление противников перестройки.

Все это на фоне обострения социальных противоречий, вопиющей бесхозяйственности, роста инфляции, других кризисных явлений негативным образом отразилось и на тенденциях экономической преступности. Так, количество выявленных преступных посягательств в сфере экономики с 1979 по 1988 г. увеличилось на 39 %. Потери в народном хозяйстве от недостач, порчи и хищений составили только в 1986 г. 3 млрд, а в 1987 г. – 4 млрд руб.¹⁶⁴

Пик регистрации преступлений по линии БХСС относится к 1986 г., когда их число возросло по сравнению с 1979 г. на 45,8 %. При этом количество хищений государственного и общественного имущества, совершенных путем присвоения, растраты и злоупотребления служебным положением, увеличилось на 50,8 % (а в крупных и особо крупных размерах – примерно в 2,4 раза), фактов взяточничества – на 115,6 %.

В последние годы отмечается некоторый спад уровня регистрации указанных преступлений, что свидетельствует об определенном снижении активности службы БХСС, явном ослаблении во многих местах борьбы с хозяйственно-корыстной преступностью. По сравнению с 1986 г. в 1988 г. число всех зарегистрированных по линии БХСС преступлений сократилось на 10,1 %, хищений социалистического имущества – на 15,8 % (в том числе в крупных и особо крупных размерах – почти в два раза), взяточничества – на 122,5 %. Лишь показатели уголовно наказуемой спекуляции росли из года в год и в 1988 г. по сравнению с 1979 г. составили 169,8 %.

Для оценки действительного состояния хозяйственно-корыстной преступности эти данные, разумеется, не очень показательны, поскольку ей присущ высокий уровень латентности и параметры ее регистрации не отражают фактического положения. Как свидетельствуют результаты специальных исследований, в настоящее время выявляют лишь не более 2 % взяточников, примерно половину фактов хищений в сфере торговли и около 6 % корыстных преступлений в мясомолочной промышленности.¹⁶⁵

На самом же деле хищения и недостачи растут. Ведь ущерб от корыстных преступлений не уменьшается; более того, в 1988 г. он увеличился на 69 %. Возросли кражи сырья и готовой продукции на объектах легкой промышленности. Треть экономических преступлений совершается в аграрном секторе. Значительно поражена ими и система потребкооперации, торговли и общепита. В 1988 г. по сравнению с предшествующим годом наполовину увеличились хище-

¹⁶³ Неделя. 1988. № 50, С. 14–15; Правда. 1989. 23 дек.

¹⁶⁴ Политическое образование. 1988. № 14. С. 23.

¹⁶⁵ Анкета опроса экспертов по проблеме прогнозирования преступности (НИИ проблем управления и кадровой работы, Академия МВД СССР).

ния спирта. Не спадает рост хищений социалистического имущества на объектах железнодорожного, воздушного, речного и морского транспорта, 88 % из них составляют кражи грузов. Озабоченность вызывают и мелкие хищения. Ими особенно поражены мясомолочная и пищевая отрасли промышленности. Здесь ежегодно задерживается до 200 тыс. расхитителей.

Широкое распространение в стране получило взяточничество. В МВД СССР поступают многочисленные сигналы о мздоимстве в системе кооперации и ее связях в сфере «теневой» экономики с руководителями госпредприятий. Факты свидетельствуют об огромных сырьевых и товарных запасах, которые пускаются в ход за взятки. Сохраняются поборы и подкуп вокруг дефицита автомашин, мебели, телерадиоэлектроники, других дорогостоящих предметов длительного пользования.

В условиях острого товарного дефицита широкий размах приобрела спекуляция. Если в 1983 г. было выявлено 32 тыс. фактов уголовно наказуемой спекуляции, то в 1988 г. – 45 тыс. и уже в первом полугодии 1989 г. – более 30 тыс. У спекулянтов лишь предметов спекуляции изымается ежегодно на 10 млн руб.

Значительно увеличивается вывоз за рубеж советских денежных знаков. По оценке экспертов, сейчас за границей в незаконных финансовых операциях используются сотни миллионов рублей. Развиваются организационные связи групп контрабандистов и спекулянтов валюты с зарубежными преступными сообществами.¹⁶⁶

Актуальной проблемой становится фальшивомонетничество. Только за 1986–1988 гг. зарегистрировано 326 таких преступлений, в том числе 24 групповых.¹⁶⁷ Серьезные задачи стоят перед службой БХСС и в сфере борьбы с корыстными злоупотреблениями по службе.

Экономические преступления занимают видное место в структуре современной преступности. Одни только посягательства на социалистическую собственность составляют в различных регионах страны каждое четвертое-пятое из всех фиксируемых преступлений. Среди контингента лиц, их совершающих, в ряде мест увеличилась доля злостных, особо опасных, «привычных» преступников. Они используют ухищренные, замаскированные методы при хищениях в крупных и особо крупных размерах, при осуществлении хозяйственных и корыстных должностных преступлений.

Уже продолжительное время проявляются тенденции повышения как удельного веса организованных, заранее подготовленных, детально продуманных преступных посягательств на отношения социалистической собственности и интересы народного хозяйства, так и тяжести их последствий. При этом прослеживаются профессионализация определенной части рассматриваемых преступных проявлений, усиление организованности хозяйственно-корыстной преступности, приобретение ею мафиозного характера. Достаточно напомнить о громких уголовных процессах, проведенных в последнее время. Эти преступления потрясают своей масштабностью, а иногда и высотой должностного положения виновных. В Узбекистане и Казахстане, Грузии и Молдавии, в Москве, Ростове-на-Дону, Краснодаре, Киеве, Одессе и во многих других местах разоблачены взяточники и расхитители-профессионалы. Тем самым нанесены ощутимые удары организованной преступности.

Весьма интересный анализ организованной преступности в сфере экономики дал бывший следователь по особо важным делам при Генеральном прокуроре СССР В. И. Олейник. Говоря о структуре преступных систем, он, в частности, отмечает изощренность мозгового центра «мафий» от экономики, показывает ступенчатость сфер влияния и связей рассматриваемых криминальных сообществ. Например, по делу московской торговой «мафии» (Трегубов и др.) установлено, что устойчивыми преступными связями были объединены 757 конкретных

---

¹⁶⁶ Известия. 1989. 24 авг.

¹⁶⁷ Ветеран. 1989. № 43. С. 7.

лиц – от директора магазина до руководителей торговли Москвы и страны, других отраслей и ведомств. Лишь по показаниям 12 обвиняемых, через их руки прошло взяток на 1,5 млн руб.

В сфере торговли существуют два главных источника извлечения нетрудовых доходов: 1) организованный обман населения путем обвеса, обсчета, различных махинаций с товарами, в том числе фальсификации, пересортицы; 2) всевозможные формы хищений (наиболее безнаказанные из них – списание денежных сумм на «естественную убыль» или на мелкие кражи со стороны покупателей). Таким образом преступники присваивают сотни миллионов рублей.¹⁶⁸

Основной «делатель денег» – продавец. «Система» ставит его в такие рамки, что он не может не красть. От него «цепочка» идет к заведующему отделом (секцией), затем – к директору магазина и его заместителям, от них – далее наверх, включая зампредов райисполкомов, курирующих торговлю, и милицию. Ключевое звено «системы» – райпищеторг. Дело Трегубова показало, что если назначение на должности директоров магазинов стоило последним по 10–15 тыс. руб., то за должность заведующего райпищеторгом платили в два-три раза больше.

Речь, естественно, идет не только о торговле. Организованная преступность поразила и предприятия легкой, местной, пищевой промышленности. В торговлю громадными партиями идет неучтенная «левая» продукция.

Лакомым куском для вымогателей всех мастей (как бюрократических, так и криминальных) являются кооперативы. Существует, например, такса: 100 рублей взятки за каждый квадратный метр помещения для кооперативов. Кооператоры с самого начала поставлены в такие условия, что они вынуждены «умасливать» чиновников. Размеры коррупции здесь огромны.

По мнению В. И. Олейника, в настоящее время смяты лишь первые эшелоны организованной преступности. Ее «мозговой центр», как правило, остается безнаказанным; ответственность в основном падает на среднее звено. Бреши же в нем легко заполняются. Специалисты полагают, что за период с начала 60-х годов величина капитала лиц, связанных с «теневой» экономикой, выросла в десятки раз и составляет ныне 200–240 млрд руб.

Здесь снова приходится возвращаться к вопросу о политизации организованной преступности. Поскольку «теневая» экономика неотделима от коррупции, ей, чтобы существовать, необходим высокий «потолок» прикрытия, т. е., по сути дела, речь идет о политизации коррупции¹⁶⁹. Прогноз о том, что криминальные элементы могут попытаться дестабилизировать ситуацию в стране, имеет под собой почву. Он уже подтверждается.

В последнее время все более явно проявляется тенденция к сращиванию общеуголовной и «беловоротничковой» (хозяйственной и должностной) организованной преступности, соединению крупных расхитителей социалистической собственности, спекулянтов, взяточников с уголовным элементом, в том числе с опасными профессиональными преступниками. Последние иногда используются дельцами в качестве телохранителей либо для физических расправ с конкурентами и иными неугодными лицами. Лидеры же общеуголовной организованной преступности с большой прибылью вкладывают денежные средства в «теневую» экономику. Здесь нужны кардинальные меры, на что и нацеливает постановление Съезда народных депутатов СССР от 23 декабря 1989 г. «Об усилении борьбы с организованной преступностью».

Количество зарегистрированных преступных проявлений **на линии других служб органов внутренних дел** за десять последних лет увеличилось примерно в два раза. Отмечается рост преступных нарушений антиалкогольного законодательства (прежде всего самого-

¹⁶⁸ Олейник В. И. Шайка, банда, «система» // Огонек. 1988. № 48.

¹⁶⁹ Московские новости. 1989. 20 авг.

новарения, нарушений правил торговли спиртными напитками), автотранспортных преступлений и т. д.

Самогоноварение вообще дает до 15 % прироста всей преступности. В 1988 г. за правонарушения, связанные с ним, привлечено к административной и уголовной ответственности 427 тыс. человек.¹⁷⁰ Это в пять с лишним раз больше, чем в 1985 г. Вместе с тем истинные масштабы самогоноварения, по оценкам специалистов, намного значительнее.

Серьезную проблему представляют автотранспортные преступления. От них гибнет и получает увечья во много раз большее число людей, чем от всех преступлений против жизни и здоровья, вместе взятых. «Автосмерть» занимает третье место после смерти от сердечно-сосудистых и раковых заболеваний. В 1988 г., например, количество нарушений правил безопасности движения и эксплуатации транспортных средств, повлекших смерть потерпевших, увеличилось на 21,8 %, без летального исхода – на 8,8 %.

В условиях научно-технической революции резко возрастает тяжесть последствий преступной неосторожности, халатности. Слишком дорогой ценой общество платит за беспечность и безответственность отдельных людей (авария на Чернобыльской АЭС, гибель теплохода «Адмирал Нахимов», железнодорожные и другие катастрофы).

Анализ и учет тенденций современной преступности чрезвычайно важны для разработки и осуществления научно обоснованной стратегии и тактики борьбы с преступностью не только средствами общесоциальной и специально-криминологической профилактики, но и путем использования уголовно-правовых норм. Эта проблема приобретает особую актуальность на современном этапе, в условиях реформы уголовного законодательства.

§ 2. Проблемы совершенствования уголовно-правовой борьбы с преступностью в условиях осуществления правовой реформы

Исследователями справедливо отмечалось, что при разработке концепции реформы уголовного законодательства прежде всего требуется «исходить из криминологических данных о динамике преступности и конкретных преступлений, о тенденциях и структурных изменениях преступности, о соотносительной эффективности различных подсистем профилактики преступлений, в первую очередь – правовых. Уголовно-правовой прогноз должен... базироваться на криминологическом».¹⁷¹ Иными словами, изменения в уголовном законодательстве необходимо криминологически обосновать.

В то же время высказаны сомнения относительно правомерности самой постановки проблемы учета тенденций преступности при подготовке уголовного законодательства. Отдельные специалисты полагают, что борьба с преступностью методами уголовной ответственности вообще невозможна, а цель системы уголовной юстиции сводится лишь к защите общества от конкретных криминальных посягательств. Преступность же как сложное социальное явление, детерминированное противоречиями общественного развития, находится, по их мнению, вне сферы воздействия системы уголовной юстиции.¹⁷² Эта позиция основана на правильной посылке: преступность, конечно, не статистическая совокупность противоправных деяний, совершаемых в условиях конкретного места и времени, а сложное социальное явление, связанное практически со всеми сторонами жизни общества, его порождающего. При такой трактовке

¹⁷⁰ Известия. 1989. 19 апр.

¹⁷¹ Кузнецова Н. Ф. Концепция реформы Основ уголовного законодательства СССР // Вестник МГУ: Серия «Право». 1988. № 2. С. 5.

¹⁷² См., например: Право и справедливость: Материалы круглого стола // Век XX и мир. 1988. № 11. С. 17.

преступности «лучшей уголовной политикой была и остается политика социальная». ¹⁷³ Главным средством в борьбе с преступностью, бесспорно, остается общесоциальная профилактика.

Однако, с нашей точки зрения, и при рассмотрении преступности в качестве одного из параметров, отражающих состояние социального организма, при понимании ее причин как социальных дисфункций возможно и необходимо целенаправленное антикриминогенное воздействие на некоторые детерминанты преступности уголовно-правовыми средствами. Имеется в виду воздействие последних на сферу общественного сознания.

Реализация уголовной ответственности есть особая форма воздействия на криминогенные факторы, прежде всего личностного характера, т. е. на дефекты нравственного и правового сознания определенных индивидуумов (лиц, совершивших преступления, иных субъектов с антисоциальной направленностью поведения). Через сознание конкретных людей, включая и законопослушных граждан, уголовно-правовые средства влияют на сознание отдельных формальных и неформальных социальных групп, а тем самым и на общественное сознание в целом. Дефекты же последнего, как известно, являются ближайшими, непосредственными причинами негативных отклонений в обществе, в том числе и криминального поведения. Более того, вполне можно констатировать «чувствительность» уровня современной преступности к интенсивности, структуре целенаправленных специальных средств борьбы с нею, включая и уголовно-правовые. ¹⁷⁴

Такой вывод подтверждается анализом криминологической ситуации последних лет (1985–1989 гг.). Имеется в виду, например, влияние на состояние преступности, регистрируемой по линии уголовного розыска, результатов осуществления партийной и государственной политики по преодолению пьянства и алкоголизма. За 1985 и 1986 гг. преступность на почве пьянства сократилась на 41,7 % ¹⁷⁵. Существенно снизился и уровень регистрации тяжких преступлений. Определенную роль здесь сыграли запретительные меры, а также достаточно широкое применение правовых средств борьбы с пьянством и алкоголизмом.

Вместе с тем проводившаяся у нас в стране антиалкогольная политика потерпела фиаско. Попытки решить возникающие в этой сфере проблемы только административными методами привели к некоторым позитивным результатам лишь на начальном этапе, главным образом в первые полтора года после известных решений партии и правительства, принятых в мае 1985 г. В настоящее время такие методы должного эффекта не обеспечивают. Острые социальные проблемы «кавалерийскими наскоками» не преодолеваются. Возможности административных мер борьбы с пьянством, видимо, уже исчерпаны. Основные усилия здесь надо переносить в экономическую и социальную плоскости.

Указанная проблема затронута нами лишь для того, чтобы показать несомненную «чувствительность» уровня преступности к целенаправленному массированному применению специальных средств. Однако сама преступность достаточно инерционна. Уже в 1987 г. на почве пьянства в стране она возросла на 1,7 % ¹⁷⁶. «Спаивание населения, – справедливо отметил Н. Шмелев, – продолжалось шестьдесят лет, и реально ли надеяться, что сложившуюся психологию и образ жизни целого народа можно поломать за год-два?» ¹⁷⁷ В происшедшем в 1985–1987 гг. снижении тяжких преступлений против личности, бесспорно, позитивную роль сыграло усиление борьбы с хулиганством и другими криминальными деяниями, создающими почву для опасных посягательств на личность. В 1981–1984 гг. отмечался рост суди-

¹⁷³ Трайнин А. Н. Уголовное право. Часть Общая. М., 1929. С. 172.

¹⁷⁴ См.: Миньковский Г. М. О понятии и системе уголовной политики в свете положений Конституции СССР // Конституционно-правовые основы организации и деятельности органов внутренних дел: Труды / Академия МВД СССР. М., 1982. С. 70–71; Гальперин И. М. Наказание: социальные функции, практика применения. М., 1983. С. 45.

¹⁷⁵ Коммунист. 1988. № 5. С. 54.

¹⁷⁶ Там же.

¹⁷⁷ Шмелев Н. Новые тревоги // Новый мир. 1988. № 4. С. 163.

мости за такие преступления, как угроза убийством, нанесение легких и менее тяжелых телесных повреждений, истязание, незаконное владение оружием.¹⁷⁸ Многие лица, привлеченные к уголовной ответственности и осужденные за указанные деяния, были лишены возможности совершить более тяжкие преступления против личности. И наоборот, снижение активности правоохранительных органов в уголовно-правовой борьбе с названными «младшими братьями» тяжких насильственных преступлений, несомненно, способствовало (наряду, естественно, с другими факторами) росту последних в 1988–1989 гг.

Следовательно, при подготовке нового уголовного законодательства и в правоприменительной практике необходимо обратить серьезное внимание на повышение профилактического потенциала содержащихся в Особенной части Уголовного кодекса норм с так называемой двойной превенцией.¹⁷⁹ Это нормы об уголовной ответственности за деяния, осуществление которых создает условия и непосредственную обстановку для совершения других, более тяжких преступлений. Речь идет именно о двойном профилактическом действии таких норм – против деяний, для борьбы с которыми они непосредственно предназначены, и против тяжких преступлений, для которых создается благоприятная почва, если указанные деяния останутся без реагирования. Недооценка обеспечения неотвратимости ответственности за данные деяния весьма пагубна.

Правоприменительная практика не должна отступать перед эскалацией насилия. Между тем примеров такого отступления, к сожалению, более чем достаточно. Особенно это заметно в **сфере межнациональных** отношений. Так, фактически не используется уголовный закон, предусматривающий строгую ответственность за нарушение национального и расового равноправия (ст. 74 УК РСФСР и соответствующие статьи УК других союзных республик). В 1988 г. по этой статье был осужден всего лишь один человек. Реально она не применяется даже в новой редакции (Указ Президиума Верховного Совета СССР от 8 апреля 1989 г.). Необходимость же соответствующих санкций в отношении подстрекателей, идейных вдохновителей национальной вражды очевидна.

Бездействие закона способствует разжиганию межнациональных конфликтов, событиям типа происшедших в Ферганской долине, в ходе которых 105 человек погибли, 1011 – получили телесные повреждения различной степени тяжести. Как отмечает министр внутренних дел СССР В. В. Бакатин, правоохранительные органы и прокуроры союзных республик старательно обходят эти нормы, предпочитая квалифицировать действия, явно происшедшие на почве национальной розни, только по таким последствиям преступных акций, как убийство, тяжкие телесные повреждения, хулиганство. Видимо, опять имеет место противопоставление законности и мнимой целесообразности. Опасные государственные преступления (злостные проявления национализма и шовинизма) низводятся, таким образом, до обычных насильственных посягательств. Тем самым снижается политическая острота их правовой квалификации. Создается впечатление о реальной незащищенности конституционного принципа национального равноправия.¹⁸⁰

Разумеется, было бы наивно преувеличивать «чувствительность» преступности к воздействию на нее правовых средств и лишь на этом строить политику борьбы с нею. Здесь требуется комплексный подход, т. е. должны быть задействованы общесоциальная, специально-криминологическая, уголовно-правовая профилактика, необходимы и разноуровневые целевые программы борьбы с преступностью, основанные на последовательном использовании возможностей программно-целевого управления.

¹⁷⁸ Советское государство и право. 1988. № 9. С. 74.

¹⁷⁹ Подробнее см.: Побегайло Э. Ф., Ревин В. П. Уголовно-правовые средства предупреждения тяжких преступлений против личности. М., 1989.

¹⁸⁰ Аргументы и факты. 1989. № 29. С. 7.

Как отмечалось, с помощью уголовно-правовых средств возможно в определенных (пусть ограниченных) рамках оказывать позитивное воздействие на уровень преступности. Следовательно, при проведении реформы уголовного законодательства нужен тщательный учет выявленных и прогнозируемых тенденций преступности. Парадоксальность сложившейся ситуации состоит в том, что криминологическая обстановка в стране и уголовно-правовые нормы сосуществуют как бы параллельно, сами по себе.

Подлинно научная концепция реформы уголовного законодательства должна основываться на взвешенном и ясном понимании того, каких изменений в состоянии, структуре и динамике преступности можно будет добиться, совершенствуя правовые институты и нормы. Иначе нельзя достичь цели, поставленной партией перед разработчиками нового уголовного законодательства, – исключить возможность принятия решений, которые могли бы усложнить обстановку в стране, вызвать рост рецидивной преступности и отрицательно повлиять на состояние общественного порядка. Вопросы обновления и модернизации правовых норм, криминализации и декриминализации, пенализации и депенализации, гуманизации уголовного наказания, обеспечения его справедливости, усиления профилактической функции уголовного закона не должны решаться в отрыве от их непосредственного воздействия на криминологическую обстановку. Без этого предложение о включении в концепцию реформы задачи повышения эффективности уголовно-правовой профилактики остается лишь простой декларацией.

Ознакомление с опубликованным в 1988 г. проектом Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик, а также с вариантами проекта Уголовного кодекса РСФСР позволяет усомниться в глубоком и тщательном учете их разработчиками реального состояния современной преступности. В данных документах, на наш взгляд, не уделено достаточного внимания устойчивым неблагоприятным тенденциям групповой и организованной, рецидивной и профессиональной преступности в стране. Указанные проблемы практически игнорированы составителями проектов.

Сложившаяся же обстановка настоятельно требует, чтобы в Основах уголовного законодательства был решен, например, вопрос о таких понятиях и опаснейших видах криминального соучастия, как организованная преступная группа и преступное сообщество (организация). В УК союзных республик надо предусмотреть ответственность за организацию подобных группировок и активное участие в них. Ничего этого в опубликованных проектах нет. Действующее же уголовное законодательство не создает должных условий для эффективной борьбы с организованной преступностью.

В связи с ростом специального рецидива, специализацией и профессионализацией преступной деятельности целесообразно было бы в новом уголовном законодательстве рассмотреть вопрос о включении в статьи УК об ответственности за насильственные преступления такого квалифицирующего признака, как совершение ранее тождественного или однородного криминального деяния. Повторность тяжких насильственных посягательств существенно повышает степень общественной опасности содеянного. В подобных случаях ярко проявляются антиобщественная направленность личности данного индивидуума, его склонность к опасным формам насилия, к рецидиву.

С учетом этого в законе, видимо, следует предусмотреть в качестве обстоятельства, отягчающего умышленное убийство либо тяжкое телесное повреждение, совершение их лицом, ранее судимым за такое же или иное тяжкое преступление, сопряженное с насилием над личностью¹⁸¹. Тем самым специальный рецидив тяжких насильственных преступлений получил бы должную юридическую оценку. В борьбе с насильственной преступностью важное зна-

---

¹⁸¹ Понятие тяжкого преступления, соединенного с насилием над личностью, можно было бы дать в примечании к статье, аналогичной ст. 102 действующего УК РСФСР, как это сделано в примечаниях к ст. 89 и 144 УК РСФСР.

чение имеет обеспечение неотвратимости ответственности за хулиганство. Неотвратимость ответственности служит существенным антикриминогенным фактором, препятствуя рецидиву хулиганства и его перерастанию в тяжкие преступления. Здесь следует выступить против предложения декриминализировать неквалифицированное хулиганство (ч. 1 ст. 206 УК РСФСР), высказываемого в связи с разработкой нового уголовного законодательства. Его реализация может привести к серьезным негативным социальным последствиям – росту тяжких насильственных и других опасных преступлений. Криминологическими исследованиями давно уже доказано, что ослабление борьбы с хулиганством (а именно к тому ведет декриминализация) неизбежно влечет «всплеск» преступности, регистрируемой по линии уголовного розыска. Обострение криминологической ситуации в 1988–1989 гг. еще раз подтверждает эту истину.

Есть мнение, что ч. 1 ст. 206 УК РСФСР редко применяется на практике. Однако в структуре уголовно наказуемого хулиганства удельный вес так называемого простого хулиганства (ч. 1 ст. 206 УК) составляет по разным регионам от 15 до 20 %. Надо также иметь в виду, что в целях создания видимости благополучия в оперативной обстановке хулиганские действия, предусмотренные ст. 206 УК, часто «переводятся» в разряд административно наказуемых деликтов. Значит, фактически его удельный вес еще выше.

Хулиганство, предусмотренное ч. 1 ст. 206 УК РСФСР, представляет собой преимущественно насильственное преступление. В большинстве случаев оно сопровождается побоями либо причинением телесных повреждений, не связанных с расстройством здоровья. Если будет осуществлена предполагаемая декриминализация ч. 1 ст. 206 УК РСФСР, то как же быть тогда с охраной неприкосновенности личности, гарантированной Конституцией СССР? Ведь уголовная ответственность за умышленное легкое телесное повреждение или побои сохраняется!

Следует возразить и некоторым авторам, которые предлагают вообще исключить из УК союзных республик статью о хулиганстве, предусмотрев его лишь как мотив совершения отдельных умышленных преступлений.¹⁸² Но не за хулиганские же побуждения привлекают дебоширов к ответственности, а за конкретные буйства и бесчинства! «Ликвидация» состава хулиганства противоречит здравому смыслу.

Вместе с тем норма, содержащаяся в ст. 206 УК РСФСР, нуждается в совершенствовании. Здесь надо учитывать, в частности, повышенную общественную опасность групповых хулиганских проявлений, нередко приводящих к весьма тяжким последствиям. На наш взгляд, в данной статье целесообразно предусмотреть такое отягчающее обстоятельство, как совершение хулиганства по предварительному сговору группой лиц.

Аналогичное предложение применительно к умышленному убийству и нанесению тяжкого телесного повреждения нашло свое отражение в проекте УК РСФСР. В действующем же уголовном законодательстве совершение этих преступлений группой лиц как квалифицирующее обстоятельство не предусмотрено. В то же время изучение соответствующих уголовных дел показывает, что оно существенно повышает степень общественной опасности названных преступлений, облегчает их доведение до конца и, как правило, приводит к более тяжким последствиям. Поэтому мы поддерживаем позицию С. В. Бородин, предлагающего оценивать в уголовном законе совершение умышленного убийства и нанесение тяжкого телесного повреждения в группе в качестве отягчающего обстоятельства¹⁸³.

То же самое, на наш взгляд, следует сделать применительно к составу хулиганства.

Очень важно, чтобы в уголовном законодательстве нашли отражение новые тенденции в развитии преступности. Рассмотрим, например, такое получившее определенное распространение деяние, как похищение человека. Действующий уголовный закон (ст. 125 УК РСФСР)

¹⁸² См., например: *Иванов Н.* Вопросы совершенствования Особенной части уголовного закона // Советская юстиция. 1988. № 6. С. 23–25.

¹⁸³ *Бородин С. В.* Уголовный закон и усиление охраны жизни, здоровья, свободы и достоинства личности // Советское государство и право. 1987. № 9. С. 87–88.

предусматривает ответственность лишь за похищение или подмену ребенка, причем санкции соответствующей статьи явно не адекватны общественной опасности содеянного и тяжести возможных его последствий. С учетом результатов обстоятельного криминологического исследования данной проблемы (В. А. Климов) и материалов сравнительного правоведения нами предложена в проект УК РСФСР норма следующего содержания:

«Статья... Похищение человека.

Похищение человека с целью получения выкупа или из других корыстных либо иных низменных побуждений наказывается лишением свободы на срок от пяти до десяти лет. Те же действия, если они совершены:

- а) с применением насилия, опасного для жизни и здоровья;
- б) с применением оружия или других предметов, использованных в качестве оружия;
- в) по предварительному сговору группой лиц;
- г) особо опасным рецидивистом;

д) либо повлекли причинение тяжких или менее тяжких телесных повреждений или другие тяжкие последствия, наказываются лишением свободы на срок от восьми до пятнадцати лет.

Те же действия, совершенные без признаков, указанных в частях первой и второй настоящей статьи, наказываются лишением свободы до трех лет, или исправительными работами на срок до двух лет, или арестом на срок до трех месяцев».

Обратимся к статье об ответственности за захват заложников (ст. 126¹ УК РСФСР). К ней дано странное примечание. Указывается, что действие настоящей статьи не распространяется на случаи совершения такого преступления на территории СССР, когда лицо, захватившее или удерживающее заложников, находится на территории СССР и это лицо, а также заложник являются гражданами СССР. Аналогично сформулирована норма и в проекте УК РСФСР. Непонятно, к чему такие ограничения? Воистину: такого у нас не может быть потому, что не может быть никогда! Но разве нет примеров захвата заложников в нашей стране? Вспомним о музыкальном ансамбле воздушных пиратов Овечкиных из Иркутска, об операции «Гром», связанной с угоном тяжелого транспортного самолета ИЛ-76 в Тель-Авив террористами из Орджоникидзе, захватившими автобус с детьми в качестве заложников, о многочисленных фактах подобного рода, имевших место в ходе межнациональных конфликтов в Закавказье, о прокатившейся волне захвата заложников в исправительно-трудовых учреждениях и т. д. Полагаем, что примечание к ст. 126¹ УК РСФСР нуждается в существенной корректировке.

Важность учета при подготовке нового законодательства уголовно-правового и криминологического прогнозов очевидна. Например, многих проблем в сферах осуществления развивающейся сейчас индивидуально-трудовой и кооперативной деятельности можно было бы избежать, будь принятое в 1986 г. законодательство об ответственности за извлечение нетрудовых доходов более взвешенным, основанным на прогнозе могущих возникнуть здесь уголовно-правовых и криминологических ситуаций. К сожалению, возможности указанных видов прогнозирования реализуются при разработке нового уголовного законодательства явно недостаточно.

Актуален и вопрос о перспективах использования уголовного наказания в связи с тенденциями современной преступности. Еще на начальном этапе создания Советского государства В. И. Ленин, намечая развитие уголовной политики в плане применения в борьбе с преступностью наказания, писал о постепенной замене тюрем воспитательными учреждениями, сокращении сроков лишения свободы, расширении практики условного осуждения.¹⁸⁴ Объективная потребность гуманизации советской уголовной политики возникла давно. Как справедливо

¹⁸⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 408.

отмечает Генеральный прокурор СССР А. Я. Сухарев, «обозначившаяся линия на гуманизм – единственно верная, выстраданная десятилетиями бессмысленных жестокостей и крайностей, которые, кроме социальных осложнений, роста рецидива, ничего не дали».¹⁸⁵

Значительная доля в современной преступности сравнительно менее опасных преступлений, нередко граничащих с проступками, обуславливает курс на депенализацию, на снижение жесткости уголовного наказания, расширение альтернативной его замены мерами административного или общественного воздействия. В настоящее время свыше двух третей осужденных не изолируются от общества. Если в 1980 г. удельный вес лишения свободы в структуре уголовного наказания составлял 56 %, то в последние годы этот показатель снизился до 32–34 %. В будущем, после принятия нового уголовного законодательства, прогнозируется его уменьшение до 22–24 %¹⁸⁶.

В соответствии с линией на дальнейшую гуманизацию в проекте Основ уголовного законодательства система наказания дополнена новыми относительно мягкими его видами: порицанием, ограничением свободы, арестом. Снижен максимальный срок лишения свободы. Существенно сужена возможность применения исключительной меры – смертной казни.

Однако гуманистические тенденции в уголовной политике верны и плодотворны лишь при условии сбалансированности мер убеждения и принуждения. Гуманизм должен проявляться прежде всего все-таки по отношению к обществу. Разумная уголовная политика призвана создавать условия, обеспечивающие в первую очередь безопасность и спокойствие законопослушных граждан. Когда речь идет о тяжких преступлениях, об опасных преступниках, упорно не поддающихся исправлению, тогда необходимо применять достаточно строгие, суровые меры уголовного наказания.

При решении таких вопросов уголовная политика должна, естественно, учитывать реальные тенденции современной преступности. Разумеется, недопустимо делать здесь какие-либо выводы лишь на основании корреляции двух показателей: жесткости уголовного наказания и динамики преступности. В данной сфере необходим многофакторный анализ. Изменения в состоянии преступности могут быть следствием различных причин, **не связанных с практикой наказания**. Рост регистрируемой преступности может, например, произойти за счет сокращения доли латентных преступлений, улучшения работы по выявлению и раскрытию криминальных деяний и т. д. В подобных обстоятельствах линия на ужесточение наказания была бы неоправданной.

Однако неблагоприятные тенденции преступности обуславливаются и «внутренними» моментами – возрастанием общественной опасности деяний и личности виновных, что предопределяет необходимость усиления жесткости уголовной репрессии.¹⁸⁷

К сожалению, это не всегда учитывается разработчиками проектов нового уголовного законодательства.

Так, при исключительно неблагоприятных тенденциях молодежной насильственной преступности не вполне оправданным представляется установление максимального срока лишения свободы для несовершеннолетних – в семь лет. На наш взгляд, за особо опасные преступления, названные в ч. 1 ст. 41 проекта Основ (за них совершение взрослыми возможно применение смертной казни), максимальный срок лишения свободы для несовершеннолетних не может быть ниже десяти лет. Прежде всего, это относится к умышленным убийствам при отягчающих обстоятельствах.

¹⁸⁵ Сухарев А. XIX Всесоюзная партийная конференция Сухарев А. XIX Всесоюзная партийная конференция и проблемы перестройки прокурорского надзора // Социалистическая законность. 1988. № 11. С. 9.

¹⁸⁶ Советская Россия. 1988. 2 дек.

¹⁸⁷ См.: Гальперин И. М. Указ. соч. С. 22, 26.

Несовершеннолетний К., находясь в состоянии опьянения, ночью встретил незнакомого ему гражданина Л. и потребовал у него деньги. Получив отказ, озлобился и ударил его ногой в грудь. Гражданин Л. упал, а К., забрав у него из кармана 70 копеек, затем нанес ему ногами множественные повреждения головы и тела, после чего подверг его настоящей казни – буквально «нанизал» Л. на березовый кол. Смерть потерпевшего была особенно мучительной. На следствии К. пояснил, что деньги ему были не нужны, а сделал он все это для того, чтобы ребята из их двора узнали, на что он способен.¹⁸⁸

За такое зверское убийство К. может быть теперь назначено наказание в виде лишения свободы не свыше 7 лет. Более того, через 4 года и 8 месяцев он может быть условно-досрочно освобожден от него. Конечно, слишком неадекватно наказание тяжести содеянного и степени общественной опасности преступника.

Последствия подобной «гуманизации» наказания в отношении несовершеннолетних вполне предсказуемы. Это – дальнейший рост, настоящая вакханалия молодежного насилия, дерзкого, жестокого, группового, нередко организованного. Более того, она будет способствовать подготовке «кадров» наемных убийц для организованной преступности. В Италии, например, мафия нанимает ребят в возрасте 12–14 лет для того, чтобы они убивали неудобных ей лиц. Так, к сожалению, может быть и у нас, поскольку именно безнаказанность особенно развращает подростков. В данном случае сами по себе немалые сроки лишения свободы будут восприниматься молодежной преступной субкультурой как фактическая безнаказанность.

Исключительно остра проблема смертной казни. В ходе дискуссии сторонники полной ее отмены ссылаются, например, на «абсолютную ценность человеческой жизни», на то, что «никому и никогда не дано права убивать другого человека» и т. д. Несомненно, такие аргументы, несмотря на некоторую их абстрактность, заслуживают внимания. В одобренном Генеральной Ассамблеей ООН и подписанном нашим государством Международном пакте о гражданских и политических правах говорится, что «право на жизнь есть неотъемлемое право каждого человека. Это право охраняется законом. Никто не может быть произвольно лишен жизни». По данным общества «Международная амнистия» на октябрь 1988 г., в 80 странах мира смертная казнь либо запрещена, либо не применяется¹⁸⁹.

Наивным является и мнение о том, что применением смертной казни можно добиться серьезных успехов в борьбе с преступностью. Еще нигде, никогда и никому не удавалось преодолеть ее посредством физического уничтожения преступников. Широкое применение смертной казни неизбежно отрицательно отражается и на общественном правосознании, стимулирует ригоризм и жестокость нравов. Поэтому следует приветствовать существенное сужение возможности использования данной меры наказания, заложенное в проекте Основ уголовного законодательства (ст. 41). В нем предусматривается применение смертной казни за государственную измену, шпионаж, террористический акт, диверсию, умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах, изнасилование малолетней. К указанному перечню, на наш взгляд, надо добавить бандитизм, геноцид, а также захват заложников, повлекший гибель одного лица или более.

Здесь речь идет, прежде всего, о возможности применения смертной казни за умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах. В настоящее время именно на данное преступление приходится до 95 % приговоров к исключительной мере наказания. В общественном правосознании весьма прочно укоренилось представление о справедливости и целесообразности смертной казни за преступления, связанные с умышленным лишением жизни другого человека, и игнорировать это нельзя. По результатам выборочных исследований, около 90 % опрошенного населения не считает возможным в настоящее время полностью отменить смерт-

---

¹⁸⁸ Архив Куйбышевского областного суда: Дело № 2-38-1986.

¹⁸⁹ См.: Права человека и сила закона. Обсуждаем проект Основ уголовного законодательства // Известия. 1988. 28 дек.

ную казнь.¹⁹⁰ Разумеется, по этому, как и по другим существенно затрагивающим интересы советских граждан вопросам, связанным с совершенствованием уголовного законодательства, предпочтительнее было бы провести общесоюзный референдум.

Мы полагаем, что общество должно обеспечивать реальную безопасность своих членов, используя при необходимости даже крайние, исключительные меры. С учетом неблагоприятных тенденций роста тяжких насильственных преступлений применение смертной казни к убийцам представляется в ряде случаев вполне оправданной мерой.

Вспомним, например, убийцу-садиста Михасевича, на совести которого **33** невинные жертвы. Или дело Серебрякова, который в течение трех лет совершил в гор. Куйбышеве девять убийств и восемь покушений на убийство, сопряженных с изнасилованиями. Или банду «автомобилистов», члены которой за год совершили более 25 убийств. Какая мера наказания адекватна содеянному этими извергами?

Существуют преступники, которых в данных условиях имеющимися методами и средствами исправительно-трудового воздействия перевоспитать нельзя. На них не действует даже реальная угроза применения смертной казни. Гуманность по отношению к таким преступникам беспочвенна.

Р. был ранее дважды судим: за убийство, совершенное при разбойном нападении, и злостное хулиганство. За убийство он был приговорен к расстрелу с последующей его заменой 25 годами лишения свободы. Из них Р. реально отбыл 19 лет. Однако вскоре после освобождения он вновь совершил убийство.

Безопасность и спокойствие граждан в необходимых случаях надо обеспечивать даже путем применения высшей меры социальной защиты. К тому же на определенный контингент лиц (пусть сравнительно небольшой – 14–18 %) смертная казнь оказывает устрашающее воздействие.

Показательно здесь письмо в редакцию журнала «Огонек» одного из рецидивистов. «Мне кажется, – пишет он, – отмена смертной казни может способствовать увеличению преступлений дерзостных и жестоких. Признаюсь, что в последний раз, находясь на свободе, я хотел осуществить ограбление и, кажется, имел для этой цели все возможности. Но осознание того, что в случае провала меня расстреляют за это преступление, удержало меня от подобного умысла. В этом смысле существование угрозы смертной казни с точки зрения профилактики является сдерживающим фактором. Поверьте, это вам говорю я, преступник».¹⁹¹

Сторонники полной отмены смертной казни нередко ссылаются на данные и зарубежной и нашей статистики, которая не подтверждает того факта, что с введением этой меры наказания сокращаются соответствующие преступления. Однако ведь никто и не подсчитывал, насколько возросло бы число данных преступлений, не будь за их совершение установлена смертная казнь!

Нашему обществу сейчас нужен не «косметический ремонт» действующего уголовного законодательства, а радикальная его реформа, проведенная в соответствии с общим курсом перестройки советского права.

Действующее в нашей стране уголовное законодательство принималось в условиях обновления общества во второй половине 50-х – начале 60-х годов. Однако по своей политической сущности оно сохранило многие черты законодательства 30–40-х годов. Доктрина сталинской уголовной политики окончательно преодолена в нем не были: осталась вера в административно-бюрократические методы, могущество принуждения, репрессии, в то, что хозяйственные упущения можно устранить силой уголовного закона. Этот процесс продолжился и в так называемый застойный период: экстенсивное развитие уголовного законода-

¹⁹⁰ Миньковский Г. М. Закон обязан защищать // Правда. 1988. 14 мая.

¹⁹¹ Огонек. 1988. № 8. С. 4–5.

тельства в 60-е, особенно в 70-е годы и в начале 80-х годов превзошло все разумные пределы. Вместо проведения соответствующих экономических и социальных преобразований административно-бюрократическая система уповала на силу репрессии. За период действия УК РСФСР 1960 г. изменениям и дополнениям подверглось около 65 % статей, некоторые из них – по два-три раза и более. В Особенную часть УК было включено более 50 новых статей, т. е. примерно 25 % всех действующих. Ярko проявлялись нестабильность уголовного закона, усиление его карательной линии.

Сталинская уголовная политика была бесчеловечной. Действовали законы, по которым крестьян, не сдавших хлеб государству, привлекали к уголовной ответственности за спекуляцию. Был террористический закон от 7 августа 1932 г., который в народе окрестили «законом об ответственности за колоски». Были законы об уголовной ответственности за невыработку минимума трудодней в колхозе, за самовольный уход рабочих с предприятий и даже за непосещение курсов по ликвидации безграмотности. Как справедливо отмечает С. Е. Вицин, «это типичные случаи, когда... не только экономические, но даже культурные проблемы пытались решить правовым топором».¹⁹²

В конце 50-х годов из кодексов убрали лишь наиболее бесчеловечные нормы, но многие принципы сталинской уголовной политики продолжили действовать. Мы не имеем здесь в виду общеуголовные преступления, наказуемые в любом обществе. Речь идет о регулировании ответственности за хозяйственные, должностные преступления, посягательства на социалистическую собственность, некоторые преступления против порядка управления (пресловутая, печально зарекомендовавшая себя ст. 190¹ УК РСФСР и др.). Экономические реформы 50–60-х годов захлебнулись именно потому, что неподвижной осталась политическая структура общества и ее законодательная основа.

По нашему убеждению, действующее ныне законодательство не может эффективно работать на революционную перестройку. Оно не в состоянии должным образом регулировать социальные отношения в условиях планово-товарной экономики, основанной на хозрасчете и множественности видов собственности, в обстановке экономической состязательности, демократизации, гласности, прогрессивного развития общества. Значит, необходимо очистить уголовное законодательство от всего чуждого перестройке. Прежде всего, это касается разделов Особенной части УК об ответственности за хозяйственные, должностные, имущественные преступления.

В настоящее время объективно устарели нормы об ответственности за частнопредпринимательскую деятельность и коммерческое посредничество (ч. 1 и 2 ст. 153 УК РСФСР); они лишь тормозят развитие хозяйственных отношений и выглядят явным анахронизмом в условиях перехода от административных методов управления хозяйством к преимущественно экономическим. Какой, например, смысл использовать государственные, кооперативные и другие общественные формы, прикрываться ими (частнопредпринимательская деятельность) в свете законов о кооперации, об индивидуальной трудовой деятельности? Сейчас, когда ее поддерживает государство, в том нет смысла. То же самое относится и к коммерческому посредничеству. Существуют ведь кооперативы, занимающиеся, например, обменом квартир и иной подобной деятельностью.

Конечно, в сфере занятия граждан индивидуальной трудовой деятельностью возможны разные злоупотребления и нарушения. В таких случаях достаточно, видимо, административной или гражданско-правовой ответственности, если в действиях правонарушителя не содержится состава иного преступления (например, создание лжекооператива для мошеннического завладения социалистическим имуществом). Полагаем, что частнопредпринимательская дея-

¹⁹² Век XX и мир. 1988. № 11. С. 15.

тельность и коммерческое посредничество в новом уголовном законодательстве должны быть декриминализованы.

Нуждается в определенных изменениях и норма, предусматривающая ответственность за спекуляцию (ст. 154 УК РСФСР).¹⁹³

Очевидно, надо декриминализовать уголовно наказуемый вид мелкой спекуляции (ч. 4 ст. 154) и одновременно установить строгую ответственность за спекуляцию, совершенную организованной группой или под прикрытием социалистических форм хозяйствования. Видимо, следует декриминализовать волюнтаристскую и совершенно не работающую норму об ответственности за скупку в магазинах хлеба и других пищевых продуктов для скормливания скоту и птице (ст. 154¹⁹⁴ УК РСФСР), несмотря на то, что попытка ее усовершенствования предпринята в Указе Президиума Верховного Совета РСФСР от 28 мая 1986 г.¹⁹⁵

Уголовно-правовые запреты должны быть социально обусловленными и реальными. Например, в стране ежедневно гражданами совершается около 400–450 млн покупок в государственной и кооперативной торговле. По нашему мнению, прав Г. М. Миньковский, сомневаясь в выполнимости при таких условиях положений ст. 156 УК РСФСР об ответственности за обман покупателей. При ее широком применении пришлось бы заводить миллионы уголовных дел. Между тем еще дореволюционные юристы полагали, что бездействующий закон хуже отсутствующего, поскольку приучает игнорировать его. В данном же случае необходима дифференциация мер воздействия с сохранением уголовной ответственности за злостные нарушения.¹⁹⁶

По тем же основаниям следует выступить против сохранения в новом Уголовном кодексе ответственности за получение незаконного вознаграждения от граждан за выполнение работ, связанных с обслуживанием населения (ст. 156¹⁹⁷ действующего УК РСФСР). Это деяние было криминализовано в 1981 г., но статья УК об ответственности за его совершение оказалась совершенно не работающей. Возможности для декриминализации деяний, ответственность за которые предусмотрена в главе «Хозяйственные преступления» действующих УК союзных республик, далеко не исчерпаны. Перечень таких деяний можно продолжить.

Нуждается в принципиальных изменениях и законодательство о должностных преступлениях. На наш взгляд, следует поддержать позицию хозяйственников, управленцев, публицистов и отдельных правоведов, которые предлагают изменить уголовный закон и практику его применения таким образом, чтобы обеспечить возможность принятия должностными лицами самостоятельных решений и одновременно усилить ответственность за волюнтаризм, некомпетентность, бездеятельность. Особую роль здесь призваны сыграть дифференцированный подход к понятию «должностное лицо», к криминализации действительно представляющих повышенную общественную опасность видов должностного поведения, а также более четкое определение содержания вины и расширение круга обстоятельств, декриминализирующих данные деяния.

Основной акцент в борьбе с корыстными хозяйственными и должностными, а также имущественными преступлениями, по-видимому, должен делаться на более широком использовании экономических санкций, чтобы подобная криминальная деятельность была явно невыгодной.

¹⁹³ См.: Кузнецова Н. Ф. Закон становится гуманнее // Советская культура. 1988. 12 июля.

¹⁹⁴ См.: Кузнецова Н. Ф. Закон становится гуманнее // Советская культура. 1988. 12 июля.

¹⁹⁵ Против введения этой нормы еще четверть века тому назад выступил М. Д. Шаргородский на Всесоюзной научной конференции, посвященной проблемам уголовного права (Ленинград, май 1963 г.). С тех пор она, по существу, и «не работает».

¹⁹⁶ Миньковский Г. М. Закон обязан защищать // Правда. 1988. 14 мая.

¹⁹⁷ Подробнее см.: Жалинский А. Э. Законодательство о должностных преступлениях нуждается в изменении // Советское государство и право. 1988. № 1. С. 90–105.

В постановлении Верховного Совета СССР от 4 августа 1989 г. «О решительном усилении борьбы с преступностью» серьезное внимание уделено необходимости повышения социальной и правовой защищенности сотрудников правоохранительных органов, в том числе органов внутренних дел. Общество ждет от них самых решительных и активных наступательных действий по борьбе с преступными посягательствами. Однако этому в немалой степени препятствует недостаточный уровень правовой защищенности сотрудников данных органов, что нередко развязывает руки уголовным элементам.

Приходится констатировать, что сотрудники органов внутренних дел защищены от посягательств на их жизнь и здоровье значительно хуже, чем другие граждане. Последние, например, могут обороняться от преступных посягательств путем использования без каких-либо ограничений права на необходимую оборону. Для сотрудников же органов внутренних дел такая возможность искусственно сужена.

Милиционер Сазонов в ночное время нес службу по охране общественного порядка на одной из улиц г. Баку. Пресекая преступные действия трех пьяных хулиганов, он подвергся нападению с их стороны. Один из нападавших, несмотря на то, что Сазонов сделал предупредительный выстрел в воздух, пытался ударить его ножом. Защищаясь, Сазонов выстрелил в него, причинив ранение, повлекшее смерть. Уголовное дело, возбужденное по данному факту, прошло ряд судебных инстанций, в конце концов, справедливость восторжествовала – дело было прекращено за отсутствием в действиях Сазонова состава преступления. Он действовал в состоянии правомерной обороны и не превысил ее пределов¹⁹⁸.

Однако представим, что вышеописанные события произошли в дневное время на многолюдной площади. Устав патрульно-постовой службы милиции запрещает применять оружие на многолюдных улицах, площадях, в иных общественных местах, когда от этого могут пострадать посторонние лица. Само по себе такое требование является, конечно, правильным, но к условиям правомерности необходимой обороны оно никакого отношения не имеет.

Между тем Пленум Верховного Суда СССР в своем постановлении от 16 августа 1984 г. «О применении судами законодательства, обеспечивающего право на необходимую оборону от общественно опасных посягательств» занял по этому вопросу неправильную позицию, указав, что представители власти, работники правоохранительных органов, военизированной охраны и т. п. «не подлежат уголовной ответственности за вред, причиненный посягавшему... если они действовали в соответствии с требованиями уставов, положений и иных нормативных актов, предусматривающих основания и порядок применения силы и оружия».¹⁹⁹ Значит, в ситуации с сотрудником милиции, применяющим оружие в дневное время, на многолюдной площади, при обстоятельствах, аналогичных делу Сазонова, правоприменителю предписывается усматривать превышение пределов необходимой обороны, что противоречит и закону, и здравому смыслу.

Рассматривать требования ведомственных нормативных актов, предусматривающих основания и порядок применения силы и оружия, как дополнительные условия правомерности необходимой обороны – значит существенно ограничивать право на саму оборону для определенного контингента лиц. Возможны случаи правомерной обороны и нарушения при этом действующих правил применения оружия. Последнее должно влечь самостоятельную юридическую оценку.

В ситуации с сотрудником милиции, применяющим оружие днем, в общественном месте, при вышеописанных обстоятельствах (дело Сазонова), нарушение правил его применения оправдано состоянием крайней необходимости (ст. 14 Основ уголовного законодательства),

¹⁹⁸ Вопросы уголовного права и процесса в практике прокурорского надзора за соблюдением законности при рассмотрении уголовных дел. М., 1976. С. 44–45.

¹⁹⁹ Бюллетень Верховного Суда СССР. 1984. № 5. С. 10–11.

поскольку для предотвращения более тяжкого вреда (гибели работника милиции) причиняется вред иным правоохраняемым интересам (порядку несения службы и применения оружия), причем вред, безусловно, меньший по сравнению с предотвращенным вредом. Вопреки указаниям Пленума Верховного Суда СССР уголовная ответственность в силу ст. 13 и 14 Основ уголовного законодательства (правомерная оборона и крайняя необходимость) в таких случаях наступать не должна.

К сожалению, прекращение за отсутствием состава преступления уголовных дел на основании дифференцированной правовой оценки действий сотрудников органов внутренних дел, правомерно обороняющихся и нарушающих при этом в силу крайней необходимости правила применения оружия, в правоприменительной практике не встречается. Следствием становится необоснованное привлечение сотрудников милиции и других подразделений органов внутренних дел к уголовной ответственности.

Полагаем, что постановление Пленума Верховного Суда СССР в этой части должно быть отменено. Вместо того чтобы в подобных случаях акцентировать внимание судов на соответствии действий сотрудников, применяющих оружие, ведомственным нормативным актам, правильнее указать, как это неоднократно делал сам Верховный Суд СССР в прошлом по конкретным делам (дело Ильяного и др.), что «положения закона о необходимой обороне в равной мере распространяются на работников милиции, как и на всех граждан, и никаких повышенных требований к необходимой обороне работника милиции от нападения на него не устанавливают»²⁰⁰.

Необходимость повышения уровня безопасности работников правоохранительных органов и граждан, участвующих в борьбе с преступностью, должна рассматриваться в качестве важного концептуального момента реформы уголовного законодательства и правоприменительной практики.

Задачи перестройки уголовного законодательства представляются настолько важными, что следовало бы независимым группам специалистов, исключив поспешность, исследовать все эти вопросы на конкурсной основе. Очевидно, нужны альтернативные проекты, более демократическая процедура их обсуждения в условиях гласности. Такой деятельности должны предшествовать выработка более четкой концепции и тщательная подготовка комплексной целевой программы.

В 90-е годы XX столетия мы вступили не только со многими нерешенными экономическими и социальными проблемами, но и с самым высоким за всю нашу историю уровнем преступности. Состояние преступности всегда чутко отражает состояние общественного организма. В последние годы наше общество оказалось в условиях экономического и социально-политического кризиса, обострения множества противоречий. Это, естественно, вызвало нарастание социальной напряженности, девальвацию многих традиционных нравственных ценностей, резкое снижение уровня законопослушания, дестабилизацию в ряде регионов общественного порядка, экстремальный рост преступности.

Падение реальных доходов основных групп населения, абсолютное снижение показателей их жизненного уровня (40 млн человек живут за чертой бедности), рост социального расслоения, появление новых привилегированных слоев, инфляция, товарный дефицит, развал рынка, обострение межнациональных отношений – все это не может самым негативным образом не сказаться и на уровне преступности. И тем не менее хочется верить в то, что «у Советской власти, у народа достаточно сил, чтобы, – как отмечается в постановлении Съезда народных депутатов СССР, – решительными и твердыми действиями пресечь раз-

---

²⁰⁰ Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда СССР по уголовным делам. 1959–1971 гг. М., 1973. С. 50–51.

гул преступности, обеспечить законность и строгий правопорядок». ²⁰¹ Выход из создавшегося положения – на путях революционной перестройки, коренного обновления всех сфер нашей общественной жизни, построения подлинно правового демократического государства.

Личность убийц

Вопрос о личности преступника – одна из центральных проблем науки советского уголовного права и советской криминологии. Глубокое изучение личности преступника имеет важное значение для практического осуществления тех ответственных задач ликвидации преступности, которые поставлены партией и правительством в период развернутого строительства коммунизма. Изучить личность преступника – значит раскрыть его социальную и психологическую сущность, показать, что представляет собой выраженная в преступлении антиобщественная установка личности. Без такого изучения невозможны индивидуализация уголовного наказания, его справедливость, разумность и целесообразность, правильное осуществление исправительно-трудового воздействия на осужденного, невозможно установить и устранить причины и условия, способствовавшие совершению преступления.

К сожалению, вопросам изучения личности преступника в течение длительного времени в советской уголовно-правовой литературе не уделялось достаточного внимания. Данное обстоятельство было связано с общим нигилистическим отношением в период культа личности Сталина к проблеме социологического изучения преступности. Недостаточная теоретическая разработка этих вопросов привела к недооценке их на практике и причинила большой вред социалистическому правосудию.

В течение долгого времени не изучалась и личность таких опасных преступников, какими являются убийцы. Лишь в последнее время в нашей литературе стали появляться работы, в которых освещается вопрос о личности убийц.

Убийства и убийцы настолько разнообразны, насколько разнообразна и многогранна человеческая жизнь. Зловещий кровавый Ионесян, хладнокровно убивавший с целью ограбления женщин и детей; матрос Белов, убивший в г. Азове в пьяной ссоре своего товарища; прогремевшая на весь Воронеж психопатка Куприна, с особой жестокостью убившая двух своих малолетних детей; доведенная до отчаяния несчастная девочка Калинина, убившая изверга-отца; двадцатилетний ингуш Карахоев, совершивший на почве кровной мести убийство 67-летнего старика, близкого родственника убийц своего отца; пьяный хулиган Федосеев, ударом ножа убивший на территории ресторана «Южный» в г. Ростове-на-Дону не понравившегося ему офицера Любченко; половой психопат, садист и некрофил Пупцов, совершивший в г. Новошахтинске Ростовской области несколько страшных преступлений; девятнадцатилетний житель г. Воронежа Рябых, нанесший смертельное ножевое ранение своему отцу в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения, вызванного насилием со стороны потерпевшего, – все эти лица объединены одним термином – «убийцы», но как глубоко они отличаются друг от друга, как различно поэтому наше отношение к ним.

Уметь видеть в убийце не только абстрактного «субъекта преступления», но и живого человека во всей сложности его психологических черт – такова задача криминолога, изучающего лиц, совершивших убийства. Прежде всего, личность убийцы должна изучаться как личность члена общества, определенного человеческого коллектива. Пол, возраст, партийность, образование, социальное положение, профессия, род занятий, семейное и материальное положение, жилищные условия, злоупотребление алкоголем, окружение, участие в общественной работе, прежние судимости, факты привлечения к административной и общественной ответственности, воспитание, полученное в детстве, и тому подобные факты всегда должны быть

---

²⁰¹ Об усилении борьбы с организованной преступностью: Постановление Съезда народных депутатов СССР от 28 декабря 1989 г. // Известия. 1989. 27 дек.

в центре внимания при изучении личности убийц. Однако изучение убийц нельзя ограничивать только этим. Большое значение имеет выяснение и психологических данных (уровень сознания, темперамент, черты характера, волевая и эмоциональная сфера), а также данных о состоянии нервной системы и психики убийц.

Настоящая статья представляет собой итог изучения автором в течение нескольких лет убийств и убийц в Ростовской и Воронежской областях и частично в Ставропольском крае. Помимо этого в статье использованы материалы Верховного Суда СССР и Верховных судов союзных республик, Прокуратуры СССР, Всесоюзного института по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности, бывшего Всесоюзного научно-исследовательского института криминалистики, Министерства охраны общественного порядка РСФСР, бывшего Научно-исследовательского института милиции.

1. Пол убийц

Изучение статистических данных показывает, что около 90 % убийств совершается мужчинами и около 10 % – женщинами. Между тем по данным переписи населения 1959 г. мужское население у нас составляет 45 %, женское – 55 %²⁰².

Факт меньшей преступности женщин по сравнению с мужчинами давно уже обратил на себя внимание исследователей. Представители так называемой «моралистической теории» объясняли меньшую преступность женщины ее превосходством перед мужчиной в нравственном отношении. Подобное объяснение, основанное на представлении об «особых чертах» женской психики, якобы мешающих ей убивать, о женской мягкости, жалостливости и нерешительности, неверно. Некоторые из изученных нами женщин-убийц по своей жестокости не уступают «героиням» Полины Тарновской.²⁰³

Девятнадцатилетняя Задорожная из корыстных побуждений дважды взрывала динамитом дом первой жены своего мужа с целью лишить ее и детей жизни и избавить своего мужа от уплаты алиментов. Через некоторое время Задорожная вместе с мужем совершила с целью ограбления зверское убийство стариков-соседей Климова и Хохловой²⁰⁴.

Королева на почве семейных неурядиц путем нанесения ударов топором по голове и лицу убила своего мужа. Труп она перетащила из дома через дорогу в кювет, облила его керосином и подожгла. Около двух месяцев следственные органы искали преступника, а Королева оплакивала «убитого бандитами» мужа.²⁰⁵

Двадцатитрехлетняя Кудряшева на почве ревности убила топором семидесятичетырехлетнюю старуху Пашкову²⁰⁶.

Жительницы г. Кисловодска Шевченко и Левина, находившиеся в противоестественной половой связи с неким Лутониным, зверски убили своего любовника, совершили надругательство над трупом, расчленили его и разбросали его части по выгребным ямам города²⁰⁷.

Семнадцатилетняя Калинина с целью мести за издевательства со стороны отца нанесла последнему несколько ударов топором по голове, затем перерезала ему горло ножом, вылила в горло остатки не допитой отцом водки, после чего нанесла ему более 50 ножевых ран в области грудной клетки и живота.²⁰⁸

²⁰² Численность, состав и размещение населения в СССР. М., 1961. С. 33.

²⁰³ Тарновская Полина Николаевна – женщина-врач, представительница антропологического направления в науке уголовного права, автор известной книги «Женщины-убийцы» (СПб., 1902).

²⁰⁴ См.: Архив Ростовского областного суда. Дело № 2-65-1961 г.

²⁰⁵ См.: Архив Ростовского областного суда. Дело № 2-141-1961 г.

²⁰⁶ См.: Архив Октябрьского районного народного суда г. Шахты за 1962 г.

²⁰⁷ См.: Архив Ставропольского краевого суда. Дело № 2-30-1962 г.

²⁰⁸ См.: Архив Центрального районного народного суда г. Воронежа за 1965 г.

Невозможно без содрогания читать уголовное дело по обвинению Куприной, которая, решив убить своих малолетних сыновей, привела их на свалку и опасной бритвой сначала перерезала горло трехлетнему Вове, а затем той же бритвой нанесла четыре смертельные раны двухлетнему Лене, несмотря на его мольбы: «Мама, мамочка, не делай со мной, как с Вовой!»²⁰⁹

Можно привести еще немало примеров подобного рода. Итак, дело не в высокой нравственности женщин.

Различия в количественном отношении между убийцами по полу надо искать, прежде всего, «в сложном комплексе социальных факторов, определяющих поведение мужчин и женщин».²¹⁰ Хотя женщина и равна с мужчиной в политическом и правовом отношении, она все же иначе ведет себя в обществе, нежели мужчина. На формирование специфических черт женского характера оказывает определенное влияние ее положение в семье, необходимость уделять больше внимания непосредственно воспитанию детей, заботиться о близких и т. д. Нельзя не учитывать также, что алкоголизм, занимающий в этиологии умышленных убийств одно из главных мест, гораздо меньше свойствен женщинам, чем мужчинам.

Едва ли можно в этой области все сводить к факторам социальным и отрицать значение факторов биологических, как это делают некоторые криминалисты²¹¹. Разумеется, решающую роль в этиологии женской преступности играют социальные причины. Но нельзя сбрасывать с криминогенных весов большую впечатлительность женщин по сравнению с мужчинами, тяжесть беременности, родов и материнства, большее развитие среди женщин истерии, меньшую физическую силу, болезненные процессы, сопровождающие некоторые периоды, и многое другое, тесно связанное с полом как с биологическим фактором.

Конечно, психофизические различия между женщинами и мужчинами не раскрывают причины женской преступности. Но они наряду с социальными причинами могут объяснить, почему женщины совершают меньше преступлений по сравнению с мужчинами.

2. Возраст убийц

Основной контингент убийц составляют молодые люди. Наибольшее количество убийц по данным проведенных исследований приходится на возрастную группу 18–24 года (около 40 %). Убийцы в возрасте до 30 лет составляют около 60 %. То обстоятельство, что максимум убийств совершается молодежью, объясняется тем, что у молодых людей нередко отсутствуют собственные устоявшиеся воззрения, они легче воспринимают антиобщественные взгляды и установки. В молодые годы на поведении человека резче сказывается влияние неуравновешенности характера и темперамента. Молодежи обычно свойственны горячность и возбудимость, у нее мало сдерживающих начал и привычек, создаваемых и укрепляемых жизненным опытом. Характерно, что молодые люди чаще всего совершают убийства из хулиганских побуждений.

Несовершеннолетние совершают незначительное количество умышленных убийств (1–3 %). Однако некоторые из убийств, совершенных несовершеннолетними, носят исключительно дерзкий и опасный характер.

В г. Георгию-Деж Воронежской области группа несовершеннолетних преступников, в которую входили Решетников, Колосов, Назаренко и др., совершила с апреля по октябрь 1962 г. ряд разбойных нападений, грабежей, краж. В ночь на 9 сентября 1962 г. Решетников из хулиганских побуждений ударом металлического прута по голове убил гражданина Катю-

²⁰⁹ См.: Архив Воронежского областного суда. Дело № 2-20-1964 г.

²¹⁰ Анашкин Г., Яковлев А. Важнейшая задача советских юристов // Коммунист. 1962. № 5. С. 126.

²¹¹ См.: Бородин С. В. Рассмотрение судом уголовных дел об убийствах. М., 1964. С. 168; Анашкин Г., Яковлев А. Указ. соч. С. 126.

рина. 10 октября того же 1962 г. Решетников и Колосов при соучастии Назаренко из хулиганских побуждений убили гражданина Преснякова²¹².

Вечером 14 января 1965 г. четырнадцатилетний Боев, учащийся 7 класса, явился на каток Левобережного района г. Воронежа, вместе с такими же, как он, подростками распил вино, а затем, организовав группу, стал обыскивать находившихся на катке ребят и отбирать у них деньги. Во время этого «обыска» Боев нанес самодельным ножом смертельное ранение в сердце шестнадцатилетнему Проняеву²¹³.

7 января 1964 г в хуторе Подгорном Россошанского района Воронежской области четырнадцатилетний Беликов, ученик 7 класса, с целью завладения деньгами напал на двенадцатилетнего Подличева, ученика 5 класса, нанес ему несколько ударов напильником по голове, затем столовым ножом перерезал ему горло, забрал деньги в сумме 7 рублей и пошел в школу на занятия²¹⁴.

Изучение возраста убийц приводит нас к выводу о наличии серьезных недостатков в воспитательной работе среди молодежи. Эти недостатки способствуют совершению умышленных убийств.

Повседневное проведение среди молодежи воспитательной работы, увлекательных массово-воспитательных мероприятий, наведение должного порядка в молодежных общежитиях, непримиримая борьба с разлагающим влиянием на неустойчивых молодых людей преступников-рецидивистов, пьяниц, тунеядцев и прочих «героев улицы» имеет важное профилактическое значение. Воспитательная работа среди молодежи должна быть в центре внимания комсомольских, партийных, профсоюзных и других общественных организаций.

3. Образование убийц

Характерной особенностью лиц, совершающих умышленные убийства, является их низкий общеобразовательный и культурный уровень. Подавляющее большинство (более 4/5) изученных нами и другими авторами убийц не имело обязательного восьмилетнего образования, а более половины имело только начальное образование или были малограмотными. Следует иметь в виду, что эти данные обусловлены отнюдь не общим уровнем грамотности населения, который, по имеющимся сведениям, неизмеримо выше.

Низкий общеобразовательный и культурный уровень некоторых граждан в ряде случаев способствует совершению ими умышленных убийств. «Низкое образование, – указывает проф. А. Б. Сахаров, – недостаточная развитость и культура приводят к значительному сужению и упрощению интересов, к огрублению нравов, развитию индивидуалистических тенденций и эгоистических инстинктов».²¹⁵ У таких людей хуже развиты чувство коллективизма, критическое отношение к собственному поведению, примитивнее и грубее потребности и интересы.

Материалы одного из обследований большого количества заключенных-убийц показали, что к моменту совершения преступления 64 % из них не принимали никакого участия в общественной работе, 80 % не занимались спортом, более 75 % не бывали в театрах, 16 % не бывали даже в кино, 35 % не читали газет, а более 26 % – ни книг, ни газет. Лица с низким общеобразовательным и культурным уровнем часто не считают с тем, что их потребности и желания противоречат общественным интересам, интересам других лиц. В результате они нередко совершают различные посягательства на личность, в том числе и умышленные убийства.

Причины, в силу которых человек не получает установленного минимума образования, разнообразны. Нельзя упрощать вопрос, как это делают В. В. Ключков, Г. И. Кочаров

---

²¹² См.: Архив Воронежского областного суда за 1963 г.

²¹³ Архив Воронежского областного суда. Дело № 2-17-1965 г.

²¹⁴ Архив Воронежского областного суда. Дело № 2-73-1964 г.

²¹⁵ Сахаров А. Б. О личности преступника и причинах преступности в СССР. М., 1961. С. 147.

и А. Р. Ратинов: поскольку 4/5 всех привлеченных к ответственности за убийство родились и выросли в советское время, постольку они имели широкие возможности для получения образования²¹⁶. В ряде случаев низкий общеобразовательный и культурный уровень некоторых граждан обусловлен не только субъективными (нежеланием учиться, плохой успеваемостью и т. п.), но и объективными причинами (неблагоприятные семейные условия, материальные затруднения в семье, безнадзорность, нарушения в некоторых местах закона о всеобщем восьмилетнем образовании и т. п.).

Низкий общеобразовательный и культурный уровень некоторой части населения тесно связан с религиозной идеологией и предрассудками. Религиозные предрассудки создают условия, способствующие совершению преступлений. Изуверская деятельность сект, религиозный фанатизм нередко приводят к совершению тяжчайших преступлений, в том числе и умышленных убийств (например, «принесение в жертву богу» у иеговистов и пятидесятников). Отрицательное влияние религиозных предрассудков и обычаев проявляется и в тех эксцессах, которыми сопровождаются религиозные праздники.

Религиозная вера духовно уродует людей. Об этом и заявила в кассационной жалобе приговоренная к расстрелу убийца своих малолетних детей Куприна:

«Граждане судьи, очень сложна и противоречива моя натура, я сама не понимаю себя до конца. До сих пор моему уму непостижимо, как же я могла поднять руку на самое дорогое... Я воспитана в противоречивом духе. С одной стороны – это наша прекрасная советская действительность, с другой – религиозное внушение бабушки и мамы...

С 6 лет бабушка начала прививать мне религиозные взгляды на жизнь и это было постоянно до 12 лет, пока она не умерла. Потом этим занималась мама... Вот где корень зла. Вот откуда взяли свое начало противоречия души и характера. Учась в школе, я убеждалась в том, что нет божества, а мама убеждала в противоположном.

Глубоко засели в душу корни религии... Не поступив в институт, я была очень огорчена, это стало моей душевной болезнью. Но всего надо добиваться, само ничто не приходит, а я смирилась – видно такова судьба. Жизнь пошла не по тому пути...

Выйдя замуж, я очень скоро поняла, что брак – ошибка. Слишком разные мы люди, да и не любила я его. Но уйти, расторгнуть брак – грех, так говорит религия. Вышла замуж, „мил не мил – живи“. Отчуждение и неприязнь росли и росли, но я это скрывала до тех пор, пока муж и физически стал противным. Потом родились дети. Они были большой радостью для семьи...

Но основного в семье у нас не было: взаимного понимания и любви. Невозможность жить в семье и цепи религии, которые приковали меня к этой жизни, – вот что довело до страшного преступления. Вот почему я не находила себе места – ведь в душе боролись две силы.

...Я не хотела уходить и потому, что детям нужен отец, сама я не знаю значения слова „папа“. А мой муж был хорошим отцом своим детям. Эти годы я жила только для мужа и детей, а в душе велась постоянная борьба двух сил. Постепенно эта борьба стала прорываться наружу, я уже была не в силах ее скрыть. Вот тогда-то и муж заметил перемену отношений к нему. Это совпало как раз с тем временем, когда я увидела Рагожкина. Не любовь, а вот это смятение и внутренняя борьба толкнули меня к нему. После встреч с Рагожкиным и Свистуновым я возненавидела себя. Мне было стыдно за себя перед собой.

...Запутавшись окончательно во лжи, зайдя в тупик в сложившихся обстоятельствах, душа повернулась в пропасть от того, что ложью нагрешила, встречалась с молодыми людьми, а это тоже грех. Уж очень глубоко вонзились в мою душу корни религии. С другой стороны, было стыдно появляться в своем коллективе после того, как обличили во лжи. А тут еще и дома скандалы. Но надо было бы правду рассказать мужу, а я продолжала лгать, опутывая себя сетью

²¹⁶ См.: Вопросы изучения преступности. 1962. № 8. С. 34.

непонятного. И последней каплей было заявление мужа о том, что детей воспитает он сам со своей матерью, а меня убьет при первой же встрече. Запутанная ложью, сетями религии, не разобравшись ни в чем, надумала: „Убью детей, чтобы не мучились позором матери-лгуньи, чтобы не воспитывал их человек, который хочет лишить их матери, и пойду в милицию все расскажу, чтобы меня расстреляли“. Как ни ничтожны и неправдоподобны основания чудовищного убийства, но все это так, только так. О, как далеко, к какой страшной трагедии привела меня вера в религию!»²¹⁷

---

²¹⁷ См.: Архив Воронежского областного суда. Дело № 2-20-1964 г. Л. д. 310–313.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.